

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3
2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is open to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: borisov.na@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: borisov.na@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

D.O. Vakarchuk, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.V. Grishin, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Z.A. Dadabaeva, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.V. Illeritskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Khristoforov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
O.V. Popova, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
A.A. Spasov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
B. Shtettsel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

Executive editors:

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
A.A. Spasov, Cand. of Sci. (Political Science), RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Д.О. Вакарчук, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришин, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

З.А. Дадабаева, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*);
- О.В. Попова*, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.А. Спасов*, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация;
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- В.С. Христофоров*, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, РГГУ

А.А. Спасов, кандидат политических наук (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология политической науки

Андрей В. Логинов

Русская идея в контексте национальных духовных поисков 12

Дмитрий П. Гавра, Елена В. Быкова

Коммеморативная стратегическая коммуникация государства:
современное понимание и постановка проблемы 20

Игорь В. Чайко

Неопатримониальный тренд как тенденция современного
политического развития 52

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Aleksandr V. Malov

Brazil's food sovereignty: political decisions "from above"
and civil actions "from below" [Продовольственный
суверенитет Бразилии: политические решения «сверху»
и гражданские акции «снизу»] 69

Андрей А. Захаров

Нигерийский федерализм в контексте глобального потепления 86

Александр А. Спасов

Эскалации косово-сербского конфликта в 2022–2025 гг. 111

Кристина А. Пурен, Екатерина С. Чимирис

Отношение стран «Глобального Юга» к России
в условиях трансформации мирового порядка
(на основании голосования ООН) 133

Виталий М. Струговец

Международные политические коммуникации как базовый инструмент
внешнеполитической солидарности постсоветских государств
(на примере совместных заявлений государств-членов ОДКБ) 153

Владислав В. Зайковский

Эффективность миротворческой миссии России
в Нагорном Карабахе в контексте формирования системы
региональной безопасности на Южном Кавказе 173

Политические процессы в прошлом и настоящем

Дмитрий М. Позгорельский

Перспективы применения социальной архитектуры
в сфере межнациональных отношений в России 193

Владислав Б. Наумов

Сетевая активность противоправных сообществ
в мессенджере Telegram: структура и методы
противодействия распространению деструктивных идей 208

Алиса А. Беклямишева

Коммеморативные практики НИЦ «Курчатовский институт» 223

CONTENTS

Theory and methodology of political science

<i>Andrei V. Loginov</i>	
The Russian idea in the context of national spiritual quest	12
<i>Dmitrii P. Gavra, Elena V. Bykova</i>	
Commemorative strategic state communication: modern understanding and statement of the problem	20
<i>Igor V. Chaiko</i>	
The neopatrimonial trend as the main vector of modern political development	52

Countries and regions of the world:

Development dynamics and models of cooperation

<i>Aleksandr V. Malov</i>	
Brazil's food sovereignty: political decisions "from above" and civil actions "from below"	69
<i>Andrei A. Zakharov</i>	
Nigerian federalism in the context of global warming	86
<i>Aleksandr A. Spasov</i>	
Escalation of the Kosovo-Serbian conflict (2022–2025)	111
<i>Christina A. Puren, Ekaterina S. Chimiris</i>	
The attitude of the countries of the "Global South" towards Russia (based on the UN vote) in the context of the transformation of the world order	133
<i>Vitalii M. Strugovets</i>	
International political communications as a basic tool of foreign policy solidarity of post-Soviet states (using the example of joint statements by the CSTO member states)	153
<i>Vladislav V. Zaykovsky</i>	
The effectiveness of Russia's peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh in the context of the formation of the regional security system in the South Caucasus	173

Political processes in the past and in the present

Dmitrii M. Pogorelskii

Prospects for the application of social architecture
in the field of interethnic relations in Russia 193

Vladislav B. Naumov

Online activity of illegal communities in the Telegram messenger:
structure and methods of countering the spread of destructive ideas 208

Alisa A. Beklyamisheva

Commemorative practices of the National Research Centre
“Kurchatov Institute” 223

УДК 130.2+2+32(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-12-19

Русская идея в контексте национальных духовных поисков

Андрей В. Логинов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rsuh@rsuh.ru*

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию феномена «русской идеи» как фундаментальной категории национального самосознания. Предпринимается попытка уточнить дефиниции данного понятия, выходящего за рамки узкоэтнического подхода, и представить его как универсальный цивилизационный проект. Анализируются истоки универсализма «русской идеи», укорененные в православном христианстве, специфика русского патриотизма, концепция «богоносности» народа. Автор разграничивает широкое понимание «русской идеи» как этнической доминанты и системы культурных архетипов и ее узкое значение как результата концептуальной работы ведущих представителей отечественной религиозно-философской мысли. В статье обосновывается мысль о преемственности этих идей в XX в., в частности в творчестве А.И. Солженицына. В заключении раскрывается актуальность темы «русской идеи». В начале XXI в. она предстает как «философия будущего», направление, определяющее выбор исторического пути России – стать самобытной цивилизацией.

Ключевые слова: Россия, Русская идея, философия, религия, цивилизация, народ, культура, государство

Для цитирования: Логинов А.В. Русская идея в контексте национальных духовных поисков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 12–19. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-12-19

The Russian idea in the context of national spiritual quest

Andrei V. Loginov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
rsuh@rsuh.ru

Abstract. The article offers a comprehensive analysis of the “Russian idea” phenomenon as a fundamental category of the Russian national apperception. The article seeks to propose a more specific definition of this concept going beyond the narrowly ethnic approach and treating it as a universal civilizational project. It explores both the sources of this universalism rooted in the Orthodoxy, and the unique features of Russian patriotism and the concept of a “god-bearing” people. The article identifies two interpretations of the Russian idea: a broad one that views it as an “ethnic keynote” and a system of cultural archetypes, and a narrow one that is the fruit of the conceptualizing endeavors of the leading Russian religious and philosophical thinkers. Particular emphasis is placed on the continuity of this line of thought in the 20th century, especially in the works of Alexander Solzhenitsyn. The research concludes with demonstrating the relevance of the Russian idea in the early 21st century as a “philosophy of the future” that defines Russia’s choice of its historical path as a unique civilization in its own right.

Keywords: Russia, Russian idea, philosophy, religion, civilization, a people, culture, the state

For citation: Loginov, A.V. (2026), “The Russian idea in the context of national spiritual quest”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 12–19, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-12-19

Введение

В постсоветское время рассуждения о «русской идее» в самых разнообразных контекстах стали весьма популярными. С одной стороны, эта тема сделалась общим местом политической публицистики разной идейной ориентации (как в позитивном, так и в негативном ключе), с другой – она явилась содержанием серьезных научных трудов [Касавин 2000; Кочеров 2003]. Между тем само по себе определение «русской идеи» в качестве точной и четкой дефиниции так нигде и никем не было сформулировано. Традиционно ее принято характеризовать как совокупность понятий, выражающих историческое своеобразие и особое призвание русского народа. Такое определение, однако, требует существенного уточнения.

Прежде всего, возникновение самого феномена «русской идеи» во многом было предопределено феноменом глубоко оригинального цивилизационного творчества нашего народа, в процессе которого в единых границах сформировалось имперское государство-цивилизация. Вобрав в свой ареал множество народов (в том числе – локальных этнокультурных общностей-протоцивилизаций), оно вышло далеко за пределы русской (и даже русско-славянской) этничности, оставаясь при этом русским. Аналогичным образом и «русская идея», не утрачивая своей национальной идентичности, изначально осознавала себя именно как идея вселенского уровня.

Феномен Русской идеи

На вселенский феномен русской идеи указывал, в частности, видный мыслитель и публицист русского зарубежья Иван Лукьянович Солоневич в своей известной книге «Народная монархия»¹. Истоки ее универсализма (констатируемого не только И.Л. Солоневичем, но и другими – в том числе современными [Лекторский 2010] – авторами), видимо, следует усматривать во вселенском универсализме самого православного христианства, осознававшего себя в качестве универсальной истины вне племенных рамок. Не случайно, что именно факт принятия Древней Русью христианства в X в. явился исходной точкой национально- исторического самосознания русского народа, осознания им своего национально-религиозного призвания. Это вполне закономерно, поскольку само владение такой универсальной религиозной истиной вселенского порядка, каковой выступало православное христианство, предполагает особую ответственность как в ее хранении, так и в несении и раскрытии всему остальному миру. Соответственно, народ, сохранивший эту истину в чистоте, несет в себе возможность творческого обновления для всего человечества. Именно в этом как раз состоит историческое призвание такого народа, осознаваемое как «национальная идея».

Отсюда происходит столь остро ощущаемая как религиозно-философской мыслью, так и на уровне массового сознания «богоносность» русского народа. Однако эта «богоносность» не есть «богоизбранность» (наподобие «богоизбранности» древнееврейского народа): если последняя сосредоточивает «избранный народ» на самом себе, то первая – на раскрытии истины другим. Эта Высшая

¹ Солоневич И.А. Народная монархия. Минск: Лучи Софии, 1998. 500 с.

Истина и есть сохраненное в чистоте православное христианство. Духовный опыт других народов при этом не упраздняется, а лишь возводится на более высокий уровень. Вселенский универсализм «русской идеи» как раз и состоит в том, что истина, которую стремится постигнуть, а затем раскрыть всему миру русская душа, есть истина онтологического порядка – истина бытия. Она относится к бытию в целом и ко всему, что оно в себя включает. Очевидно при этом, что все аспекты человеческой жизни охватываются единым организующим принципом Божьей правды.

В разные исторические периоды это осознавалось по-разному и не всегда в достаточной степени явно. Однако именно сочетание Православия и России было той узловой точкой, в которой так или иначе сходились все линии «русской идеи». Основопологающей формулой этой идеи становилось в данном случае сочетание понятий «Бог» и «Родина». В его рамках образ земного Отечества мыслился как видимое воплощение Небесного Первообраза.

Тем самым образуется другая составляющая «русской идеи» – патриотизм с его безотчетным переживанием и общности судьбы, и уникального религиозного призвания русского народа. Его направленность заключается в том, чтобы сохранить православную веру и свидетельствовать о ней перед другими народами. Если западно-европейский патриотизм в значительной мере определялся идеей государственного единства, то своеобразием русского патриотизма было ощущение нашим народом единства Православной веры и Русской земли даже при отсутствии единого государства и вследствие политической раздробленности [Лекторский 2001].

Такова краткая характеристика основных черт «русской идеи».

Говоря далее об этом феномене, следует иметь в виду как широкое, так и узкое значение данного понятия. Содержанием национальной идеи в ее широком понимании являются не только и не столько абстрактные понятия и рационально сформулированные дефиниции, сколько в значительной мере – живые архетипы, укорененные в сознании и подсознании народа. Из них формируется ценностная иерархия, определяющая поведенческие модели и формирующая идеальные образы, целостно переживаемые каждым представителем данного народа. Тем самым национальная идея задает народу его целеполагание, раскрывая смысл его исторического существования, возвышая над уровнем наличного бытия, соединяя народ с его прошлым, оправдывая настоящее и открывая путь в будущее. Формулируя таким образом общее историческое назначение народа на сознательном и бессознательном уровне, национальная идея тем самым определяет его способность к оригинальному культурно-историческому творчеству.

При этом, имея свое начало в той или иной «сакральной вертикали», национальная идея в основе своей выступает прежде всего как идея религиозная, причем даже в тех случаях, когда это религиозное начало отчетливо не осознается. Можно отметить, что в своем широком значении понятие национальной идеи в значительной мере совпадает с (понятийной) категорией «этнической доминанты», предложенной видным историком, этнологом и философом Львом Николаевичем Гумилевым. В своем общем виде она определялась им как «явление или комплекс явлений (религиозный, идеологический, военный, бытовой и т. п.), который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное единообразие» [Гумилев 2008, с. 192].

Этническая доминанта, по мысли ученого, становится «словесным выражением тех или иных идеалов, которые в каждом суперэтносе имеют единообразные значения и сходную смысловую динамику для всех этносов, входящих в данную систему» [Гумилев 2008, с. 191]. Именно такая суперэтническая общность, ядром которой выступает русский народ, и является этнокультурной основой всей российской цивилизации. «Русская идея», перерастая чисто этнические рамки, становится доминантой этой общности. Она находит свое проявление как на уровне религиозно-философской и социально-политической мысли, церковных и государственных институтов, так и в культурном творчестве, народном благочестии – основе повседневного бытового уклада, феномене «русской святости». Сохраняясь в глубине культуры, «русская идея» постоянно обогащалась, вбирая в себя трагический опыт истории русского народа и других народов исторической России [Павлов 2019].

Надо отметить, что узкоэтнический «племенной» национализм в истории русской мысли чаще всего носил периферийно-маргинальный характер, тогда как предпочтение отдавалось цивилизационным суперэтническим синтезам более высокого порядка. Это же относится к проблеме соотношения «Царства Духа и Царства Кесаря» (наименование одной из поздних работ Н.А. Бердяева [Бердяев 1995]). Среди этих ценностно-смысловых ориентиров доминирующая роль всегда отводилась первому – *Царству Духа*. Отсюда у русских философов проявлялось настойчивое стремление к решению и национальных, и социально-политических проблем прежде всего в религиозном – духовно-нравственном – ключе.

В своем более узком значении «русская идея» – это результат целенаправленной работы выдающихся представителей отечественной религиозно-философской и – в широком плане – общественной мысли. Она представляет собой плод их размышлений

об историческом своеобразии «русского пути», о месте России и русского народа во всемирно-историческом процессе, об отношениях русских с представителями других народов и религий. В русле традиций национальной классической культуры в понятие «русской идеи» традиционно включают обширный круг проблем, духовных исканий, идейных течений, направлений и дискуссий в сфере философии, в значительной мере определивших картину российской духовной жизни, в том числе в XX в. [Философия не кончается 1998–1999].

Развитие «русской идеи», как и философское творчество в целом, активно продолжалось и после 1917 г., причем не только в среде русской эмиграции, но и на родине. Оно, по сути, никогда не прекращалось даже в условиях идеологического диктата и принудительного насаждения «научного атеизма». Более того, именно в это – послереволюционное – время можно отметить усиление роли художественной литературы в осмыслении как трагической «русской судьбы» этого периода, так и исторического опыта развития России в целом.

Заключение

А.И. Солженицын, ощущая свою идейную и духовно-нравственную преемственность по отношению как к Ф.М. Достоевскому, так и к другим творцам «русской идеи», сумел представить свой, глубоко оригинальный ее вариант, который может быть адекватно понят и осмыслен только на фоне трагической и героической судьбы русского народа в XX в. В начале третьего тысячелетия, когда вопрос о выборе исторического пути этого народа как субъекта самобытного цивилизационного творчества вновь встал со всей остротой, «русская идея» как бы переживает свое второе рождение. Она становится культурной реальностью нашего времени и одновременно – своеобразной «философией будущего». В связи с этим всесторонний анализ «русской идеи» в солженицынских произведениях на фоне «русской судьбы» приобретает особую актуальность.

Благодарности

Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете в рамках государственного задания № FSZG-2026-0008 на тему «Социокультурная идентичность и социальная структура российского общества».

Acknowledgements

This research was carried out in the Russian State University for the Humanities as part of Public Research Assignment No. FSZG-2026-0008 “Russian Society and Its Sociocultural Identity and Social Composition”.

Литература

- Бердяев 1995 – *Бердяев Н.А.* Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 382 с. (Мыслители XX века)
- Гумилев 2008 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2008. 556 с.
- Касавин 2000 – *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. СПб: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2000. 310 с.
- Кочеров 2003 – *Кочеров С.Н.* Русская идея: сущность и смысл. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. 164 с.
- Лекторский 2001 – *Лекторский В.А.* Немецкая философия и русская гуманитарная мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 129–139.
- Лекторский 2010 – *Лекторский В.А.* Как возможен диалог цивилизаций // Человек в интеллектуальном и духовном пространствах: сб. науч. трудов к 90-летию профессора Владислава Жановича Келле / отв. ред. М.В. Киселева. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 23–36.
- Павлов 2019 – *Павлов А.В.* Чем полезен «культурный поворот» в славистике для исследований Русской революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 670–689.
- Философия не кончается 1998–1999 – *Философия не кончается...: Из истории отечественной философии, XX век: [В 2 кн.] / под ред. В.А. Лекторского.* Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1998. 720 с.; Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. 767 с.

References

- Berdyayev, N.A. (1995), *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The realm of Spirit and the realm of Caesar], Respublika, Moscow, Russia. (*Myisliteli XX veka*)
- Gumilyov, L.N. (2008), *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the land], AST, Moscow, Russia.
- Kasavin, I.T. (2000), *Traditsii i interpretatsii: Fragmenty istoricheskoi epistemologii* [Traditions and interpretations: The fragments of historical epistemology], Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo humanitarnogo instituta, Saint-Petersburg, Russia.
- Kocherov, S.N. (2003), *Russkaya ideya: sushchnost' i smysl* [Russian idea: content and mind], Izdatel'stvo NGPU, Nizhny Novgorod, Russia.

- Lektorskii, V.A. (2001), "German philosophy and Russian humanitarian mind: S.L. Rubinshteyn and G.G. Shpet", *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 129–139.
- Lektorskii, V.A. (2010), "How is the dialogue of civilizations possible", in Kiseleva, M.V., ed., *Chelovek v intellektual'nom i dukhovnom prostranstvakh: sb. nauch. trudov k 90-letiyu professora Vladislava Zhanovicha Kelle* [A people in intellectual and spiritual space: community of papers to 90th anniversary of professor Vladislav Zhanovitch Kelle], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, pp. 23–36.
- Lektorskii, V.A., ed. (1998–1999), *Filosofiya ne konchaetsya...: Iz istorii otechestvennoi filosofii, XX vek* [Philosophy is not finishing... From the history of domestic philosophy. 20th century], in 2 books, ROSSPEN, Russia, Moscow.
- Pavlov, A.V. (2019), "In what occasion the cultural turn in Slavic science is useful for studying Russian revolution", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1–2, pp. 670–689.

Информация об авторе

Андрей В. Логинов, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; rsuh@rsuh.ru

Information about the author

Andrei V. Loginov, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6–6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; rsuh@rsuh.ru

Коммеморативная стратегическая
коммуникация государства:
современное понимание и постановка проблемы

Дмитрий П. Гавра

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, d.gavra@spbu.ru*

Елена В. Быкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, e.bykova@spbu.ru*

Аннотация. В условиях глубокой медиатизации смена вектора духовных ориентиров, ценностей, коллективной национальной идентичности сопровождается напряженным вниманием органов государственной власти России к истории страны, отношению к памятникам и ритуалам. В статье авторами впервые предложена концепция коммеморативной стратегической коммуникации органов государственной власти в условиях транзакционной медиатизации социальности. Коммеморативная стратегическая коммуникация органов государственной власти по определению авторов представляет собой стратегическую программу использования коммуникационных инструментов для обеспечения долгосрочного и устойчивого внедрения в национальную идентичность и национальный духовный генотип памяти о людях, отдавших свою жизнь за свободу и независимость своего Отечества, формирования ответственности перед павшими героями, потребности хранить память о них и продолжать их дело. На основании сравнительного анализа речевой организации текстов мемориальных досок в честь героев СВО, которые являются средствами медленной коммуникации власти и общества, авторы доказывают, что баланс влияния быстрого цифрового мира обеспечивают медленные коммуникации, которые являются репрезентацией мира аналогового, реального, с помощью которого укрепляется и передается историческая память.

Ключевые слова: коммеморация, стратегическая коммуникация государства, медленная коммуникация, мемориальный текст

Для цитирования: Гавра Д.П., Быкова Е.В. Коммеморативная стратегическая коммуникация государства: современное понимание и постановка проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 20–51. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-20-51

Commemorative strategic state communication: modern understanding and statement of the problem

Dmitrii P. Gavra

*St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
d.gavra@spbu.ru*

Elena V. Bykova

*St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
e.bykova@spbu.ru*

Abstract. In this article, the authors first propose a concept for commemorative strategic communication by government bodies in the context of the transactional mediatization of sociality, when the vector of spiritual guidelines, values, and collective national identity in relation to monuments and rituals is shifting. Commemorative strategic communication by government bodies represents a strategic long-term program. This program involves the use of communication tools to instill in national identity the memory of those who gave their lives for the freedom and independence of the Fatherland. Commemorative strategic communication fosters a sense of responsibility to fallen heroes and a desire to continue their work. Based on a comparative analysis of the verbal organization of memorial plaques honoring the heroes of the Special Military Operation, which serve as a means of slow communication between government and society, the authors demonstrate that slow communications, representing the analog, real world through which historical memory is reinforced and transmitted, provide a balance to the influence of the fast digital world.

Keywords: commemoration, strategic government communication, slow communication, memorial text

For citation: Gavra, D.P. and Bykova, E.V. (2026), "Commemorative strategic state communication: modern understanding and statement of the problem", *RSUH/RGGU Bulletin, "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 20–51, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-20-51

Введение

Для любого государства обеспечение сохранения идентичности, замкнутое на категорию национальной исторической памяти, принадлежит к числу стратегических задач. Соответственно государственные коммуникации, обеспечивающие полноценное воспроизводство исторической памяти народа, по всем важнейшим критериям отвечают современному пониманию стратегических

коммуникаций. Стратегические коммуникации становятся особо важными в условиях глубокой медиатизации социальной жизни и формирования платформенного общества в условиях дефицита внимания, когда на передний план выходят коммуникативные практики «быстрого мира», которые фиксируются на событиях сегодняшнего дня, на непрерывно меняющихся новостях и присносимых ими эмоциях. «Процессы вовлечения в политическую коммуникацию значительного количества населения – вначале через средства массовой информации, а затем, по мере распространения цифровых технологий, и через социальные сети – вывели проблему объективности фактов, связанную, в числе прочего, и с попытками намеренных манипуляций, из чисто научной сферы в область повседневной жизни обычного человека» [Грачев, Евстифеев 2020, с. 237]. Молодое и среднее поколение, чья социализация происходила в период тотальной цифровизации, теряют навыки медленной коммуникации, связанные с размышлением, обобщением, обращением к прошлому, что создает очевидные проблемы в обеспечении полноценного воспроизводства национальной исторической памяти и формирования коллективной идентичности, когда влияние полифоничного контента, распространяемого в социальных сетях оказывает едва ли не большее влияние на формирование мировоззренческой позиции молодежи, нежели официальные медиа [Гавра 2023, с. 47–53].

Отдельную значимость коммуникациям, направленным на обеспечение воспроизводства полноценной исторической памяти, придает современный период усиления глобального противостояния в информационно-психологической сфере, начавшийся более десятилетия назад и приобретший особую остроту с началом специальной военной операции (СВО) в 2022 г. Россияне, с одной стороны, оказались в перекрестье прицела западных профессионалов психологической войны, а с другой – не могут не видеть себя живыми участниками и прямыми творцами истории своей страны, когда герои спецоперации оказываются членами семей, приходят в студенческие аудитории, именами героев называют улицы и учебные заведения. Живая большая история творится на наших глазах и нашими руками, и в этом плане коммеморативная деятельность и коммеморативная коммуникация государства приобретает особую значимость, что требует релевантного научного обоснования.

Как показывают исследования уже 10-летней давности, молодое поколение реагирует на происходящие события полярно и избирательно: от апатичного равнодушия и полной политической резистентности, связанной с отрицанием и избеганием любых тем, имеющих хоть какое-то отношение к современной политической

реальности и ее объяснениям при помощи исторических аргументов, до гипертрофированного принятия и отстаивания¹. Это отчасти является результатом коммуникаций «быстрого мира», которые не требуют обращения к механизмам долговременной памяти, что, безусловно, отражается на картине мира современного пользователя гаджетов: любая информация забывается на следующий день, перестает быть значимой, если отсутствует персональная вовлеченность субъекта речи или адресата.

Полифоничность в отношении к актуальному положению дел во многом объясняется тем, что мы живем в обществе тотальной цифровизации и глубокой медиатизации, в платформенном обществе [Гавра, Акимович, Ачкасова и др. 2025]. В этой фазе современности обсуждения по поводу переименований городов, улиц, площадей или, напротив, возвращений исторических названий, присвоений новых именований учебным заведениям, установок или сносов мемориальных досок и памятников определенным исторически личностям, реакций на смерть политических лидеров прошлого или актуализированных фактов их биографий вызывают широкий общественный резонанс, становятся показателем общественных настроений и обозначают социальный запрос на формирование образа будущего [Гавра, Быкова 2023].

Баланс всеобщему влиянию быстрого цифрового мира создают так называемые медленные коммуникации, которые являются репрезентацией мира аналогового, сущностного, реального, с помощью которых, собственно, укрепляется и передается память о прошлом [Гавра 2024а; Gavra, Bykova, Balakhonskaya 2025]. В этом аспекте особое значение получает коммеморативная традиция как социальная практика, национальная духовная скрепа, основу которой составляет мобилизованная коллективная память о значимых событиях и личностях, воплощенная в мемориальных сооружениях [Романовская, Фоменко 2015; Симакова 2025].

Коммеморация как особый формат государственной коммуникации оказывает существенное влияние на регулирование того, каким образом и какие события нашей общей истории должны быть запечатлены для потомков в материальной форме, как общедоступное коммуникационное послание, выражающее связь поколений, поддерживающее традицию и задающее стратегию на будущее будет представлено в реальных практиках.

¹ Котенев А. Современные подростки – первое поколение без исторической памяти // Центр политического анализа. 2014. 14 авг. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/archive/read/id/sovremennye-podrostki-pervoe-pokolenie-bez-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 22.12.2025).

В настоящей статье мы предполагаем обозначить подходы к пониманию коммеморативной стратегической коммуникации органов государственной власти в условиях глубокой медиатизации социальности и выработке прикладных практических решений по формированию мемориальной семиотики в форматах монументальной пропаганды на примере текстов мемориальных досок в честь героев СВО. Данные тексты стали объектом исследования.

Мемориальный текст нами рассматривается как идеологически нагруженное сообщение, являющееся в структурно-семантическом, семиотическом, идеолого-нарративном ключе инструментом государственной стратегической коммуникации. В мемориальном тексте должны быть эксплицитно представлены вневременные национальные ценности. В поле исследования входит сравнение речевой организации мемориальных досок о сообщаемом событии.

Цель статьи – введение в научный оборот категории коммеморативной стратегической коммуникации и разработка теоретических основ государственной информационной политики в этой сфере, что соответствует ценностям, связанным с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности в соответствии с содержанием Указа Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Для достижения обозначенной цели авторами выдвинуты следующие *гипотезы*:

1. Жанр коммеморативного/мемориального текста, посвященного героям и участникам войн, вооруженных конфликтов, военных операций имеет устойчивую речевую организацию, предусматривающую обязательные и факультативные компоненты.

2. В России сложилась традиция речевой структуры текстов коммеморативной монументальной коммуникации, опирающаяся на российскую ментальную матрицу поклонения героям, отдавшим жизнь в битвах за Отечество.

3. Речевая структура текстов коммеморативной монументальной коммуникации, посвященных павшим героям СВО, в целом соответствует традиции, сложившейся при формировании мемориальных текстов в честь героев Великой Отечественной войны,

² Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. 2022. 9 нояб. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 22.12.2025).

однако при этом присутствуют и заметные различия в актуализации смысловых фрагментов.

4. Речевая структура текстов коммеморативной монументальной коммуникации, посвященных павшим героям СВО, на период исследования не является полностью устоявшейся и универсальной, тексты различаются по смысловой иерархии актуализированных фрагментов от региона к региону, хотя в них уже прослеживается устойчивое семантическое ядро, соответствующее российской традиции сохранения памяти о павших героях.

Эмпирическую базу исследования составила выборка медиа-текстов, связанных с событиями установки мемориальных досок, посвященных героям СВО во всех федеральных округах Российской Федерации и самих текстов мемориальных досок. Авторами проанализирована речевая организация мемориальных текстов: их архитектурное решение, место размещения мемориальных досок, выявлены вневременные смыслы мемориальных текстов и обозначены приемы их речевой актуализации в плоскости.

История вопроса

Ретроспективный анализ мемориальных текстов позволил выявить способ презентации персонажа мемориального текста, который по своей структуре изоморфен речевой структуре персонажа в тексте массовой коммуникации: номинация, внешний облик, социально-статусная характеристика, окружение, событие, психологический и идеологический портрет [Потсар 2006].

Во всех мемориальных текстах в честь героев Великой Отечественной войны актуализирована героическая смерть за Родину: пал смертью храбрых, погиб в бою с фашистскими оккупантами, героически погиб на реке Одер, погиб, выполняя боевое задание, насмерть бился с врагом, повторил подвиг Гастелло, героически погиб в неравном бою³. При этом «складывающийся образ помогает читателю осознать реальность и глубину той связи, которая существует между отдельным конкретным человеком. Событием, с одной стороны, и обществом, его каждодневно творимой историей – с другой»⁴.

Способы номинации персонажа мемориального текста имеют следующие репрезентации: по профессии, по должности или

³ Калинин Б.Н., Юревич А.Ю. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Л.: Лениздат, 1979. 519 с.

⁴ Коньков В.И., Краснова Т.И., Рогова К.А. Язык художественной публицистики (Очерк и фельетон). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 4.

воинскому званию, по участию в событии. Социально-статусная характеристика героя связана с подвигом, участием в историческом событии, что повышает социальный статус личности до общественно значимого уровня, является смысловой доминантой. Смысловые фрагменты, описывающие подвиг героя, выполняют объяснительную функцию, вписывают подвиг героя в личностную эмоциональную сферу воспринимающего текст: «22 сентября 1941 г. в тяжелом бою на подступах к Петродворцу 11 курсантов-пограничников во главе с лейтенантом Бородачевым Виктором Григорьевичем (родился в 1915 г.) отразили наступление фашистской роты, уничтожив десятки врагов. Бесстрашный командир погиб в бою»⁵; «Младший лейтенант Игорь Алексеевич Графов (1924–1944) – командир пулеметного взвода. В жестоком бою на берегу реки Нарвы взвод под его командованием отбил одиннадцать вражеских атак и не оставил позиции. Именем Героя Советского Союза И.А. Графова названа эта улица»⁶.

В речевой структуре мемориального текста в честь героев Великой Отечественной войны обозначен образ врага: фашистские захватчики, фашистские оккупанты, фашистская рота, фашистские самолеты, гитлеровская охрана, натиск фашистов, фашистский лагерь смерти, немецко-фашистские захватчики.

В ходе исследования нами проведено сравнение речевой структуры мемориальных текстов в честь героев Великой Отечественной войны и героев СВО, описаны интегральные и дифференциальные характеристики и интерпретировано выявленное различие в речевой структуре.

Постановка проблемы и теоретическое обоснование исследования

В современных исследованиях «память приобретает все больший онтологический статус и связывается уже прежде всего с актуальными системными процессами, которые сами по себе могут и не выглядеть как память в привычном для нас биологическом понимании» [Суховерхов 2011, с. 2]. Системные исследования памяти и осознание необходимости создания общей теории памяти были индуцированы изучением социальной (культурной, коллективной, исторической) памяти в 1990-х и начале 2000-х гг. [Berliner 2005; Roediger, Wertsch 2008]. Однако память долгое

⁵ Калинин Б.Н., Юревич А.Ю. Указ. соч. С. 364.

⁶ Там же. С. 367.

время понималась главным образом исторически и рассматривалась лишь ретроспективно, как некий «отпечаток», «след» прошлого, или как совокупность знаковых систем, хранящих информацию о прошлых событиях в настоящем времени.

Научная значимость и новизна обозначенной в статье проблемы связана с отсутствием в современном теоретическом дискурсе стратегических коммуникаций государства методологически строгой разработки вопросов встраивания политики памяти в общую страновую модель стратегической коммуникации. При этом само обоснование политики памяти, ее структурная модель и инструменты как в рамках исторической науки, так и предметном поле политического управления могут считаться достаточно хорошо разработанными. Проблема заключается в том, как встроить эту модель именно в систему стратегических коммуникаций органов государственной власти на разных уровнях социальной иерархии.

Категория стратегической коммуникации является достаточно глубоко разработанной в современной военно-стратегической, геополитической и дипломатической традиции [Holtzhausen, Zerfass 2014; Zerfass et al. 2020; Borchers, Enke 2021]. Исследователями выявлены функции и инструменты стратегической коммуникации в геополитической сфере, показаны направления ее развития в условиях цифрового транзита [Гавра 2024b]. В то же время в современной общей теории стратегических коммуникаций неразработанной остается проблематика стратегических коммуникаций государства в сфере обеспечения устойчивого воспроизводства базовых конструкторов национальной памяти, которые актуализируются в мемориальных текстах, ставшими символическими концептами национальной памяти: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен» (автор текста – С.В. Михалков); «Не жертвы – герои лежат под этой могилой...» (автор текста – нарком просвещения А.В. Луначарский); «Никто не забыт и ничто не забыто» (автор текста – О.Ф. Берггольц). Важно сказать, что авторами строк, высеченных на гранитных и мраморных плитах в советский период, были мастера художественного слова, которые обозначили в речевой структуре текста переход от определенного времени истории страны и хронологической последовательности событий к вневременному восприятию содержания, вписали текст в архитектурное оформление мемориала. Эти тексты стали повторно цитироваться в мемориальных текстах последующих исторических периодов, выполняя функцию связи поколений.

Еще одна необходимая сторона актуальности проблемы связана с практической значимостью не просто встраивания памяти об СВО в текущие государственные коммуникации, но и выхода

в этом процессе на горизонты стратегической коммуникации. В СВО участвуют сотни тысяч граждан России, есть их семьи, круг общения, друзья, коллеги по работе и т. п. И здесь уже счет идет на миллионы: все эти люди будут нести прожитый опыт и хранить память о пережитом на поколения вперед. Участники СВО в будущем составят важнейшую часть, костяк, если так можно сказать, российской элиты, Вооруженных Сил, силовых структур. И здесь цена пренебрежения методологией, стратегическими подходами к коммуникации может быть велика.

Начнем с определения базовой категории. *Коммеморативная стратегическая коммуникация органов государственной власти* в самом общем виде представляет собой стратегическую долгосрочную программу и вытекающую из нее систему практик использования коммуникационных инструментов для обеспечения долгосрочного и устойчивого внедрения в национальную идентичность и национальный духовный генотип памяти о людях, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Отечества, формирования на этой основе ответственности перед павшими героями и потребности хранить память о них и продолжать их дело. Национальный духовный генотип – понимаемый в аксиологическом и деонтологическом смыслах идеально-типический «ген» нации, в котором в свернутой форме закодирована социальность и программа поведения народа, как носителя данного генотипа. Духовный генотип представляет во всеобщей форме социальность нации/народа и, возникая из исторического и духовного опыта, начинает исполнять регулятивную функцию по отношению к миропониманию и поведению новых поколений. Духовный генотип, в самом общем виде включает:

- глубинные/основополагающие ценности нации – основные ценности, проверенные историческим опытом поколений, закрепленные в религии и культуре и устойчиво воспроизводимые в условиях экзистенциальных выборов;
- субъективную интерпретацию глубинных ценностей в повседневных практиках (профессиональных, бытовых, досуговых, делинквентных и т. д.);
- значимые, в том числе критические для выживания нации моменты исторического опыта, которые народ пережил, интериоризировал и запечатлел в памяти как эффективные образцы поведения и работающие способы истолкования реальности.

Подчеркнем, что стратегическая коммеморативная коммуникация осуществляется в условиях транзакционной медиатизации и экспансии практик «быстрого мира», в которые в особой мере

погружены новые поколения – дети, подростки и молодежь. Их встроенность в цифровые практики быстрого мира в условиях экономики внимания ставит новые, не в полной мере проработанные в теоретико-методологическом плане задачи интеграции ценностей исторической памяти в фундаментальные устойчивые структурные компоненты их ментальности и духовного генотипа.

Исторический опыт детерминирован категорией памяти, которая актуализирована в динамике, в коммеморативной практике (поддержание Вечного огня как преемника неугасимой лампы, смена почетного караула у Поста номер 1 – могилы Неизвестного солдата, возложение венков к монументам во время визитов первых лиц, акция «Бессмертный полк» 9 Мая, проведение военного парада, региональные памятные мероприятия в честь знаковых для страны и региона событий), и в статике (установка мемориалов и мемориальных досок, определение и выбор топонимических номинаций). Так символическое визуальное оформление советских государственных праздников и ритуалов транслировало идеологические установки в эмоциональной и доступной форме, закрепляло универсальные истины и создавали смыслы, которые год от года превращались в стандартизованные коммуникативные действия [Барышева 2025]. Сегодня в поисках преемственности поколений многие сюжеты ритуальных практик коррелируют с историко-патриотическими мероприятиями: «Явно выражено внимание к мемориализации. Негативные события за рубежом (например, разрушение памятников советским воинам в Польше, Прибалтике, на Украине) усиливают стремление РФ и РБ делать акцент на увековечивании памяти защитников Отечества» [Бахлов, Бахлова 2025, с. 118].

Одним из материализованных средств стратегической коммеморативной коммуникации является монументальная коммеморативная коммуникация, включающая монументалистику различных форматов и масштабов и мемориальные доски. Монументалистика и мемориальные доски являются стратегическим коммуникационным инструментом дальнего действия, задающим вектор национальной идентичности, и одновременно показателем исторических, политических и культурных ориентиров социума. Надписи на мемориальных досках, и монументах обращены к памяти, к вечности, к миру знаний и миру ценностей. В мемориальном тексте важно каждое слово само по себе со всеми его смыслами, как, например, на «Памятнике ленинградскому громкоговорителю»:

ЗДЕСЬ, У РЕПРОДУКТОРОВ,
В ДНИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ
ЛЕНИНГРАДА 1941–1944 ГОДОВ,
ЖИТЕЛИ БЛОКАДНОГО ГОРОДА
СЛУШАЛИ СООБЩЕНИЯ
О СОБЫТИЯХ НА ФРОНТЕ⁷.

Статус мемориального может получить даже бытовой текст, если он вырван из своей обиходной среды, как, например, фрагмент дневника Тани Савичевой:

В ЭТОМ ДОМЕ
ТАНЯ
САВИЧЕВА
НАПИСАЛА
БЛОКАДНЫЙ
ДНЕВНИК
1941–1942
ОСТАЛАСЬ
ОДНА
*ТАНЯ*⁸

или объявление о том, что при артобстреле эта сторона улицы была наиболее опасной:

ГРАЖДАНЕ!
ПРИ АРТОБСТРЕЛЕ
ЭТА СТОРОНА УЛИЦЫ
НАИБОЛЕЕ ОПАСНА⁹

Мемориальный текст гораздо глубже, чем повседневный текст массовой коммуникации и быстрого мира социальных сетей, ретранслирует социокультурные стереотипы, способствует социализации и мобилизует социальный запрос на служение общему делу: призывает выстоять и победить.

⁷ Экскурсии в Санкт-Петербурге. URL: <https://cdn.tripster.ru/photos/ef70362d-5bfc-4edb-b045-b619ca4ab309.jpg> (дата обращения: 22.12.2025).

⁸ Видеолекторий «Дневник Тани Савичевой». URL: <https://www.culture.ru/events/4031492/videolektorii-dnevnik-tani-savichevoi> (дата обращения: 22.12.2025).

⁹ Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна. URL: <https://i.pining.com/originals/60/e7/ad/60e7adee1c14b61f19a811c9de1fdcfd.jpg> (дата обращения: 22.12.2025).

На архетипическом уровне реципиент воспринимает текст на памятнике как укорененное в истории устойчивое стратегическое послание, соединяющее прошлое и будущее. И в контексте этого послания личный темпоральный отрезок реципиента сравнительно мал, что на архетипическом уровне мультиплицирует силу воздействия мемориального текста. Совокупный мемориальный текст – это краткая запись истории страны, летопись в камне, идеологически нагруженный резервуар национальной институционализированной памяти, обладающий функцией коллективного воздействия.

Мемориальные тексты включены в понятие семиосферы, которая является семиотическим пространством, вне которого невозможно само существование семиозиса как процесса порождения значения и функционирования знаков. Деление семиосферы на ядро (неизменные базовые традиционные ценности) и периферию (ценностные аспекты, подчиняющиеся актуальной повестке) подчиняются закону внутренней организации семиосферы [Лотман 1992, с. 17]. Семиотическое ядро является индикатором идентичности, культурным кодом, на основании которого получатель может или не может воспринимать смысл текста. Ярче всего семиотическая идентичность проявляется в архитектурной монументалистике, которая создает, сохраняет смыслы на базе осмысления прошлого, исторического опыта на уровне личности, семьи, трудового коллектива, целой страны.

Если текст массовой информации в цифровой среде мы относим к так называемой быстрой коммуникации (быстрому миру), в мемориальном тексте находит отражение мир ментальный, где актуализированы ценности духовные, нравственные, этические, что мы относим к медленной коммуникации (медленному миру).

Что же позволяет мемориальному тексту стать инструментом стратегической коммуникации, преодолеть принцип цифровой медийной сиюминутности, быстротечности? Мемориальные тексты обладают рядом особых материальных (материал, из которого он изготовлен, форма, архитектурный контекст) и нематериальных, смысловых характеристик, которые в совокупности превращают текст в знак высокой социальной нагруженности в тесной связи с социальной, политической, идеологической формами общественного сознания. В мемориальном тексте доминирует принцип целенаправленного единства в воздействии на аудиторию, который реализуется в согласованном выборе архитектурного решения и речевых средств и, что очень важно, воплощается через точную организацию расположения речевого материала в плоскости. Любое несоответствие плоскостной организации речевого материала

ведет к разночтениям, ошибкам восприятия и разрушает целостное восприятие и, соответственно, снижает воздействие. Таким образом, это – совершенно особый тип текстов.

«Ценностными маяками», содержащимися в ядре исторической памяти народа, являются памятники воинской славы, это «матрица» восприятия общего прошлого и настоящего, замкнутого на экзистенциальные смыслы. Эти памятники во многом определяют и нацеленность вектора развития – от героического прошлого к желаемому будущему с опорой на ценность защищенности, безопасности, победы, мира. Ценностный смысл коммеморативной «матрицы» – верность памяти отдавших жизнь за Отечество героев, проявивших мужество, самопожертвование и верность долгу обуславливали позитивную направленность восприятия даже трагических событий, закрепленных в исторической памяти. Характер исторической памяти во многом определил особенности национальной традиции почитания героев [Москвина 2009]. Мощный духовный и эмоциональный потенциал, который содержится «ядре» коллективной памяти, зачастую становится импульсом для ее мифологизации и дальнейшего инсталлирования в другие формы коммуникационной продукции: кинофильмы, литературные и музыкальные произведения, ритуалы, которые формируют единое символическое поле.

В основе всей этой символизированной коммуникационной продукции лежит героический миф, который является как формой, так и содержанием коллективного сознания и базируется на фундаменте символов, архетипов и стереотипов. Мифологемы, в том числе и героико-патриотические, включенные в традицию, являются неотъемлемой составной частью исторического дискурса, во многом определяют содержание и архитектурную форму мемориального текста. Памятник для тех, кто его сооружает, связан с формулировкой нравственных абсолютов, нормативных образцов мышления и поведения, важных для современного общества, поскольку становится идеологическим объектом для восприятия и коллективного усвоения ценностей и общепринятого знания о прошлом. Механизм освоения привнесенного через визуальные и речевые формы исторического опыта становится моделью для пропагандистской риторики и являются иллюстрацией социально одобряемых представлений об истории и укрепляет преемственность поколений.

Специфика мемориального текста такова, что семантически значимым является только один речевой отрезок, который совпадает с коммуникативной ситуацией восприятия текста читателем и соответствует своеобразной перекличке идеологического поля со временем установки мемориала и соответствующего идеологического поля интерпретации коммеморируемого события/личности

уже в исторический период коммуникации с текстом, т. е. происходит своеобразная интерференция по меньшей мере двух темпоральных измерений ценностных нарративов, связанных с объектом коммеморации. Первый – это интерпретация объекта как героического, выдающегося, заслуживающего увековечения в период установки памятника / мемориальной доски. Второй – это ценностная интерпретация этого же объекта «здесь и сейчас» – в настоящее время. И когда первое и второе категорически не совпадают, начинается «война памятников», сносятся воинские мемориалы или сбиваются или демонтируются мемориальные доски.

Методология исследования

Анализ речевой структуры мемориальных текстов, посвященных героям СВО, проводится в русле репрезентации персонализированного героического деяния в массовом тексте. Речевая структура здесь так же, как и речевая структура мемориальных досок в честь павших в Великой Отечественной войне, включает номинацию, социально-статусную характеристику, номинацию героического действия.

Эмпирические материалы

Для исследования были отобраны 77 объектов в виде мемориальных досок, посвященных увековечению памяти героев СВО, расположенных в 43 субъектах Российской Федерации во всех федеральных округах. В качестве примеров для решения исследовательских задач настоящей статьи мы отобрали 12 мемориальных досок, установленных в разных регионах на зданиях учебных заведений и на стенах домов, в которых проживали герои, однако общие выводы опираются на анализ всей выборочной совокупности.

Рассмотрим примеры и дадим характеристику речевого наполнения медиатекстов и текстов мемориальных досок в честь героев СВО.

Пример 1. Медиатекст:

Ярослав Литовченко родился 7 октября 1999 г. Здесь же, в поселке Таловый, пошел в детский сад, а затем – в школу № 50. Всегда с уважением относился к старшим, хорошо учился, участвовал в спортивных соревнованиях. С юных лет Ярослав решил для себя, что его призвание – спасать жизни, и, поступая в колледж, выбрал специальность

«Защита в чрезвычайных ситуациях». Осенью 2019 г. был призван на срочную службу. В декабре заключил контракт на прохождение военной службы в Вооруженных Силах РФ. В 2021 г. был награжден медалью за участие в миротворческой миссии в Нагорном Карабахе, ему было присвоено звание – ефрейтор. 13 ноября 2022 г. при выполнении боевого задания в ходе СВО погиб. Указом Президента РФ награжден орденом Мужества посмертно.

Валерий Токарев родился в г. Муроме Владимирской области в семье офицера. В начале 90-х годов вместе с семьей переехал в Ростовскую область. С 1994 по 2000 г. учился в школе № 50, где проявил себя как ответственный, добросовестный ученик, отличался хорошей физической подготовкой и волевым характером. После окончания девятого класса выбрал путь офицера. Обучался в г. Таганроге и г. Рязани, получил высшее военно-командное образование. Принимал участие в контртеррористической операции на Северном Кавказе, в миротворческой операции в Сирийской Арабской Республике, в СВО на Донбассе. Зарекомендовал себя грамотным, исполнительным офицером. 6 июня 2023 г. погиб при выполнении боевого задания. В период прохождения военной службы удостоен семи медалей и ордена Мужества (посмертно).

Героическое событие, как правило, сначала становится новостным событием и только потом получает свое монументальное воплощение. В медийном тексте раскрывается мировоззренческая, психологическая характеристика героя. В мемориальном тексте, ограниченном по объему, обязательно присутствуют заданные институциональным заказчиком характеристики: территориальный орган власти, собственник здания / сооружения, на котором устанавливается мемориальная доска¹⁰:

В этой школе учился
с 2006 по 2015 год
Литовченко Ярослав Викторович
07.10.1999–13.11.2022
Героически погиб в ходе
специальной военной операции
Награжден Орденом Мужества

¹⁰ Молчанова Е. В Шахтах в школе № 50 открыли мемориальные доски выпускникам, погибшим в ходе СВО // Информационный портал города Шахты. 2025. 16 мая. URL: <https://shakhty-media.ru/v-shahtah-v-shkole-№50-otkryli-memorialnye-doski-vypusknikam-pogibshim-v-hode-svo/> (дата обращения: 22.12.2025).

«Никто не забыт, ничто не забыто»

Майор

Токарев

Валерий Николаевич

22.10.1984–06.06.2023

Ученик школы № 50 п. Таловый

с 1994 по 2000 г.

Героически погиб при выполнении
боевого задания в ходе специальной
военной операции у г. Бахмут

При этом персонаж текста наделяется набором характеристик, одни из которых являются обязательными (фамилия, имя, отчество, даты рождения и гибели, указание на событие/обстоятельства/заслуги/поступок, породившие общественный запрос на коммеморацию), а другие – дополнительными (указание на причину установки данной доски именно на этом здании/сооружении). В приведенном примере мемориального текста актуализирован фрагмент с семантикой героической гибели. Событийная составляющая текста мемориальной доски актуализирует речевой фрагмент «В этой школе учился...», «ученик школы № 50», который соответствует месту ее установления, что вписывает подвиг героя в личную сферу каждого, кто учится здесь. Место установления мемориальной доски регулируется нормативно-правовыми актами: «Мемориальная доска является государственным памятным знаком, устанавливаемом на стене здания, выходящего на улицу или магистраль, в помещении, на выходящем во двор фасаде здания или на здании, находящемся на территории предприятия, организации либо учреждения»¹¹, поскольку фактически и событийно связывается с личностью, ее биографией (место, где человек жил, учился, работал, сделал открытие, умер).

Здание с мемориальной доской, закрепленной на его стене, становится идеологически нагруженной локацией: факт причастности к зданию, на котором установлена мемориальная доска, накладывает ответственность на всех связанных с данной локацией, выпол-

¹¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 1371 от 24.12.2012 о мерах по реализации закона Санкт-Петербурга «О мемориальных досках в Санкт-Петербурге». URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_culture/current_activities/groups/postanovlenie-ot-24-dekabrya-2012-g-1371-o-merah-po-realizacii-zakona-/ (дата обращения: 22.12.2025).

няет воздействующую функцию. Мемориальный текст дает представление о ценностных основаниях определенного исторического периода и о соответствии коммеморируемого субъекта явления или поступка этой системе ценностей.

Очевидно, что гранитная плита гораздо жестче регламентируют объем текста и длину речевого отрезка на строке, поэтому чем короче с строка – тем весомее значение речевой единицы. В мемориальном тексте актуализированы только те фрагменты, которые в совокупности с невербальными фрагментами превращают текст в памятный знак. Прагматика мемориального текста состоит в выходе на мотив поведения, подобного поведению героя по отношению к Отечеству, воинскому или профессиональному долгу. В мемориальном тексте происходит синергия экспрессии и стандарта за счет расположения фрагментов в плоскости. Фрагменты с предметной семантикой репрезентированы невербально (изображения заслуженных орденов и медалей). Цитата О. Берггольц «Никто не забыт и ничто не забыто» (1959 г.) уравнивает подвиг участника СВО с подвигами героев Великой Отечественной войны.

Пример 2. Медиатекст:

Иван Будкин начинал службу командиром разведвзвода в 31-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригаде. В 2014 г. принимал участие в боевых действиях на Донбассе. Героически погиб в мае 2022 г. во время ожесточенных боев за освобождение города Попасная в Луганской республике, за что награжден посмертно Орденом Мужества. – Мы служили с ним в одном подразделении. Он сопровождал нашу колонну с ранеными ребятами. Благодаря ему я остался жив и сейчас стою перед вами. Брат всегда служил по совести и шел вперед, никогда не прятался за спинами. Он с честью выполнял свой воинский долг, – рассказал о брате Антон Будкин.

В медиатексте в презентации персонажа приводится его психологическая и мировоззренческая характеристика. В тексте мемориальном актуализирована только героическая гибель и воинская награда:

В этой школе учился майор
Будкин
Иван Юрьевич
Героически погиб при
исполнении воинского
долга в ходе проведения
специальной операции
на территории Украины
Указом Президента РФ
награжден орденом
Мужества¹²

Пример 3. Медiateкст:

Памятную доску открыли на фасаде дома по улице Гамзатова, 43а <, где> жил Фархад Худайнатов. Он проявил исключительное мужество в бою и стал символом верности присяге и долгу.

Мемориальный текст¹³:

В этом доме жил
ХУДАЙНАТОВ
Фархад Чаримович
26.10.1985 – 29.09.2023
Героически погиб при выполнении боевой задачи
в ходе проведения специальной военной операции
на территории Украины.
НАГРАЖДЕН ЗВЕЗДОЙ ГЕРОЯ РОССИИ
(посмертно)

Пример 4. Медiateкст:

¹² Соколова М. Глава региона Михаил Евраев открыл мемориальную доску в честь героя СВО Ивана Будкина // Комсомольская правда: Ярославль. 2022. 1 сент. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/27439/4641357/> (дата обращения: 22.12.2025).

¹³ В Каспийске открыли памятные доски героям СВО – Фархаду Худайнатову и Артуру Амирову // РИА Дагестан. 2025. 28 июня. URL: https://riadagestan.ru/news/g_kaspiysk/v_kaspiyske_otkryli_pamyatnye_doski_geroyam_svo_farkhadu_khudaynatovu_i_arturu_amirovu (дата обращения: 22.12.2025).

Павел Колосов был рядовым-наводчиком, воевал в ЛНР. 25 апреля 2024 г. парень погиб, спасая товарища. Военнослужащему было всего 22 года. За свой подвиг он посмертно награжден орденом Мужества.

На мемориальной доске следующая надпись¹⁴:

Выпускник техникума 2025 г.
Кавалер ордена Мужества
КОЛОСОВ
Павел Дмитриевич
27.02.2002 – 25.04.2024
ГЕРОИЧЕСКИ ПОГИБ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ
ВОИНСКОГО ДОЛГА В ХОДЕ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Пример 5. Медиатекст:

На здании Михайловского техникума имени Анатолия Мерзлова также была установлена памятная доска герою СВО Александру Воякину, который учился здесь и получил специальность механизатора. За свой подвиг Александр Воякин был посмертно награжден орденом Мужества.

Текст на мемориальной доске¹⁵:

В этом техникуме учился гвардии ефрейтор
ВОЯКИН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
02.02.1991 – 21.06.2023
Погиб при проведении
Вооруженными Силами РФ
специальной военной операции
на территории Украины

¹⁴ В Тихвинском промышленно-технологическом техникуме состоялось открытие мемориальной доски выпускнику Павлу Колосову, погибшему в зоне проведения СВО // Лента новостей Ленобласти. 2025. 27 июня. URL: <https://newslenobl.ru/society/2025/06/27/8341.html> (дата обращения: 22.12.2025).

¹⁵ В Михайловском округе открыли мемориальные доски в честь погибших участников СВО // Единая Россия: Рязанская область. 2025. 25 июня. URL: <https://ryazan.er.ru/activity/news/v-mihajlovskom-okruge-otkryli-memorialnye-doski-v-chest-pogibshih-uchastnikov-svo> (дата обращения: 22.12.2025).

Пример 6. Медiateкст:

В Симферополе установили мемориальную доску в честь героя спецоперации Зенура Абдуразакова, сообщает пресс-служба администрации крымской столицы. По данным мэрии, мемориальный знак торжественно открыт на фасаде симферопольской общеобразовательной школы № 23, где учился погибший боец.

Мемориальный текст¹⁶:

В СОШ №23 проходил обучение
рядовой
АБДУРАЗАКОВ
ЗЕНУР РИДВАНОВИЧ
15.10.2000–22.06.2022
Героически погиб при исполнении
воинского долга в ходе
Специальной военной операции
За мужество, отвагу и
самоотверженность Указом
Президента РФ награжден орденом
Мужества (посмертно)

Пример 7. Медiateкст:

Данила Белоглазов учился в школе № 2, после 4-го класса поступил в Суворовское училище Санкт-Петербурга, окончил его на отлично, затем – Казанское танковое училище. Командир танковой роты, участвовал в СВО, в боях выступал наводчиком танкового орудия, не перекладывал тяжелую работу на плечи подчиненных. 27 января 2023 г. за боевые подвиги Даниле Белоглазову была вручена медаль «За отвагу» и он стал героем репортажа телеканала НТВ. Офицер мечтал сразиться в танковом бою с «Абрамсом» или «Леопардом», но этого не случилось. 31 января 2023 г. в ходе жестокого боя под Кременной на Краснолиманском направлении старший лейтенант Данил Белоглазов погиб, ему было только 25 лет. Посмертно награжден орденом Мужества. Похоронили Данилу Белоглазова с воинскими почестями на городском кладбище Сокола. В школе № 2 в его честь открыта «Парта героя».

¹⁶ В Симферополе открыт памятный знак в честь героя СВО // РИА Новости: Крым. 2023. 17 марта. URL: <https://crimea.ria.ru/20230317/v-simferopole-otkryt-pamyatnyy-znak-v-chest-geroya-svo-1127601451.html> (дата обращения: 22.12.2025).

Надпись на мемориальной доске¹⁷:

В этом доме жил
с 1997 по 2009 г.
старший лейтенант
БЕЛОГЛАЗОВ
ДАНИЛ
22.02.1997–31.01.2023
Погиб при выполнении воинского
долга в ходе проведения
специальной военной операции
на территории Украины
Награжден орденом
Мужества (посмертно)

Пример 8. Медиатекст:

Михаил Чудин родился 3 июня 1998 г. В 2017 г. окончил Православную гимназию. Профессию получил в 12-м колледже. В июле 2018 г. был призван на срочную службу в Вооруженные силы РФ, служил в танковых войсках. С 2019 г. проходил военную службу по контракту. 6 марта 2022 г. в ходе специальной военной операции РФ на территории Украины Михаил во время боя получил смертельное осколочное ранение. Указом Президента РФ награжден Орденом Мужества посмертно.

Текст на мемориальной доске¹⁸:

¹⁷ В Соколе открыли мемориальную доску старшему лейтенанту Даниле Белоглазову // Всероссийская общественная организация «Боевое братство». 2023. 19 дек. URL: <https://bbratstvo.com/2023/12/14/v-sokole-otkryta-memorialnaya-doska-starshemu-leytenantu-danile-beloglazovu?ysclid=mehdzt2e8t338863599> (дата обращения: 22.12.2025).

¹⁸ В Православной гимназии г. Липецка установлена доска памяти погибшего выпускника воина Михаила Чудина // Липецкая епархия. 2022. 14 сент. URL: <https://dzen.ru/a/YyHca6kkPyWgOZ8P?ysclid=mehdyegh73790894718> (дата обращения: 22.12.2025).

Выпускник православной гимназии
им. Преп. Амвросия Оптинского
ЧУДИН
МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ
погиб при исполнении воинского долга
03.06.1998 – 06.03.2022
в ходе специальной военной операции РФ
на территории Украины
Награжден орденом Мужества
(посмертно)

Пример 9:

В пятницу, 12 мая, у рязанской школы № 55 торжественно открыли мемориальную доску погибшему участнику СВО гвардии лейтенанту Александру Савелову. Об этом сообщили на сайте рязанской Гордумы.

Мемориальный текст¹⁹:

Памяти павших во имя живых
В этой школе учился
гвардии лейтенант Вооруженных сил РФ
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
САВЕЛОВ
(04.12.1998 – 24.06.2022)
Героически погиб
в ходе специальной военной операции на Украине
Указом Президента РФ
награжден орденом Мужества (посмертно)

Пример 10. Медиатекст:

Евгений Лепин 4 марта 2023 г. в боях за Бахмут (Артемовск), продвигаясь в штурмовом отряде, попытался обойти противника с фланга, но попал под минометный огонь и получил смертельные ранения. Он награжден медалью «За отвагу» посмертно.

¹⁹ Погибшему в СВО рязанцу Александру Савелову открыли мемориальную доску // Комсомольская правда: Рязань. 2023. 13 мая. URL: <https://www.ryazan.kp.ru/online/news/5267747/?ysclid=mehe1550vf756097520> (дата обращения: 22.12.2025).

Текст на мемориальной доске²⁰:

ЛЕПИН
ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
26.01.1981 – 04.03.2023
ПОГИБ 4 МАРТА 2023 ГОДА ВО ВРЕМЯ
ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ
ОПЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ
МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА
В ГОРОДЕ АРТЕМОВСК (БАХМУТ)
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.
ЗА МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ
ВОИНСКОГО ДОЛГА
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ»
(ПОСМЕРТНО)

Пример 11. Медиатекст:

В Аннинской школе Петушинского района состоялась церемония открытия мемориальной доски в честь Виктора Александровича Лепешкина, выпускника школы, погибшего при исполнении воинского долга в ходе специальной военной операции. Воин родился в многодетной семье в деревне Костино, в 2020 г. окончил школу в деревне Новое Аннино и всегда хранил теплые чувства к своим корням. Участвуя в специальной военной операции, Виктор стал командиром минометного расчета. Позывной «Царь» дал ему командир полка – за мужество и чувство ответственности в боевых действиях под Артемовском. Несмотря на полученное осколочное ранение, после лечения он вернулся в зону боевых действий. Погиб 31 января 2024 г.

Мемориальная надпись гласит²¹:

²⁰ В Софийской школе Раменского округа открыли памятную табличку в честь бойца СВО // РАМ медиа: Раменский медиациентр. 2025. 23 июня. URL: <https://ramnews.ru/v-sofinskoj-shkole-ramenskogo-okruga-otkryli-pamjatnuju-tablichku-v-chest-bojca-svo/> (дата обращения: 22.12.2025).

²¹ На стене школы во Владимирской области открыли мемориальную доску в честь погибшего на СВО ефрейтора // Владимирские новости. 2025. 1 февр. URL: <https://dzen.ru/a/Z53mDdZRjhRfmUEC> (дата обращения: 22.12.2025).

ЛЕПЕШКИН
ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ
04.04.1995 – 31.01.2024
Ефрейтор
Ученик Аннинской
школы с 2001 по 2010
Героически погиб
при выполнении
боевой задачи
в ходе проведения
СВО
Награжден орденом
Мужества (посмертно)

Пример 12. Медиатекст:

В зоне СВО Леонид Пантелеев проявил себя во время выполнения задачи по взятию под контроль важного стратегического рубежа. Он уничтожил огневые средства противника, тем самым поддержав наступление парашютно-десантного костромского полка. В этом бою костромич был смертельно ранен. А выпускник школы № 35 Андрей Быков в конце 2022 г. в Краснолиманском районе Донецкой области колонна вывел из-под обстрела колонну с техникой и пополнением, сведя потери к минимуму... но сам получил при этом смертельное ранение. Лейтенант Андрей Быков и ефрейтор Леонид Пантелеев были награждены орденами Мужества посмертно.

Надписи на мемориальных досках²²:

В этой школе с 2004 по 2013 г.
учился гвардии ефрейтор
ПАНТЕЛЕЕВ ЛЕОНИД ИГОРЕВИЧ
старший наводчик самоходно-артиллерийской батареи
Костромского гвардейского
331 парашютно-десантного полка
Героически погиб в ходе специальной военной операции
Награжден орденом Мужества (посмертно)

²² В двух школах Костромы увековечили память героев СВО // Государственный Интернет-канал «Россия»: ГТРК Кострома. 2024. 4 мая. URL: <https://gtrk-kostroma.ru/news/v-dvukh-shkolakh-kostromy-uvekovechili-pamyat-geroev-svo/> (дата обращения: 22.12.2025).

В этой школе с 2005 по 2016 г. учился гвардии лейтенант
БЫКОВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
инженер ракетно-ракетного
вооружения
27 танкового полка
47 танковой дивизии
героически погиб
при исполнении воинского долга
в ходе специальной военной операций
27.05.1998- 31.12.22
Награжден орденом Мужества (посмертно)

Как показывают все приведенные примеры, речевая организация расположения речевых отрезков на плоскости мемориальной доски словно намеренно тормозит восприятие, потому что нарезка на строки проходит не по границам синтагм, что заставляет медленно вчитываться в содержание. Такая организация текста в плоскости мемориальной доски доказывает, что это тип медленной коммуникации, направленной не на симультанное поглощение, а на вдумчивое восприятие: остановись, прочти, запомни.

Анализ материалов, проверка гипотез

Гипотезы исследования получили свое подтверждение. Действительно, жанр коммеморативного / мемориального текста монументальной коммуникации, посвященного героям и участникам войн, вооруженных конфликтов, военных операций имеет устойчивую речевую организацию, связанную с тем, что в российской металлической матрице принято называть уважением и благодарностью героям, отдававшим свои жизни в боях за Отечество (гипотезы 1, 2). Как показал проведенный анализ речевой организации текстов мемориальных досок в честь героев СВО, в их структуре актуализирован фрагмент с событийной семантикой, эксплицирующий героическую смерть: «героически погиб», «погиб при исполнении служебного долга», «погибли при исполнении воинского долга», «погиб при исполнении задач специальной военной операции» и дополняются традиционным призывом «Вечная слава героям», цитатами «Никто не забыт и ничто не забыто», что в семантическом аспекте соответствует мемориальным доскам, установленным в честь героев Великой Отечественной войны (гипотеза 3). В этом плане мы имеем все основания говорить об устойчивом воспроизводстве важной компоненты российской ментальной матрицы уважения воинского долга

и поклонения памяти героев, отдавших жизнь в боях за Родину. И эта матрица, очевидно, сформировалась за более, чем тысячелетнюю российскую историю (гипотеза 2). И она связана не только с памятью о героях Великой Отечественной, эта ментальная матрица формировалась еще в лоне православной традиции канонизации самых выдающихся защитников Отечества. Не можем не назвать в этом славном ряду Святого благоверного князя Александра Невского, вовсе не мифологическую фигуру Преподобного Ильи Муромца, Святого благоверного великого князя Димитрия Донского, Радонежских святых монахов-воинов Александра Пересвета и Андрея Ослябю, Святого праведного воина Феодора Ушакова.

В мемориальных текстах, посвященных героям СВО, как и в мемориальных текстах, посвященных памяти героев Великой Отечественной присутствуют обязательные компоненты и факультативные компоненты (гипотеза 1). К числу обязательных компонентов относятся номинация павшего героя, даты/годы рождения и гибели, обозначение/номинация военного события (Великая Отечественная война / Специальная военная операция, номинация поведения/поступка как героического/как подвига. Если место установки мемориальной доски содержательно связано с деятельностью или активностями павшего героя (он здесь жил, учился, работал) то указание на этот факт и обозначение данной содержательной связи можно считать условно обязательным компонентом. Введение категории условно обязательного компонента мемориального связано с тем, что в возможных ситуациях отсутствия обозначенной содержательной связи, этот содержательный элемент структуры текста обоснованно отсутствует.

К числу факультативных компонентов отнесем указание на географическую локализацию совершенного подвига, конкретные обстоятельства подвига, правительственные награды павшего героя.

Исследование подтвердило гипотезу 3, о том, что, хотя речевая структура коммеморативной монументальной коммуникации, посвященных павшим героям СВО, в целом соответствует традиции, сложившейся при формировании мемориальных текстов в честь героев Великой Отечественной войны, при этом присутствуют и заметные различия в актуализации смысловых фрагментов. Отличием от мемориальных текстов в честь героев Великой Отечественной войны является отсутствие номинаций врага. Сравним: «бой с фашистскими оккупантами», «...с немецко-фашистскими захватчиками», «гитлеровцами», «белофиннами», «гитлеровская охрана», «фашистский лагерь смерти» и пр. В текстах в честь героев СВО номинации врага не актуализированы и никакими речевыми формами не репрезентированы.

Описание героического подвига с событийной семантикой в сравнении с мемориальными текстами в честь героев Великой Отечественной войны в тестах в честь героев СВО не встретилось. Приведем пример: «Экипаж бомбардировщика под командованием Ивана Сергеевича Черных (родился в 1918 г.) и членами экипажа: штурманом Семеном Кирилловичем Косиновым (родился в 1917 г.) и стрелком радистом Назаром Петровичем Губиным (родился в 1918 г.) в декабре 1941 года в районе города Чудово, выполняя боевое задание, повторил подвиг Гастелло, направив горящий самолет в скопление вражеских танков и автомашин с пехотой»²³.

Также отличительной особенностью мемориальных досок в честь героев СВО в отличие от мемориальных досок в честь героев Великой Отечественной войны стали изображения: портретные образы, в целом иконические решения, связанные не только с увековечением имени, но и внешнего облика павшего героя.

В ходе исследования также нашла свое подтверждение гипотеза о том, что на рассматриваемый период 2022–2025 гг. речевая структура текстов коммеморативной монументальной коммуникации, посвященных павшим героям СВО, на период исследования не являются полностью устоявшимися и универсальными, они различаются по смысловой иерархии актуализированных фрагментов от региона к региону (гипотеза 4).

В одних текстах присутствует указание места гибели героя или на географическую привязку к нему («...в районе города Бахмут», «...на территории Украины»), в других обозначен только факт участия в СВО. В одних мемориальных текстах присутствует иконический элемент с изображением государственной награды и упоминание о награждении, в других – нет. Есть мемориальные доски с описанием подвига павшего героя: «Погиб в ходе Специальной военной операции по защите мирного населения Донбасса в городе Артемовске (Бахмут)», но их меньшинство.

Заключение

Базовая научная проблема, на которую нацелено наше исследование, связана с необходимостью разработки научных основ стратегических коммуникаций органов государственной власти в сфере реализации политики памяти, как с учетом исторической преемственности, так и в условиях новых вызовов, связанных с необходимостью органической интеграции в эту политику памяти

²³ Калинин Б.Н., Юревич А.Ю. Указ. соч. С. 385.

о героях и участниках СВО. Это особенно важно в контексте такого канала стратегических коммуникаций, как монументальная пропаганда, включающая мемориальные доски и памятники в честь павших героев.

Формирование коллективной идентичности посредством стратегических коммеморативных коммуникаций, в том числе практиками событийной глорификации, приобретает особую значимость в условиях платформенного общества, поколенческого перехода и плывущей нормальности. Это вносит стабильность и подводит идеологическую основу под реализуемую информационную политику по отношению к воинскому долгу. Целью стратегических коммеморативных коммуникаций как способа публичного выражения почтения воинской доблести является достижение максимально позитивного коммуникативного фона вокруг героической личности или события на относительно короткой – актуальной – темпоральной дистанции и формирования устойчивых паттернов национальной и индивидуальной исторической памяти и подкрепляющих их поведенческих практик на длинных временных горизонтах.

Необходимость формирования комплексной концептуальной модели коммеморативной стратегической коммуникации органов государственной власти вытекает из ряда геополитических обстоятельств: гибридная война недружественных государств против России привела к трансформации миропорядка, росту геополитической и экономической нестабильности, международной конкуренции и конфликтности и «переписыванию истории» в угоду актуальной повестке. Поэтому в глубоко медиатизированном социуме сегодня архиактуальной является воплощение в политические и государственные практики современной модели коммеморативной стратегической коммуникации органов государственной власти.

Стратегическая коммеморативная коммуникация имеет разные форматы, каналы и инструменты, среди которых весьма значимой является монументалистика как форма аналоговой медленной коммуникации, прямо противостоящая практикам «быстрого мира». В отличие от цифровой аналоговая офлайн коммуникация, как и аналоговые тексты, материальна, статична, монологична, обладает способностью сохранять и транслировать базовые нарративы, преодолевая временной порог, а тексты такого типа живут вне времени, как и смыслы, в него заложенные [Быкова 2011]. Именно аналоговые тексты как инструменты медленной коммуникации формируют память и сохраняют ее.

Литература

- Барышева 2025 – *Барышева Е.В.* Советские праздники в отечественной историографии. Рецензия на книгу: *Невежин В.А.* Советская праздничная культура: Первомайские и Октябрьские торжества (1930-е – середина 1940-х гг.). М.: Квадрига, 2024. 424 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 1. С. 185–193. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-185-193.
- Бахлов, Бахлова 2025 – *Бахлов И.В., Бахлова О.В.* Внешнеполитический аспект интеграционных патриотических мероприятий Союзного государства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 118–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-118-138.
- Быкова 2011 – *Быкова Е.В.* Речевая организация модульного текста. СПб.: РГГМУ, 2011. 218 с.
- Гавра 2023 – *Гавра Д.П.* Эффекты глубокой медиатизации в культурной сфере: современные дискуссии // Журналистика XXI века: в пространстве культуры: Материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: ООО «Медиапапир», 2023. С. 47–53.
- Гавра 2024a – *Гавра Д.П.* Социальный запрос на медленную журналистику в быстром цифровом мире // Журналистика XXI века: социальный заказ: Материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: ООО «Медиапапир», 2024. С. 273–280.
- Гавра 2024b – *Гавра Д.П.* Трансформация стратегических коммуникаций в глубоко медиатизированном социуме // Медиа в современном мире: 63-и петербургские чтения (Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2024 г.): сб. трудов конференции: В 2 т. Т. 2. СПб.: ООО «Медиапапир», 2024. С. 164–166.
- Гавра, Акимович, Ачкасова и др. 2025 – *Гавра Д.П., Акимович Е.В., Ачкасова В.А., Быкова Е.В.* и др. Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты / под общ. ред. Д.П. Гавры. СПб.: Политех-Пресс, 2025. 384 с.
- Гавра, Быкова 2023 – *Гавра Д.П., Быкова Е.В.* Прошлое как рефлексия политического настоящего: М.С. Горбачев в посмертных комментариях российской онлайн-аудитории // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 6 (51). С. 550–562.
- Грачев, Евстифеев 2020 – *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.* Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 229–248. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
- Москвина 2009 – *Москвина И.К.* Воинская слава России: память, памятники и забвение // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2009. Т. 185. С. 114–121.

- Потсар 2006 – *Потсар А.Н.* Речевая структура персонажа в массовом тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 245 с.
- Романовская, Фоменко 2015 – *Романовская Е.В., Фоменко Н.Л.* Идентичность и коммеморация // *Власть*. 2015. № 7. С. 81–84.
- Симакова 2025 – *Симакова С.И.* Визуальные коммуникации в продвижении меморативного ландшафта // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2025. № 3 (58). С. 466–478.
- Суховерхов 2011 – *Суховерхов А.В.* Общая теория биологической и социальной памяти: семиотический и процессуальный подходы // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2011. Т. 74. № 10. С. 638–654. URL: <https://ej.kubagro.ru/2011/10/pdf/10.pdf> (дата обращения: 22.12.2025).
- Berliner 2005 – *Berliner D.C.* The abuses of memory: reflections on the memory boom in anthropology // *Anthropological Quarterly*. 2005. Vol. 78. P. 197–211. DOI: 10.1353/ANQ.2005.0001.
- Borchers, Enke 2021 – *Borchers N.S., Enke N.* Managing strategic influencer communication: A systematic overview on emerging planning, organization, and controlling routines // *Public Relations Review*. 2021. Vol. 47. No. 3. DOI: 10.1016/j.pubrev.2021.102041
- Gavra, Bykova, Balakhonskaya 2025 – *Gavra D., Bykova E., Balakhonskaya L.* Slow communication and slow PR in a fast digital world in the focus of Web-text design problem // *Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS*. 2025. P. 197–201. DOI: 10.1109/ComSDS65569.2025.10971337.
- Holtzhausen, Zerfass 2014 – *Holtzhausen D., Zerfass A.* Strategic communication: Opportunities and challenges of the research area 1 // *The Routledge handbook of strategic communication*. N.Y.: Routledge, 2014. P. 3–17.
- Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L., Wertsch J.V.* Creating a new discipline of memory studies // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1 (1). P. 9–22. DOI: 10.1177/1750698007083884.
- Zerfass A. et al. 2020 – *Zerfass A., Verčič D., Nothhaft H., Werder K.P.* Strategic communication: Defining the field and its contribution to research and practice // *Future directions of strategic communication* / ed. by H. Nothhaft, K.P. Werder, D. Verčič. N.Y.: Routledge, 2020. P. 159–177.

References

- Bakhlov, I.V., and Bakhlova, O.V. (2025), “The foreign policy aspect of the integration patriotic activities of the Union State”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 118–138, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-118-138.
- Barysheva, E.V. (2025), “Soviet holidays in Russian historiography. Review of book: *Nevezhin V.A. Soviet festive culture. May Day and October celebrations (1930s –*

- mid-1940s). Moscow: Kvadriga, 2024. 424 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 185–193, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-1-185-193.
- Berliner, D.C. (2005), “The abuses of memory: reflections on the memory boom in anthropology”, *Anthropological Quarterly*, vol. 78, pp. 197–211.
- Borchers, N.S. and Enke, N. (2021), “Managing strategic influencer communication: A systematic overview on emerging planning, organization, and controlling routines”, *Public Relations Review*, vol. 47, no. 3, DOI: 10.1016/j.pubrev.2021.102041.
- Bykova, E.V. (2011), *Rechevaya organizatsiya modul'nogo teksta* [Speech organization of a modular text], RGGMU, Saint Petersburg, Russia.
- Gavra, D.P. (2023), “The effects of deep mediatization in the cultural sphere: Contemporary discussions”, in *Zhurnalistika XXI veka: v prostranstve kul'tury: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Journalism in the 21st century: In the cultural space. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], OOO “Mediapapir”, Saint Petersburg, Russia, pp. 47–53.
- Gavra, D.P. (2024), “Social demand for slow journalism in a fast-paced digital world”, in *Zhurnalistika XXI veka: v prostranstve kul'tury: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Journalism in the 21st century: In the cultural space. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], OOO “Mediapapir”, Saint Petersburg, Russia, pp. 273–280.
- Gavra, D.P. (2024), “Transformation of strategic communications in a deeply mediated society”, in *Media v sovremennom mire: 63-I peterburgskie chteniya (Sankt-Peterburg, 18–20 aprelya 2024 g.): sbornik trudov konferentsii* [Media in the modern world, 63rd St. Petersburg Conference. Collected works from the International Scientific Conference], OOO “Mediapapir”, Saint Petersburg, Russia, pp. 164–166.
- Gavra, D.P., Akimovich, E.V., Achkasova, V.A., Bykova, E.V. et al. (2025), *Mediatizatsiya sotsial'nosti v platformennom obshchestve: protsessy i efekty* [Mediatization of sociality in a platform society: processes and effects], Politekh-Press, Saint Petersburg, Russia.
- Gavra, D.P., and Bykova, E.V. (2023), “The past as a reflection of the political present: M.S. Gorbachev in posthumous comments by the Russian online audience”, *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 51, no. 6, pp. 550–562.
- Gavra, D., Bykova, E. and Balakhonskaya, L. (2025), “Slow communication and slow PR in a fast-digital world in the focus of Web-text design problem”, in *Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*, pp. 197–201, DOI: 10.1109/ComSDS65569.2025.10971337.
- Grachev, M.N., and Evstifeev, R.V. (2020), “The concept of the ‘truth decay’ in a digital society (an analytical review)”, in *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, vol. 13, no. 2, pp. 229–248.
- Holtzhausen, D., and Zerfass, A. (2014), “Strategic communication: Opportunities and challenges of the research area 1”, in *The Routledge handbook of strategic communication*, Routledge, New York, USA, pp. 3–17.

- Lotman, Yu.M. (1992), *Izbrannyye stat'i. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected works. Vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture], Aleksandra, Tallinn, Estonia.
- Moskvina, I.K. (2009), "Russia's military glory: Memory, monuments, and oblivion", in *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo* [Proceedings of Saint Petersburg State University of Culture and Arts], vol. 185. pp. 114–121.
- Potsar, A.N. (2006), *Rechevaya struktura personazha v massovom tekste* [Speech structure of a character in a mass text], Ph.D. Thesis (Philology), Saint Petersburg, Russia.
- Roediger, H.L. and Wertsch, J.V. (2008), "Creating a new discipline of memory studies", *Memory Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 9–22.
- Romanovskaya, E.V. and Fomenko, N.L. (2015), "Identity and commemoration", in *Vlast'*, no. 7. pp. 81–84.
- Simakova, S.I. (2025), "Visual communications in promoting the memorial landscape", *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 58, no. 3, pp. 466–478.
- Sukhoverkhov, A.V. (2011), "General theory of biological and social memory: semiotic and processual approaches", in *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, vol. 74, no. 10, available at: <https://ej.kubagro.ru/2011/10/pdf/10.pdf> (Accessed 22 Dec. 2025).
- Zerfass, A., Verčič, D., Nothhaft, H. and Werder, K.P. (2020), "Strategic communication: Defining the field and its contribution to research and practice", in *Future directions of strategic communication*, Routledge, New York, USA, pp. 159–177.

Информация об авторах

Дмитрий П. Гавра, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; d.gavra@spbu.ru

Елена В. Быкова, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; e.bykova@spbu.ru

Information about the authors

Dmitrii P. Gavra, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; d.gavra@spbu.ru

Elena V. Bykova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; e.bykova@spbu.ru

Неопатримониальный тренд как тенденция современного политического развития

Игорь В. Чайко

*Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия, ivchaiko@mail.ru*

Аннотация. Основная цель статьи состоит в обосновании тезисов о том, что наблюдаемые в современном мире демократический спад, рост авторитарного популизма и усиление позиций правых партий и движений являются проявлениями единого неопатримониального тренда, пришедшего на смену демократической «волне» конца XX в. Причиной этих тенденций является общий кризис западной либеральной демократии, который носит системный характер и связан, прежде всего, с эрозией рационально-правовых институтов современного административного государства. Об актуальности данных проблем свидетельствует, в частности, снижение уровня доверия населения западных стран к своим правительствам, что способствует усилению политической поляризации и внутренней нестабильности. Противоположная ситуация наблюдается в ведущих государствах группы БРИКС, нередко характеризующихся как неопатримониальные «государства развития».

Все это определило новизну и актуальность данного исследования, в рамках которого автор осуществил сравнительный анализ политических процессов, происходящих сегодня в странах исторического Запада и ряде государств «незападного» мира, интегрированных в составе международного объединения БРИКС. В качестве эмпирической базы использованы данные Всемирного банка и других международных организаций, а также ежегодные доклады о состоянии демократии в мире, публикуемые рядом исследовательских центров. В итоге сделаны общие выводы о глобальном характере современной неопатримониальной «волны», охватившей в начале XXI в. различные страны планеты независимо от специфики их политических систем и характера существующих политических режимов.

Ключевые слова: либерализм, авторитарный популизм, рейтинги демократии, политическая поляризация, демократический спад, административное государство, консерватизм, традиционализм, неопатримониальный тренд, перспективы развития

Для цитирования: Чайко И.В. Неопатримониальный тренд как тенденция современного политического развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 52–68. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-52-68

The neopatrimonial trend as the main vector of modern political development

Igor V. Chaiko

*Russian State Social University, Moscow, Russia,
ivchaiko@mail.ru*

Abstract. The main purpose of this article is to prove that the democratic decline in the modern world and the rise of authoritarian populism are caused by the strengthening of a single neo-patrimonial trend that replaced the democratic “wave” of the 1990s. The reason for this trend is the crisis of Western liberal democracy, which is systemic in nature and is associated with the erosion of rational and legal institutions of the modern administrative state. Such attitudes determined the novelty and relevance of this study, in which the author carried out a comparative analysis of the political processes taking place today in the countries of the historical West and a number of states of the “non-Western” world integrated into the international BRICS association. The empirical basis of the study was made up of data from the World Bank and other international organizations, as well as annual reports on the state of democracy in the world published by a number of research centers. As a result, the author came to the conclusion about the global nature of the modern neo-patrimonial “wave” that swept through various countries of the world at the beginning of the 21st century, regardless of the specifics of their political systems and the nature of political regimes.

Keywords: liberalism, authoritarian populism, ratings of democracy, political polarization, democratic decline, administrative state, conservatism, traditionalism, neopatrimonial trend, development prospects

For citation: Chaiko, I.V. (2026), “The neopatrimonial trend as the main vector of modern political development”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 52–68, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-52-68

Введение

В настоящее время многие западные аналитики с тревогой констатируют, что общий уровень демократии в мире неуклонно

снижался на протяжении двух последних десятилетий. Анализируя эти процессы, известный американский политолог Ларри Даймонд [Diamond 2015] заметил, что в течение предшествующих сорока лет количество демократических государств постоянно росло – с 46 в 1975 г. до 119 в 2006 г. Однако затем число как электоральных, так и либеральных демократий стало неуклонно сокращаться. Особое беспокойство автора вызывает демократический «спад» в крупных государствах с развивающимися рынками, где проживает большая часть населения планеты. Всего Л. Даймонд выделил 27 таких стран (Китай, Южная Корея, Тайвань, ЮАР, Колумбия, Индонезия, Мексика, Египет, Эфиопия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Малайзия, Нигерия и др.) [Diamond 2015, p. 147].

Аналогичные процессы развиваются и в других странах мира, не исключая ряд современных либеральных демократий, таких как Великобритания, Франция, Италия, Израиль, Таиланд, Южная Корея. В результате, как отмечается в докладе экспертной группы британского журнала “The Economist” (*The Economist Intelligence Unit* – EIU), среднемировой Индекс демократии (*EIU’s Democracy Index* – DI EIU), измеряемый по шкале от 0 до 10 баллов, снизился с показателя 5,52 в 2006 г. до исторического минимума 5,17 в 2024 г.¹ При этом даже Франция и Южная Корея не набрали необходимые 8 баллов для того, чтобы остаться в группе ведущих демократий мира, и характеризуются теперь как «неполные демократии» (вслед за США, статус которых был снижен еще в 2017 г.)².

Сходные оценки происходящим в мире политическим процессам дают и другие специалисты. В ежегодном докладе за 2024 г. (“*Democracy Report 2025*”), опубликованном действующим при Гетеборгском университете Институтом разновидностей демократии (*Varieties of Democracy Institute* – V-Dem) отмечается, что общий уровень демократии в мире к началу 2025 г. сопоставим с 1985 г., а с учетом показателей отдельных стран – с 1996 г. При этом количество либеральных демократий сократилось с 43 в 2007–2012 гг. до 29 в 2024 г., а число «полных» («закрытых») автократий выросло

¹ EIU’s 2024 Democracy Index: trend of global democratic decline and strengthening authoritarianism continues through 2024. URL: <https://www.economistgroup.com/press-centre/economist-intelligence/eius-2024-democracy-index-trend-of-global-democratic-decline> (дата обращения: 10.08.2025).

² EIU. Democracy Index 2024. What’s wrong with representative democracy? P. 16. Table 2 // Economist Intelligence Unit. URL: <https://elements.visualcapitalist.com/wp-content/uploads/2025/02/609fbc8d-4724-440d-b827-2c7b7300353d.pdf> (дата обращения: 12.08.2025).

с 22 до 35³. Такие показатели являются самыми низкими за последние 50 лет, что, по мнению экспертов V-Dem, свидетельствует о нарастании глобальной «волны» автократизации, охватившей не только развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки⁴, но также ряд европейских государств и даже США, которые в рейтинге V-Dem заняли лишь 24-е место (оставаясь при этом в группе либеральных демократий)⁵.

Вместе с тем попытки интерпретации современных политических процессов в рамках унаследованной от биполярной эпохи оппозиции «демократия – авторитаризм» давно уже вызывают растущую «волну» критики. Одним из первых о необходимости ревизии такого подхода заявил Т. Карозерс, предложив классифицировать политические режимы в континууме «доминирующая власть – бесформенный плюрализм» [Carothers 2002]. Однако такая классификация также является сугубо «одномерной», что не позволяет отразить специфику и разнообразие возникающих в мире форм политической организации. Все это определило главную проблему данного исследования, связанную с поиском новых теоретико-методологических подходов к объяснению происходящих в современном мире политических трансформаций. Один из них – неопатримониальная парадигма, выступающая в качестве научной альтернативы «транзитологическим» моделям, господствовавшим в политической науке на протяжении многих десятилетий [Чайко 2013].

Неопатримониальная альтернатива либерализму и глобализму

В рамках данного подхода, глобальные политические трансформации современной эпохи могут быть интерпретированы как «неопатримониальный тренд», пришедшей на смену описанной С. Хантингтоном третьей «волне» демократизации [Huntington 1991]. На это, в частности, обращают внимание С. Хэнсон и Дж. Копштейн [Hanson, Kopstein 2021], согласно которым, главная политическая тенденция первых десятилетий XXI в. заключается не в начале «авторитарного отката», а в охватившей весь мир «волне патримониализма», распространяющейся «как в автократиче-

³ V-DEM Democracy Report 2025. 25 Years of Autocratization – Democracy Trumped? P. 6 // V-Dem Institute. URL: https://www.v-dem.net/documents/60/V-dem-dr__2025_lowres.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

⁴ *ibid.* P. 9.

⁵ *Ibid.* P. 63. Table A2.

ских, так и в демократических регионах» [Hanson, Kopstein 2021, p. 2]. В таком контексте, характерное для западной политической компаративистики противопоставление авторитаризма и демократии утрачивает всякий смысл и должно быть дополнено еще одним измерением – «патримониализм versus бюрократия» [Hanson, Kopstein 2021, p. 3].

Примечательно, что эпицентром глобальной патримониальной «волны» Хэнсон и Копштейн считают современную Россию, откуда данная «волна» распространилась вначале на развивающиеся, а затем и на наиболее развитые страны мира. Общим итогом этих процессов, по выводам этих ученых, стали упадок и деградация основных институтов «классического» правового государства и возникновение таких политико-экономических феноменов, как «трампизм», «берлусконизм», «киршнеризм» и ряд других [Hanson, Kopstein 2021, pp. 9–10].

В целом необходимо отметить, что неопатримониальная парадигма завоевывает сегодня все более широкую популярность в научной среде, особенно на фоне очевидного кризиса западного «девелопментализма» [Hout 2016] и разработанных, в его рамках, теорий демократизации [Huntington 1991; Linz, Stepan 1996; O'Donnell, Schmitter 1986]. Своими истоками неопатримониальный подход восходит к теоретическому наследию М. Вебера и, в частности, к его концепции патримониализма как одной из форм традиционного господства, для которого характерны нерасчлененность отношений власти и собственности, публичной (политической) и частной (приватной) сфер [Weber 1968, pp. 226–240]. Вместе с тем М. Вебер отмечал, что патримониальные практики управления легко обнаружить в деятельности современных бюрократических структур, что свидетельствует о генетической связи между ними [Масловский 1995, с. 95].

Эти выводы немецкого ученого легли в основу теории неопатримониализма, разработанной в 60–80-х годах XX в. в трудах таких исследователей, как Г. Рот [Roth 1968], Ш. Эйзенштадт [Eisenstadt 1973], Р. Лемаршан и К. Легг [Lemarchand, Legg 1972], Дж. Хигер [Heeger 1974], Ж.-Ф. Медар [Médard 1996] и ряд других. Изначально эта теория была ориентирована на слаборазвитые страны «третьего» мира, и ее создатели едва ли предполагали, что она может быть использована для изучения политических процессов в экономически развитых государствах. В этой связи, особого внимания заслуживает концепция «неопатримониализма развития» (англ. *“developmental neopatrimonialism”*), основные положения которой сформулировали Р. Крук [Crook 1989], Р. Сэндбрук [Sandbrook 1985], Р. Джексон и К. Росберг [Jackson, Rosberg 1982]

и творчески развивают сегодня Т. Келсалл [Kelsall 2011], Д. Бут, Ф. Голуба-Мутеби⁶ и ряд других исследователей⁷. В качестве примеров успешных неопатримониальных «государств развития» они называют прежде всего группу стран Восточной Азии, таких как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия. Проблемы, с которыми столкнулись эти и другие государства в ходе их модернизации по (нео)либеральным лекалам, свидетельствуют о том, что лежащая в основе таких модернизационных проектов философия является нереалистичной [Evans 2004]. В этой связи исследователи подчеркивают, что «Создание и поддержание правового государства в том виде, в котором оно предусмотрено <западными> донорами, требует огромных ресурсов и вряд ли будет реализовано в ближайшем будущем»⁸.

В то же время использование неопатримониальной парадигмы позволяет совершенно в ином ракурсе взглянуть на механизмы и перспективы общественно-политического развития, вектор которого в последние десятилетия заметно сместился в «правую» часть политического спектра. Прямыми следствиями этих процессов стали повышение роли консервативных (этатистских, клерикальных, традиционалистских) политических установок и усиление позиций правых и даже ультраправых партий и движений, прежде не игравших заметной роли в политическом процессе [Алексеевкова 2024].

«Авторитарный популизм» и общий кризис западной демократии

Тем не менее главной угрозой либеральной демократии многие западные аналитики упорно называют рост «авторитарного популизма» и приход к власти харизматических лидеров, способных разрушить баланс в отношениях между «ветвями» власти и поставить под свой контроль основные институты государства. «Трагический парадокс электорального пути к авторитаризму заключается в том, что убийцы демократии используют сами институты демократии – постепенно, незаметно и даже легально – для ее уни-

⁶ Booth D., Golooba-Mutebi F. Developmental patrimonialism? The case of Rwanda // Africa power and politics. Working paper. 2011. No. 16. P. 1–24.

⁷ См.: Kelsall T., Booth D., Cammack D., Golooba-Mutebi F. Developmental patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on political governance and economic progress in Africa // Africa Power and Politics. Working Paper. 2010. No. 9. P. 1–33.

⁸ Ibid. P. 1.

чтожения», – пишут об этом С. Левицкий и Д. Зиблатт [Levitsky, Ziblatt 2018, p. 8]. Они отмечают, что во втором десятилетии XXI в. «популистские» правительства были сформированы в Венгрии, Польше, Турции; консервативные партии добились значительных успехов на выборах в Австрии, Германии, Франции, Нидерландах; избранные «автократы» подорвали демократические институты в Грузии, Никарагуа, Перу, Филиппинах. В то же время на Западе усилились антииммиграционные настроения, что способствовало росту поддержки популистских партий даже в таких государствах, как Нидерланды и страны Северной Европы [Mudde 2004].

Один из примеров демократического «спада» являет собой Польша, где у власти с 2015 по 2023 г. находилась национал-консервативная партия «Право и справедливость», возглавляемая Ярославом Качиньским. По итогам состоявшихся в октябре 2015 г. выборов в национальный парламент она набрала 37,6% голосов и получила абсолютное большинство мест в обеих палатах (235 из 460 в Сейме, 61 из 100 в Сенате)⁹. Это позволяло партии Я. Качиньского, впервые в постсоветской истории Польши, сформировать однопартийное правительство, которое в декабре 2017 г. возглавил бывший министр финансов Матеуш Моравецкий. Однако, как отмечают эксперты V-Dem, партийная монополия на власть ослабила демократические права и свободы, в том числе «путем подавления свободы СМИ и подрыва верховенства закона»¹⁰. На состоявшихся в Польше 15 октября 2023 г. очередных парламентских выборах в лидеры вышла правоцентристская партия «Гражданская платформа» во главе с Дональдом Туском, и 13 декабря 2023 г. созданное им коалиционное правительство было приведено к присяге¹¹. В свете этих событий, оценки Польши в рейтингах V-Dem несколько повысились, однако статус «электоральной» (а не либеральной) демократии сохранился¹².

⁹ См.: Wybory do Sejmu RP i Senatu RP 2015. URL: https://parlament2015.pkw.gov.pl/344_sejm.html (дата обращения: 10.01.2026).

¹⁰ V-Dem. Democracy Report 2024. Democracy Winning and Losing at the Ballot. P. 24. URL: <https://www.v-dem.net/publications/democracy-reports/> (дата обращения: 15.01.2026).

¹¹ См.: Donald Tusk sworn in as Polish PM // POLITICO. 13.12.2023. URL: <https://web.archive.org/web/20231217134005/https://www.politico.eu/article/donald-tusk-poland-sworn-in-prime-minister/> (дата обращения: 11.01.2026).

¹² V-Dem. Democracy Report 2026. Unraveling The Democratic Era? P. 15. Table 1. URL: <https://www.v-dem.net/publications/democracy-reports/> (дата обращения: 25.02.2026).

Во многом сходные проблемы наблюдаются сегодня в Турции – единственной стране в регионе «Западная Европа» (по нарезке журнала “The Economist”), входящей в группу стран с «гибридными» режимами. Индекс демократии (DI EIU) Турции в последнее десятилетие снижался с оценки 5,76 в 2012 г. до 4,88 в 2017 г. и 4,26 в 2024 г., что ставит эту страну в один ряд с «авторитарными» государствами, такими как Мавритания и Ливан (оценки 3,96 и 3,56 соответственно)¹³. На этом фоне достаточно парадоксальным выглядит укрепление позиций действующего президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана, действия которого по укреплению суверенитета страны, сплочению нации и борьбе с различными оппозиционными силами находят поддержку среди подавляющей части населения¹⁴.

Ярким примером политической нестабильности стала в последние годы Великобритания, где с сентября 2022 г. по июль 2024 г. сменились четыре премьер-министра, а правившая с 2010 г. Консервативная партия, в конечном счете, проиграла оппозиционной Лейбористской партии на состоявшихся летом 2024 г. парламентских выборах. Однако лидер лейбористов Кир Стармер, возглавивший кабинет после Риши Сунака (премьер-министр Великобритании с октября 2022 по июль 2024 г.), также стал стремительно терять популярность даже среди своих соратников вследствие ряда коррупционных скандалов с его участием¹⁵. В результате в Индексе демократии “The Economist” за 2024 г. Великобритания получила весьма низкие оценки в таких категориях, как «функционирование правительства» (7.55) и «политическая культура» (6.88), которые лишь незначительно превышают аналогичные показатели США (6.43 и 6.25 соответственно)¹⁶.

В целом приводимые факты говорят о том, что приверженность ценностям демократии во многих странах мира за последние годы значительно ослабла. В настоящее время, даже самые развитые

¹³ EIU. Democracy index 2023. Age of conflict. P. 19. Table 2. URL: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy-Index-2023-Final-report.pdf?version=0> (дата обращения: 16.02.2026).

¹⁴ EIU. Democracy index 2022. Frontline democracy and the battle for Ukraine. P. 40. URL: https://www.eiu.com/n/wp-content/uploads/2023/02/Democracy-Index-2022_FV2.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

¹⁵ *Lawless J.* UK leader faces unease in his Labour Party after a winter fuel allowance is cut for millions // AP News. 11.09.2024. URL: <https://apnews.com/article/uk-starmer-pensioner-benefit-prisoner-release-a34603a160def47e71838a9335409bce> (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁶ EIU. Democracy Index 2024. P. 15–16. Table 2.

демократии с трудом справляются с внутренними политическими и социальными проблемами. По оценкам V-Dem, около 25 стран мира, входящих пока в группу демократических государств, находятся на грани «автократизации»; еще в девяти странах процессы демократизации оказались «на грани срыва»¹⁷. Все это, по мнению аналитиков, свидетельствует о том, что «демократическая модель, разработанная в течение восьми десятилетий после Второй мировой войны, больше не работает»¹⁸.

Причины и проявления демократического «спада»

Обоснованность таких выводов подтверждают результаты массовых опросов в разных странах мира. В докладе, опубликованном в 2020 г. Центром за будущее демократии Института публичной политики им. Беннета (*The Bennett Institute for Public Policy*) при Кембриджском университете, отмечается, что с середины 1990-х гг. неудовлетворенность граждан деятельностью демократически избранных правительств возросла во всем мире на 10 пунктов и составила в среднем 57,5%; при этом наиболее существенный рост недовольства произошел после 2005 г., когда этот показатель составлял только 38,7%. Авторы доклада отмечают также, что быстрый рост неудовлетворенности был особенно заметен в наиболее развитых демократических странах¹⁹.

Согласно материалам опросов, опубликованных компанией “Pew Research Center” в октябре 2021 г., о необходимости глубокого реформирования политических систем своих стран заявили: в Италии – 89% респондентов; в Испании – 86%; в США – 85%; во Франции – 73%; в Бельгии – 72%²⁰. В ходе очередного опроса, проведенного этой компанией весной 2024 г. в государствах ОЭСР, 54% респондентов вновь заявили о том, что они недовольны функционированием демократических институтов своих стран. При этом среднее число недовольных деятельностью правительства в 12 странах с высоким уровнем дохода (Канада, Франция, Германия, Греция, Италия, Япония, Нидерланды, Южная Корея, Испа-

¹⁷ V-DEM Democracy report 2024: Democracy Winning and Losing at the Ballot. P. 39.

¹⁸ EIU. Democracy index 2023. Age of conflict. P. 4.

¹⁹ Ibid. P. 30–31.

²⁰ EIU. Democracy Index 2021. The China challenge. P. 28. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/> (дата обращения: 13.08.2025).

ния, Швеция, Великобритания и США) выросло с 49% в 2017 г. до 64% в 2024 г.; наиболее значительный рост неудовлетворенности был отмечен в Великобритании, Южной Корее и Канаде²¹.

Главные причины этого недовольства эксперты видят в недостаточной «прозрачности» деятельности государственных институтов, отсутствии надлежащей подотчетности, усилении влияния различных заинтересованных групп и повышении уровня коррупции. При этом правительства нередко стремятся оградить себя от общественного давления, передавая часть своих полномочий на аутсорсинг не избираемым органам, включая центральные банки, суды и разного рода экспертные структуры. Граждане чувствуют себя исключенными из процесса принятия решений. Снизилась роль политических партий, которые становятся все более профессиональными, утрачивая при этом связь со своим традиционным электоратом. В результате люди все более разочаровываются в существующей политической системе и не верят, что избранные правительства будут действовать в их интересах²².

В то же время прогрессирующий рост социально-экономического неравенства на глобальных и национальных уровнях, который фиксируют К. Лакнер и Б. Миланович [Lakner, Milanovic 2015], Т. Пикетти [Piketty et al. 2018] и другие известные исследователи, заметно усилил разногласия в отношениях между правящим классом западных государств и широкими массами населения. Как отмечают эксперты журнала “The Economist” «политический класс во многих странах с развитой демократией стал напоминать скорее олигархию, чем демократических лидеров, действующих в интересах нации в целом»²³. Все это, с одной стороны, привело к ослаблению приверженности населения западных стран демократическим ценностям и институтам, а с другой – подготовило почву для распространения антилиберальных движений и идеологий и открыло новые возможности для прихода к власти харизматических лидеров, в которых массы видят спасение от всепоглощающей бюрократизации и имперсонализма современного государства.

БРИКС как геополитическая альтернатива Западу

На этом фоне растущую озабоченность либеральных аналитиков вызывают впечатляющие успехи группы БРИКС как нового,

²¹ EIU. Democracy Index 2024. P. 30.

²² Ibid. P. 31–37.

²³ EIU. Democracy Index 2021. P. 30.

альтернативного Западу центра силы, во многом определившего состояние современной международной системы. Созданное в 2006 г. по инициативе четырех стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай) международное объединение быстро доказало свою жизнеспособность и организационно оформилось в 2010 г. после присоединения к нему ЮАР²⁴. Важной вехой в развитии БРИКС стал XV саммит объединения (Йоханнесбург, 22–24 августа 2023 г.), в ходе которого приглашение на вступление в БРИКС получили Египет, Иран, Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты, а также Саудовская Аравия (не дала окончательного согласия) и Аргентина (отказалась от участия)²⁵. Масштабный саммит БРИКС, участниками которого стали делегации от 35 стран мира и 6 ведущих международных организаций, состоялся 22–24 октября 2024 г. в Казани. В ходе его работы было согласовано решение о присоединении к БРИКС Индонезии, которая стала полноправным членом организации в январе 2025 г. К настоящему времени о желании стать членами БРИКС заявили еще полтора десятка стран, в их числе – Алжир, Бангладеш, Бахрейн, Беларусь, Боливия, Куба, Гондурас, Казахстан, Кувейт, Марокко, Нигерия, Палестина, Сенегал, Таиланд, Венесуэла и Вьетнам²⁶.

Такая заинтересованность многих стран в присоединении к БРИКС свидетельствует о существенном изменении баланса сил на международной арене. При этом, как отмечают эксперты V-Dem, в результате расширения организации «БРИКС не только укрепляет свой статус голоса глобального Юга, но и оказывает все большее влияние на международную политику»²⁷. Они подчеркивают, что ни китайско-индийский пограничный спор, ни начало военного конфликта на Украине и последовавшие за этим санкции в отношении России не смогли разрушить этот союз, и это принципиально отличает данное объединение от раздираемых внутренними противоречиями западных альянсов (ЕС, НАТО, НАФТА и др.) и заставляет переосмыслить, в совершенно иной перспективе, фундаментальные вопросы о будущем глобальной цивилизации.

²⁴ История БРИКС. URL: <https://infobrics.org/page/history-of-brics/> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁵ Межгосударственное объединение БРИКС. URL: <https://brics-russia2024.ru/about/> (дата обращения: 21.08.2025).

²⁶ БРИКС: как устроен один из крупнейших экономических блоков мира // Т-Ж. 17.01.2025. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/brics/?yscl=id=m6dffvfxh884933928> (дата обращения: 22.08.2025).

²⁷ V-DEM Democracy report 2024. P. 29.

Вместе с тем практически все страны, входящие в объединение «БРИКС+» либо стремящиеся к взаимодействию с ним в различных форматах (Венгрия, Словакия, Сербия, Турция и др.), обладают многими признаками, позволяющими характеризовать их как неопатримониальное «государство развития». В числе таких признаков выделяются:

- отчетливая персонификация власти, что предполагает наличие во главе государства искусного и авторитетного руководителя, пользующегося поддержкой основных масс населения;
- способность этого руководителя обеспечить определенный консенсус в отношениях общества и различных групп элит, конкуренция между которыми не должна подрывать внутреннюю политическую стабильность;
- наличие иерархически организованной и эффективно действующей «вертикали власти», посредством которой обеспечивается приоритет государственных интересов над интересами любых иных политических и экономических акторов;
- наличие в рядах государственной бюрократии эффективных «администраторов развития» в лице компетентной технократии, не обремененной партийными и идеологическими установками и относительно автономной в своей деятельности;
- сочетание инновационных стратегий в сфере технико-экономического развития с политикой государственного консерватизма и патернализма, способствующей сохранению присущей обществу системы традиционных ценностей.

При этом характерный для стран БРИКС политический и культурный традиционализм, отчетливо проявляющийся в особенностях их национальных систем государственного управления, направленности внутривнутриполитического и международного курсов выступает в качестве общей черты, во многом определившей возможности развития многостороннего, трансрегионального сотрудничества в рамках данного объединения. Все это позволяют рассматривать группу «БРИКС+» в качестве уникальной «внеамериканской» зоны взаимодействия и новой геополитической структуры, во многом альтернативной подконтрольным западным элитам институтам глобального управления.

Заключение

Представленный анализ позволяет сделать ряд важных выводов, свидетельствующих о том, что на смену демократической «волне»

1980-х гг. пришел новый глобальный тренд, во многом изменивший вектор современного политического развития. Попытки его осмысления в рамках привычных для либеральных теоретиков «транзитологических» моделей приводят к серьезным заблуждениям, искажающим картину современного мира. Яркими примерами подобных манипуляций могут служить глобальные «рейтинги демократии», ежегодно публикуемые некоторыми аналитическими центрами, такими как гетеборгский институт V-Dem или британский журнал “The Economist”. При этом полностью игнорируется прогрессирующее в странах Запада социальное расслоение и нарастающее недовольство больших масс населения качеством демократического правления. Все это в очередной раз свидетельствует о глубоком кризисе (нео)либеральной идеологической доктрины и основанного на ней политико-экономического порядка.

На этом фоне обращают на себя внимание иные подходы к интерпретации современной политической действительности, во многом альтернативные ультра-либеральным глобалистским проектам. Один из них – теория неопатримониализма, акцентирующая внимание на соотношении формальных и неформальных практик в деятельности органов государственной власти и управления. В отличие от «классического» веберианства, трактующего процессы общественного развития как непрерывный рост «инструментальной рациональности», данный подход признает существование «смешанных» форм политической организации, основанных на сочетании различных типов легитимности. В рамках таких моделей организации разные способы политического управления – патримониальный, бюрократический и современный, рыночно-ориентированный, не исключают, а взаимно дополняют друг друга, что объясняет специфику этих политических систем и их принципиальную несводимость к рационально-правовым моделям западного «административного государства». Вместе с тем такие неопатримониальные системы во многих случаях демонстрируют высокую эффективность и устойчивость к внутренним и внешним вызовам, что позволяет охарактеризовать эти страны как современные «государства развития».

Яркими примерами успешной реализации неопатримониальных стратегий выступают страны группы БРИКС как одного из центров многополярного мира, формирующегося в современную эпоху. При этом реализуемая ими модель «государства развития» гармонично сочетает партикуляристские практики, характерные для «незападных» государств, с функционированием современных рационально-легальных институтов. Такие особенности данной модели делают ее чрезвычайно привлекательной для многих

других стран, стремящихся обрести необходимые основания для укрепления своего национального суверенитета и создания эффективных механизмов социально-экономического развития. В таком контексте глубокий кризис западной либеральной демократии, рост «авторитарного популизма» в США и Западной Европе и набирающий силу неопатримониальный тренд следует рассматривать, на наш взгляд, как комплексные, полностью взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы, во многом определившие характер, содержание и направленность масштабных политических трансформаций, охвативших мир в начале XXI в.

Литература

- Алексеевкова 2024 – *Алексеевкова Е.С.* Закат популизма? Кризис доверия и партии политической альтернативы в современной Италии // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 119–134. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.09
- Масловский 1995 – *Масловский М.В.* Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 95–109.
- Чайко 2013 – *Чайко И.В.* Проблемы исследования режимных трансформаций, или неопатримониальная альтернатива транзитологии // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 131–143.
- Carothers 2002 – *Carothers T.* The end of the transition paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 5–21.
- Crook 1989 – *Crook R.* Patrimonialism, administrative effectiveness and economic development in Côte d'Ivoire // African Affairs. 1989. Vol. 88. No. 351. P. 205–228.
- Diamond 2015 – *Diamond L.* Facing up to the democratic recession // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 141–155. DOI: 10.1353/jod.2015.0009
- Eisenstadt 1973 – *Eisenstadt S.N.* Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. L.; Beverly Hills: Sage Publications, 1973. 95 p. (Studies in comparative modernization series; Sage research papers in social sciences)
- Evans 2004 – *Evans P.* Development as institutional change: The pitfalls of monocropping and the potentials of deliberation studies // Comparative International Development. 2004. Vol. 38. No. 4. P. 30–52. DOI: 10.1007/BF02686327
- Hanson, Kopstein 2021 – *Hanson S.E., Kopstein J.S.* Understanding the global patrimonial wave // Perspectives on Politics. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 1–13. DOI: 10.1017/S1537592721001195
- Heeger 1974 – *Heeger G.A.* The politics of underdevelopment. N.Y.: St. Martin's Press; L.: Macmillan, 1974. 150 p.
- Hout 2016 – *Hout W.* Classical approaches to development: Modernisation and dependency // The Palgrave handbook of international development / ed. by J. Grugel, D. Hammett. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. P. 21–39.

- Huntington 1991 – *Huntington S.P.* The third wave: Democratization in the late twentieth century. L.: Norman, 1991. 366 p.
- Jackson, Rosberg 1982 – *Jackson R.H., Rosberg C.G.* Personal rule in Black Africa: Prince, autocrat, prophet, tyrant. Berkeley: University of California Press, 1982. 316 p.
- Kelsall 2011 – *Kelsall T.* Rethinking the relationship between neopatrimonialism and economic development in Africa // Institute of Development Studies Bulletin. 2011. Vol. 42. No. 2. P. 76–87. DOI: 10.1111/j.1759-5436.2011.00213.x
- Lakner, Milanovic 2015 – *Lakner C., Milanovic B.* Global income distribution: From the fall of the Berlin wall to the Great recession // Revista de Economía Institucional. 2015. Vol. 17. No. 32. P. 71–128. DOI: 10.1093/wber/lhv039
- Lemarchand, Legg 1972 – *Lemarchand R., Legg K.* Political clientelism and development: A preliminary analysis // Comparative Politics. 1972. Vol. 4. No. 2. P. 149–178. DOI: 10.2307/421508
- Levitsky, Ziblatt 2018 – *Levitsky S., Ziblatt D.* How democracies die. L.: Viking, 2018. 301 p.
- Linz, Stepan 1996 – *Linz J., Stepan A.* Toward consolidated democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 14–33.
- Médard 1996 – *Médard J.-F.* Patrimonialism, patrimonialization, neopatrimonialism and the study of the post-colonial state in Subsaharian Africa // Improved natural resources management: the role of formal organizations and informal Networks and institutions / ed. by H.S. Marcussen: Occasional paper, no. 17. Roskilde: Roskilde University, 1996. P. 76–97.
- Mudde 2004 – *Mudde C.* The populist zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
- O'Donnell, Schmitter 1986 – Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies / ed. by G. O'Donnell, Ph.C. Schmitter. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
- Piketty et al. 2018 – *Piketty E., Saez T., Zucman G.* Distributional national accounts: Methods and estimates for the United States // Quarterly Journal of Economics. 2018. Vol. 133. No. 2. P. 553–609. DOI: 10.1093/qje/qjx043
- Roth 1968 – *Roth G.* Personal rulership, patrimonialism, and empire building in the new states // World Politics. 1968. Vol. 20. No. 2. P. 194–206. DOI: <https://doi.org/10.2307/2009795>
- Sandbrook 1985 – *Sandbrook R.* The politics of Africa's stagnation. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 180 p.
- Weber 1968 – *Weber M.* Economy and society. An outline of interpretive sociology. N.Y.: Bedminster Press, 1968. 1469 p.

References

- Alekseenkova, E.S. (2024), “Decline of populism? The crisis of trust and the political alternative parties in modern Italy”, *Polis. Political Studies*, no. 4. pp. 119–134, <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.09>.

- Carothers, T. (2002), "The end of the transition paradigm", *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 1, pp. 5–21.
- Chaiko, I.V. (2013) "Problems of regime transformation research, or a neopatrimonial alternative to transitology", *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, no. 1. pp. 131–143.
- Crook, R. (1989), "Patrimonialism, administrative effectiveness and economic development in Côte d'Ivoire", *African Affairs*, vol. 88, no. 351, pp. 205–228.
- Diamond, L. (2015), "Facing up to the democratic recession", *Journal of Democracy*, vol. 26, no. 1, pp. 141–155. <https://doi.org/10.1353/jod.2015.0009>
- Eisenstadt, S.N. (1973), *Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism*, Sage Publications, Beverly Hills, CA, USA. (*Studies in comparative modernization series; Sage research papers in social sciences*)
- Evans, P. (2004), "Development as institutional change: The pitfalls of monocropping and the potentials of deliberation studies", *Comparative International Development*, vol. 38, no. 4, pp. 30–52, <https://doi.org/10.1007/BF02686327>
- Hanson, S.E. and Kopstein, J.S. (2021), "Understanding the global patrimonial wave", *Perspectives on Politics*, vol. 20, no. 1, pp. 1–13, <https://doi.org/10.1017/S1537592721001195>
- Heeger, G.A. (1974), *The politics of underdevelopment*, St. Martin's Press, New York, USA, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Hout, W. (2016), "Classical approaches to development: Modernisation and dependency", in Grugel, J. and Hammett, D., eds., *The Palgrave handbook of international development*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 21–39.
- Huntington, S.P. (1991), *The third wave: Democratization in the late twentieth century*, Norman, London, UK.
- Jackson, R.H. and Rosberg, C. (1982), *Personal rule in Black Africa: Prince, autocrat, prophet, tyrant*, University of California Press, Berkeley, CA, USA.
- Kelsall, T. (2011), "Rethinking the relationship between neopatrimonialism and economic development in Africa", *Institute of Development Studies Bulletin*, vol. 42, no. 2, pp. 76–87, <https://doi.org/10.1111/j.1759-5436.2011.00213.x>
- Lakner, C. and Milanovic, B. (2015), "Global income distribution: From the fall of the Berlin wall to the Great recession", *Revista de Economía Institucional*, vol. 17, no. 32, pp. 71–128, <https://doi.org/10.1093/wber/lhv039>
- Lemarchand, R. and Legg, K. (1972), "Political clientelism and development: A preliminary analysis", *Comparative Politics*, vol. 4, no. 2, pp. 149–178.
- Levitsky, S. and Ziblatt, D. (2018), *How democracies die*, Viking, London, UK.
- Linz, J. and Stepan, A. (1996), "Toward consolidated democracies", *Journal of Democracy*, vol. 7, no. 2, pp. 14–33.
- Maslovskii, M.V. (1995), "The Weberian concept of patrimonialism and its modern interpretations", *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 95–109.
- Médard, J.-F. (1996), "Patrimonialism, patrimonialization, neopatrimonialism and the study of the post-colonial state in Subsaharian Africa", in Marcussen, H.S., ed., *Improved natural resources management: the role of formal organizations and informal*

- Networks and institutions*, Occasional paper, no. 17, Roskilde University, Roskilde, Denmark, pp. 76–97.
- Mudde, C. (2004), “The populist zeitgeist”, *Government and Opposition*, vol. 39, no. 4, pp. 541–563, <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- O'Donnell, G. and Schmitter, Ph.C., ed. (1986), *Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, USA.
- Piketty, E., Saez, T. and Zucman, G. (2018), “Distributional national accounts: Methods and estimates for the United States”, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 133, no. 2, pp. 553–609, <https://doi.org/10.1093/qje/qjx043>
- Roth, G. (1968), “Personal rulership, patrimonialism, and empire building in the new states”, *World Politics*, vol. 20, no. 2, pp. 194–206, <https://doi.org/10.2307/2009795>
- Sandbrook, R. (1985), *The politics of Africa's stagnation*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Weber, M. (1968), *Economy and society. An outline of interpretive sociology*, Bedminster Press, New York, USA.

Информация об авторе

Игорь В. Чайко, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4/1; ivchaiko@mail.ru

Information about the author

Igor V. Chaiko, Cand. of Sci (Political Science), associate professor, Russian State Social University, Moscow, Russia; 4/1, Wilhelm Peak St., Moscow, Russia, 129226; ivchaiko@mail.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 321.011:339.972(81)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-69-85

Brazil's food sovereignty: political decisions “from above” and civil actions “from below”

Aleksandr V. Malov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, malov.pvo@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of agri-food policy in the Federative Republic of Brazil. With the help of historical analysis, the author found that the main problems in the country's agricultural sector are its critical dependence on imports of special agricultural products (mineral fertilizers and pesticides), asymmetry in the structure of land ownership, deforestation, intoxication of the rural population and a high level of urbanization. Using a retrospective analysis and a comparative approach, the author verified that the “agri-food factor” plays a key role not only in the economic stability of Brazil, but also in the exchange rate stability of political regimes, whose legitimacy is based on an expanding portfolio of socially oriented programs funded through requisitioned “extractivist rent”. With the help of the method of historical and logical unity, the author determined the role of social movements in the process of institutionalization of the idea of food sovereignty. The author used the method of secondary data analysis and an institutional approach to classify official documents, identify executive authorities and describe programs that contribute to the implementation of the food sovereignty policy in the country. According to the results of the study, the author concludes that the trajectory of the food sovereignty policy “from below” is consistent, while the trajectory of the food sovereignty policy “from above” is inconsistent.

Keywords: Brazil, Latin America, food sovereignty, food security, globalization, international relations, world politics

For citation: Malov, A.V. (2026), “Brazil's food sovereignty: political decisions ‘from above’ and civil actions ‘from below’”, *RSUH/ RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 69–85, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-69-85

© Malov A.V., 2026

Продовольственный суверенитет Бразилии: политические решения «сверху» и гражданские акции «снизу»

Александр В. Малов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, malov.pvo@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена всестороннему изучению агропродовольственной политики в Федеративной Республике Бразилия. При помощи исторического анализа было установлено, что основными проблемами в сельскохозяйственной отрасли страны являются ее критическая зависимость от импорта специальных средств сельскохозяйственного производства (минеральных удобрений и ядохимикатов), асимметрия в структуре землевладения, обезлесение, интоксикация сельского населения и высокий уровень урбанизации. С помощью ретроспективного анализа и компаративного подхода был верифицирован «агропродовольственный фактор», играющий ключевую роль не только в экономической стабильности Бразилии, но и в курсовой устойчивости политических режимов, легитимность которых основывается на расширяющемся реестре социально ориентированных программ, финансируемых посредством реквизируемой «экстрактивистской ренты». Использование метода единства исторического и логического способствовало определению роли общественных движений в процессе институционализации идеи продовольственного суверенитета. С помощью метода анализа вторичных данных и институционального подхода были изучены и классифицированы официальные документы государства, определены уполномоченные органы исполнительной власти и описаны профильные программы, способствующие реализации политики продовольственного суверенитета. По итогам исследования сделан вывод о последовательной траектории развития политики продовольственного суверенитета «снизу» и непоследовательной траектории политики продовольственного суверенитета «сверху».

Ключевые слова: Бразилия, Латинская Америка, продовольственный суверенитет, продовольственная безопасность, глобализация, международные отношения, мировая политика

Для цитирования: Малов А.В. Продовольственный суверенитет Бразилии: политические решения «сверху» и гражданские акции «снизу» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 69–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-69-85

Introduction

One of the fundamental and extremely negative circumstances for the present and future of humanity is the deterioration of the food problem in the world, leading to such a devastating humanitarian disaster as famine. Today, despite scientific and technological progress, about 800 million inhabitants of our planet still suffer from chronic malnutrition¹. It should be noted that the COVID-19 pandemic has accelerated the “hunger trend” and the number of people suffering from chronic malnutrition is expected to increase by 83–132 million in the coming years². The problem of food shortage remains relevant for 7% of residents of such a dynamically developing historical and geographical region as Latin America and the Caribbean³.

In Brazil as a recognized leader in the rate of economic growth in the region, a third of the population cannot afford healthy food while 4% suffer from hunger and malnutrition⁴. The state authorities used the policy of Food sovereignty [Malov 2024a; Malov 2024b] as experimental solution capable of correcting the current unfavorable position. Actually, this article (in a recursive form) will be devoted to the study of the main components of this management event, entitled as the Brazil's food sovereignty: political decisions “from above” and civil actions “from below”.

Articulation of the “Brazilian agrarian question”

Brazil is an example of a large agrarian country that has adapted an export-oriented model of economic development for subsequent integration into the global system of Division of Labor. Based on capital-intensive methods of monocultural agriculture, the country confidently ranks second among the leading countries in terms of the acreage of biotechnological plants⁵, as well as the first position in the ranking

¹ FAO. The state of food security and nutrition in the world 2022. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable. Rome: FAO. 2022. P. 129.

² FAO. The state of food and agriculture 2023. Revealing the true cost of food to transform agrifood systems. Rome: FAO. 2023. P. XVI.

³ FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO. The state of food security and nutrition in the world 2024 – financing to end hunger, food insecurity and malnutrition in all its forms. Rome: FAO. 2024. P. 159.

⁴ Ibid. P. 160.

⁵ ISAA. Global status of commercialized biotech/GM crops in 2019: Bio-tech crops drive socio-economic development and sustainable environment in the new frontier. ISSA Brief. No. 55. Ithaca; N.Y.: ISAA. 2018. P. 5.

of nations cultivating GM-soybeans⁶. The achieved result is supported by the policy of “neo-extractivism”, which prioritizes the commercial activities of large agro-industrial enterprises that provide more than 1/3 of all export revenues to the federal budget⁷.

However, the privileged position of agribusiness is only partially justified by its financial efficiency and social significance. Thus, by exploiting 76% (250 million hectares) of all agricultural land in the country and accepting 85% of sectoral forms of government support (grants, subsidies, loans), large agro-industrial companies produce only 62% of national agricultural products and provide 26% of jobs in the rural economy [Fernandes 2013]. Moreover, 8% of production complexes (423 thousand units) accumulate 85% of the total value of agricultural products. Consequently, the remaining 92% (4.8 million units) of agricultural enterprises account for 15% of the consolidated production volume [Alves, Rocha 2010]. At the same time, 4 million small-scale farming enterprises (including 11 million employees) account for just over 4% of the national agricultural income, converted into a monthly salary of \$15 [Eid, Bueno Pimentel 2001].

However, despite market monopolization (for example, 68% of the country's corn production is carried out by 1.5% of enterprises; 73% of milk production is carried out by 19% of organizations [Fernandes 2013, p. 284]) and asymmetric access to differential forms of capital, small farms account for the largest part of the domestic production of food products such as cassava (87%), legumes (70%), pork (59%), milk (58%), maize (46%), chicken (46%), coffee beans (38%), rice (34%) and beef (30%). Thus, small-scale farms are a true guarantor of domestic food security at a time when large agro-industrial enterprises are contributing to Brazil's position as the world's largest exporter of soybeans, beef, chicken and sugar cane⁸, or a state that ensures food security in third countries.

⁶ U.S. Department of Agriculture Under Secretary for Trade and Foreign Agricultural Affairs. URL: https://ipad.fas.usda.gov/cropexplorer/cropview/commodityView.aspx?cropid=2222000&sel_year=2024&rankby=Production (Accessed 21 May 2025).

⁷ ATLAS of economic complexity. Center for International Development at Harvard University. URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/explore?country=32&queryLevel=location&product=undefined&year=2021&productClass=HS&targ et=Product&partner=undefined&startYear=undefined> (Accessed 21 May 2025).

⁸ Heinrich-Böll-Stiftung, Friends of the Earth Europe, Bund für Umwelt und Naturschutz, PAN Europe. Pesticide Atlas 2022 – Facts and figures about toxic chemicals in agriculture. 2022. URL: https://www.pan-europe.info/sites/pan-europe.info/files/public/resources/reports/PesticideAtlas2022_Web_20221010.pdf (Accessed 21.05.2025).

*“The Brazilian agrarian issue”
in the context of the “Long Green Revolution”*

Thanks to the commercial expansion of agribusiness, Brazil has become a world leader in the production of GM-crops, the use of mineral fertilizers⁹ and the use of pesticides [Patel 2012]¹⁰. However, the process of functioning of the national agricultural industry (based on the diversification of the NPK-model¹¹), which induces an increase in yield and an increase in profitability, is not characterized by high stability. One of the main reasons for the similar verdict reached during the Long Green Revolution [Patel 2012] is Brazil's 80% dependence on imports of chemical elements [García, González Sanjuan 2016, p. 70] such as nitrogen, phosphorus and potassium¹². The threefold increase in the use of these mineral fertilizers over the last quarter of a century¹³ is complemented by a fivefold increase in the use of pesticides in the country that have a harmful effect on the health of society, fifteen members of which are exposed to acute toxic poisoning every day. Between 2010 and 2019, 56,870 people were poisoned with pesticides in Brazil, 15% of whom were children and young people under the age of 19. At the same time, even infants are exposed to intoxication, as pesticide residues are regularly found in breast milk¹⁴.

⁹ Nutrien. Fact Book. – Calgary, Alberta. 2022. URL: <https://cdn.sanity.io/files/ixv7nalm/production/56f048f84c2b53518b58edd110c1bb0e24c14562.pdf> (Accessed 21 May 2025); USDA. Impacts and Repercussions of Price Increases on the Global Fertilizer Market. 2022. URL: <https://fas.usda.gov/sites/default/files/2022-09/IATR%20Fertilizer%20Final.pdf> (Accessed 21 May 2025).

¹⁰ Heinrich-Böll-Stiftung, Friends of the Earth Europe, Bund für Umwelt und Naturschutz, PAN Europe. Pesticide Atlas. 2022...; Agropages. Latin America focus. Aug. 2023. URL: <https://www.agropages.com/magazine/detail-330.htm> (Accessed 21.05.2025).

¹¹ The model is based on three chemical (macro)elements (nitrogen – N, phosphorus – P, kalium – K) which act as a material for the production of basic mineral fertilizers.

¹² USDA. Impacts and repercussions of price increases on the global fertilizer market. 2022. URL: <https://fas.usda.gov/sites/default/files/2022-09/IATR%20Fertilizer%20Final.pdf> (Accessed 21 May 2025).

¹³ FAO. World food and agriculture: Statistical Yearbook 2023. Rome: FAO. 2023. P. 151.

¹⁴ Heinrich-Böll-Stiftung, Friends of the Earth Europe, Bund für Umwelt und Naturschutz, PAN Europe. Pesticide Atlas. 2022...

Along with producing harmful humanitarian effects, the activities of Brazilian agribusiness cause irreparable damage to the country's ecosystem fund. Thus, the deforestation of the Brazil's Legal Amazon and the Campos Serrados ecoregion (with an annual rate equivalent to 3 million hectares) replenishes the national greenhouse gas budget by 75%, accelerating the extinction of representatives of the forest fauna [Caporal, Petersen 2010, p. 85–86]. Thus, the dominant position of agri-food imperialism in Brazil (historically defined by a high degree of territorial concentration) is maintained through a modern model of intensive agriculture (depending on imported means of production). Due to the risks of transformation of the geopolitical situation, both government authorities and representatives of civil society are adapting the key components of the food sovereignty policy aimed at resolving the country's acute "agrarian problem" threatening to undermine the food, environmental and biological security of the state.

*"Land occupation" as a form
of agrarian reform "from below"*

The resolution of the Brazilian agrarian issue correlates with the mobilization of civil society consolidating for the redistribution of land resources in the interests of the peasantry, as a class module of the policy of food sovereignty. The Movement of Landless Rural Workers (Port. – *Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra: MST*) leading the process of democratizing access to the country's natural resources, openly opposes all kinds of discrimination, oppression and exploitation, permanently generated by the project of Latifundism. Since the 1980s, MST (as the main proponent of parcel farming in Brazil [Tarlau 2014]) has confidently opposed the hegemony of global capitalism, using the method of Land occupation [Fernandes 2013] as the main method of tactical struggle focused on building the most just society. At the same time, the process of radical cultivation of abandoned and unused agricultural land, enshrined in Constitutional Article No. 184¹⁵, contributed to the resettlement of more than 1.1 million peasant families in an

¹⁵ Constitution of the Federative Republic of Brazil: constitutional text of October 5, 1988, with the alterations introduced by Constitucional Amendments no. 1/1992 through 64/2010 and by Revision Constitutional Amendments no. 1/1994 through 6/1994. Brasília: Chamber of Deputies, Documentation and Information Center. 2010. URL: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/09/Brazil-constitution-English.pdf> (Accessed 21 May 2025).

area exceeding 82 million hectares [Fernandes 2022]. The results of the agrarian reform carried out “from below” over the past quarter century have confirmed the role of the MST as a national actor, successfully implementing the process of re-peasantry of the population in 23 of the 27 federal units of Brazil.

The politics of food sovereignty “from below”: civil agroecological projects

To overcome the so-called “metabolic rift” [Malov 2024b] focused on the fight against hunger and malnutrition, the following projects are highlighted: donations in the form of agroecological food baskets; organization of urban public canteens; campaigns against agrochemicals and toxins; educational agroecological courses; solidarity marches; thematic lectures and conferences.

However, the most popular forms of support for the peasantry in the country are the Fairs of agrarian Reform and family farming (Port. – *Feira da Reforma Agrária e Agricultura Familiar*), which sell agroecological vegetables, fruits, cheeses and eggs, as well as traditional delicacies for the indigenous population of Brazil, obtained from cocoa, cupuacu, honey and cassava¹⁶. Along with agroecological fairs, MST leaders initiated a nationwide campaign to plant 100 million trees in the next 10 years, with the eloquent slogan: “*Planting trees means producing healthy food*” (Port. – *Plantar Árvores, Produzir Alimentos Saudáveis* [Moura et al. 2024]). For the successful implementation of this project and for monitoring tree planting throughout the country, a special mobile application Grove (Port – *Arvoredo*) was introduced in 2021¹⁷. In addition to mapping tree planting, the purpose of the web service is to promote information on how settlements associated with MST participate in the diversification of agroecological production and preserve the biodiversity of the planet.

¹⁶ Oliveira A. Limoeiro do Norte lança primeira Feira Agroecológica da Reforma Agrária e Agricultura Familiar / Brasil de Fato, 30 de novembro de 2021. URL: <https://www.brasildefato.com.br/2021/11/30/limoeiro-do-norte-lanca-primeira-feira-agroecologica-da-reforma-agraria-e-agricultura-familiar> (Accessed 21 May 2025).

¹⁷ Melito L. MST lança aplicativo para mapear plantio de árvores pelo Brasil / Brasil de Fato, 08 de fevereiro de 2021. URL: <https://www.brasildefato.com.br/2021/02/08/mst-lanca-aplicativo-para-mapear-plantio-de-arvores-pelo-brasil> (Accessed 21 May 2025).

*State policy of food sovereignty:
agrarian reform “from above”*

The integration of the concept of food sovereignty into Brazilian public policy is one of the trends contextually related to the so-called “Pink tide” of the Latin American region, which marked the coming to power of a new wave of progressive governments focused on solving acute humanitarian problems, intensified by economic inequality, asymmetric land distribution, poverty and ecosystem degradation [Schiavoni 2015, p. 469]. The victory of L.I. Lula da Silva (president of the center-left Workers’ Party) in 2003 facilitated a symbolic deal between labor and capital [Saad-Filho 2020], characterized by the development of “new” and modernization of “old” socially oriented programs funded by a methodically increasing “extractivist rent” (thanks to the “commodity boom”). In the agricultural sector, the rotation of power provoked the integration of legal instruments of state support, focused both on the smooth functioning of export-oriented agribusiness and on the expanded protection of previously deprived peasantry [Andrade 2020]. Official support for the peasantry (the foundation of the food sovereignty strategy) was articulated through three government projects: 1) Family farm strengthening Programs (Port. – *Programa de Fortalecimento da Agricultura Familiar: PRONAF*); 2) Food procurement programs (Port. – *Programa de Aquisição de Alimentos: PAA*); and 3) National School Nutrition Programs (Port. – *Programa Nacional de Alimentação Escolar: PNAE*).

PRONAF program: pro et contra

It should be noted that the PRONAF program focused on agrarian reform in the country, through the financing of campesinos, was established back in 1996. However, PRONAF reached its “design capacity” under the Government of L.I. Lula da Silva, which expanded its budget from 2.3 billion to 16 billion reais/ BRL [Caporal, Petersen 2010, p. 93] (from 2003 to 2011).

The PRONAF program and its specialized department “More food” (Port. – *Programa Mais Alimentos*), confirmed their effectiveness at the time of the international food crisis in 2008, facilitating family farmers to obtain loans at 2% per annum for modernization and purchase of special means of production (machinery and refrigeration equipment). However, despite the improved business climate among the representatives of the peasantry, the PRONAF program proved ineffective due to the transformation of the conventional model of de-

velopment of the country's agricultural sector based on the principles of monetarism and the technologies of the Green Revolution. Thus, credit funds were provided to the borrower only if monocultural (not Creole) seeds were cultivated, synthetic fertilizers and agrochemicals were used. The contradictory violation of agroecological practices (the basis of the idea of food sovereignty) not only undermined the economic situation of small farmers, due to their growing debt burden, but also accelerated the process of environmental degradation due to the intensification (chemicalization) of agricultural production. Due to the contradictions noted, civil society leaders associated with La Via Campesina entered into a critical dialogue with the authorities, demanding adjustments to the PRONAF program, the potential of which was almost exhausted by the beginning of 2012 [Caporal, Petersen 2010, p. 95].

National food sovereignty programs: PAA and PNAE

It should be noted that the PAA and PNAE programs are two elements of the unified state project Zero Hunger (Port. – *Fome Zero*) implemented by President L.I. Lula da Silva in 2003–2004 [Sanches Peraci, Gilson Bittencourt 2010]. The main goal of the two initiatives was to provide income opportunities to the largest number of low-capitalization family farms by creating conditions for the sale of their products at less volatile prices [Borsatto et al. 2020]. In particular, the PAA's task (prescribed in art. No. 19 of Legislative Act No. 10,696¹⁸) was to purchase food from small family farmers in order to redistribute food among socially vulnerable segments of the population [Sanches Peraci, Gilson Bittencourt 2010, p. 194]. In addition to diversifying production, the PAA project's function was to promote a peasant lifestyle based on environmental conservation, protection of biodiversity, cultivation of local resources (Creole seeds) and respect for local traditions, cultures and knowledge.

The second project (PNAE), adopting these agroecological tactics for the development of domestic parcel farming, focused on the delivery of family farm products to educational institutions in the country. The main objectives of the PNAE project (established through the ratifica-

¹⁸ Lei n. 10.696. Dispõe sobre a repactuação e o alongamento de dívidas oriundas de operações de crédito rural, e dá outras providências, de 2 de Julho de 2003. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bra132233.pdf> (Accessed 21 May 2025).

tion of Law No. 11.947¹⁹) were: 1) development of the rural economy through the expansion of small-scale agroecological production based on traditional food ingredients and dishes of national cuisine; 2) transformation of the diet of young people, minimizing ultra-processed ingredients (oils, sugars, milk powder, juices, crackers, canned sardines, sausages); 3) implementation of “food education”, revealing the connection of local food products with Brazilian food culture and gastronomic history, contributing to the self-identification, socialization and individualization of the younger generation.

Food sovereignty as a key component of the PLANAPO

The implementation of food sovereignty projects initiated by L.I. Lula da Silva was continued by his party colleague D.V. Rousseff, who became president in 2011. Two years after taking office, D.V. Rousseff officially presented the National Plan for Agroecology and Organic Production (Port. – *Plano Nacional de Agroecologia e Produção Orgânica: PLANAPO*), focused on improving the quality of life of Brazilians through the production, distribution and consumption of healthy food made in environmentally sustainable ways. At the same time, the idea of food sovereignty (art. No. 3, Law No. 7.794²⁰), contributing to the conservation of biodiversity, stimulating local agroecological production and preserving traditional agricultural knowledge and skills, served as an auxiliary tool for achieving the goals set in PLANAPO.

The course towards food sovereignty was also extended in the subsequent National Plan, ratified by the President of Brazil in 2016. Thus, the updated document highlighted the importance of cultural identity for the national agri-food system, which focuses on small agricultural producers²¹. However, along with the basic principles for food sove-

¹⁹ Lei n. 11.947. Dispõe sobre o atendimento da alimentação escolar e do Programa Dinheiro Direto na Escola aos alunos da educação básica, de 16 de junho de 2009. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bra132080.pdf> (Accessed 21 May 2025).

²⁰ Decreto Nº 7.794, de 20 de agosto de 2012, que institui a Política Nacional de Agroecologia e Produção Orgânica – Planapo. URL: <https://www.gov.br/agricultura/pt-br/assuntos/sustentabilidade/organicos/legislacao/portugues/decreto-no-07-794-de-20-de-agosto-de-2012.pdf> (Accessed 21 May 2025).

²¹ Plano Nacional de Agroecologia e Produção Orgânica – Planapo: 216-2019 / Câmara Interministerial de Agroecologia e Produção Orgânica. Brasília, DF: Ministério do Desenvolvimento Agrário. 2016. URL: <https://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/431870/> (Accessed 21 May 2025).

reignty, codified in the national plans for agroecological development, historical issues related to the distribution of land and the protection of peasants from unauthorized seizure of their agricultural land (*Land grabbing*) remained without due administrative attention.

The criticisms, mostly articulated by civil society activists, were not taken into account by government authorities due to the institutional crisis that followed the impeachment of D.V. Rousseff. Moreover, in 2016, Brazil began the process of dismantling [Bauer, Knill 2012, p. 35] the policy of food sovereignty, characterized by direct, indirect, hidden and symbolic transformations that provoked both a loss of “density” (reduction of strategies, plans and projects) and a decrease in “intensity” (reduction of the scale and degree of intervention) of special government regulatory measures.

*Strategies for dismantling the policy of food sovereignty:
the transition from authoritarian populism to corporatocracy*

The political shift to the right that occurred after the end of the era of Authoritarian populism [Scoones et. al. 2017] symbolized the evolution of the country's political regime, which was drifting towards Corporocracy [Crouch 2011] (an order based on progressive control by corporations, represented as effective moderators of processes such as Westernization, marketization and democratization).

The election in 2019 of J.M. Bolsonaro reinforced the Predatory state model [Evans 1995] based on clientelism and neopatrimonialism, as two synthesized types of power relations that legalize and legitimize neo-extractivist forms of capital accumulation in the country [Veltmeyer 2019]. The agricultural sector was reorganized and adapted to the ultra-liberal interests of large agribusiness, which were accompanied by the Brazilian Association of Agribusiness (ABAG) and the National Confederation of Agriculture and Livestock (CNA). At the same time, existing government programs to promote food sovereignty policies in Brazil were selectively disbanded, dismantled, and abolished. In particular, funding for PAA and PNAU programs were virtually discontinued²². However, the prospects for reform seemed very shaky, due to the return to power of President L.I. Lula da Silva, who rehabilitated

²² Melito L. Com queda de 95% em 8 anos, aquisição de alimentos chega a menor nível com Bolsonaro / Brasil de Fato, 29 de outubro de 2020. URL: <https://www.brasildefato.com.br/2020/10/29/com-queda-de-93-em-8-anos-aquisicao-de-alimentos-chega-a-menor-nivel-com-bolsonaro> (Accessed 21 May 2025).

the institutional functioning of the PLANAPO III²³ in 2024, based on the discursive, political, legal and socio-economic strengthening of campesinos as the foundation of the food sovereignty strategy.

* * *

The situation in Brazil's agricultural and food sector can be characterized as follows: large semi-feudal landowners who own vast territories, often completely unused, are concentrated at one pole, while millions of small-scale and landless peasants are suffocating in the grip of poverty and hunger at the other. The institutional and legal asymmetry and socio-economic differentiation inherited from the time of the Conquista do Pará, which is also relevant for modern Brazilian society, is more clearly manifested in moments of humanitarian disasters.

Thus, the consequences of COVID-19, for example, have resulted in an increase in poverty and extreme poverty for the country, affecting 62.5 and 17.9 million people in 2021, which is the highest for both population groups (29.4% and 8.4%) since 2012 [Exime et. al. 2023, p. 7]. It should be noted that Brazil is the country with the highest number of deaths in Latin America and the second in the world, where more than 660 million people died from this disease since the beginning of the pandemic.

In conditions of extreme poverty, 1/3 of Brazilians, teetering on the brink of life and death, sacrificed human dignity for self-preservation, provided by the instinct of hunger [Exime et. al. 2023, p. 2]. Thus, according to statistics for 2021–2023, the number of Brazilians in acute food need amounted to 14.3 million people, which is ten times more than in the period from 2014 to 2016 (1.5 million people) year²⁴. In the context of the national crisis, which intensified the problem of social inequality, special attention is paid to the agrarian issue. The expanded focus of the agrarian issue includes issues related to land reform, support for family farms, protection of ecosystems, preservation of food crops, popularization of gastronomic traditions and high dependence on imports of agricultural products. The policy of food sovereignty, which acts as a comprehensive response to articulated issues, is used today by both representatives of civil society (from below) and government authorities (from above).

²³ A Articulação Nacional de Agroecologia. Propostas da Articulação Nacional de Agroecologia para o PLANAPO 2024–2027. Rio de Janeiro. 2024. URL: <https://agroecologia.org.br/wp-content/uploads/2024/03/PLANAPO-2024-2027-WEB-2.pdf> (Accessed 21 May 2025).

²⁴ FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO. The state of food security and nutrition in the world 2024... P. 175.

For example, the MST actively implements the principles of food sovereignty (agroecological fairs; nationwide tree planting campaigns; campaigns against agrochemicals; educational courses on the benefits of agroecology; solidarity marches; thematic lectures and conferences).

The policy of food sovereignty implemented by the state authorities, in turn, is characterized as contradictory. In particular, along with the implementation of two programs focused on the comprehensive development of the campesinos class (PAA and PNAE), Brazil retains the dominant position of large agribusiness, exploiting the largest part of the state's ecosystem capital, which is intensively exported.

Thus, the rotating composition of the Brazilian government, which is systematically drifting from the left to the right political shore, is actively involved in the process of redistributing "extractivist rents" which serve as a source of monetary funds that guarantee the implementation of election promises. Wherefore, under the leadership of socialist politicians (from 2003 to 2016), who focused on the equitable distribution of material goods, the idea of food sovereignty received the greatest institutional development through the configuration of special projects adapted to the sustainable development of rural areas.

The subsequent stage of the power of the conservatives (from 2016 to 2023), based on the clientelist-corporatist development paradigm of the predatory state, provoked the process of dismantling the policy of food sovereignty, characterized by both a loss of density and a decrease in the intensity of special measures of state regulation. However, the recent return to power of President L.I. Lula da Silva, who rehabilitated the institutional functioning of Brazil's National Agroecological Development Plan (PLANAPO III) in 2024, based on the discursive, political, legal and socio-economic strengthening of the campesinos class, signals Brazil's return to a political course on food sovereignty.

The prospects for reform seemed very shaky, due to the return to power of President L.I. Lula da Silva, who rehabilitated the institutional functioning of the PLANAPO III in 2024, based on the discursive, political, legal and socio-economic strengthening of campesinos as the foundation of the food sovereignty strategy. In this way the verified correlation secures food sovereignty as an instrument of social reform, used primarily by left-wing governments to implement a body of electoral promises.

Литература

Malov 2024a – *Malov A.V.* Food sovereignty policy. "The Venezuelan experiment", [Политика продовольственного суверенитета: «Венесуэльский экспе-

- римент»] // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 89–102.
- Malov 2024a – *Malov A.V.* Public policies for food sovereignty in Japan and Ecuador: a comparative analysis [Государственная политика обеспечения продовольственного суверенитета в Японии и Эквадоре: сравнительный анализ] // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 144–157.
- Alves, Rocha 2010 – *Alves E., Rocha D.P.* Ganhar tempo é possível? // A agricultura brasileira: Desempenho, desafios e perspectivas / ed. by J.G. Gasques, J. Filho, Z. Navarro. Brasília: IPEA, 2010. P. 275–290.
- Andrade 2020 – *Andrade D.* Populism from above and below: The path to regression in Brazil // *Journal of Peasant Studies*. 2020. Vol. 47. No. 7. P. 1470–1497.
- Bauer, Knill 2012 – *Bauer M.W., Knill C.* Understanding policy dismantling: An analytical framework // *Dismantling public policy: Preferences, strategies, and effects* / ed. by M. Bauer, A. Jordan, C. Green-Pedersen, A. Héritier. Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 30–51.
- Borsatto et. al. 2020 – *Borsatto R.S., et. al.* Public procurement as strategy to foster organic transition: Insights from the Brazilian experience // *Renewable Agriculture and Food Systems*. 2020. Vol. 35. No. 6. P. 688–696.
- Caporal, Petersen 2010 – *Caporal F.R., Petersen P.* Políticas públicas y alternativas agroecológicas en Brasil: Perspectivas para la seguridad y soberanía alimentaria // *Revista De Economía Crítica*. 2010. No. 10. P. 75–112.
- Crouch 2011 – *Crouch C.* The strange non-death of neo-liberalism. Cambridge: Polity Press. 2011. 199 p.
- Evans 1995 – *Evans P.B.* Embedded autonomy: States and industrial transformation. Princeton: Princeton University Press, 1995. 344 p.
- Eid, Bueno Pimentel 2001 – *Eid F., Bueno Pimentel A.E.* Solidary economy: Challenges of cooperative agrarian reform in Brazil // *Journal of Rural Cooperation*. 2001. Vol. 29. No. 2. P. 1–15.
- Exime et. al. 2023 – *Exime E. et. al.* Between the power of the “Satanic Mill of Production” and the “Counter-Movements” for land reform // *Revista de Gestão Social e Ambiental*. 2023. Vol. 18. No. 3. P. 1–13.
- Fernandes 2013 – *Fernandes B.M.* Re-peasantization, resistance and subordination: The struggle for land and agrarian reform in Brazil // *Agrarian South: Journal of Political Economy*. 2013. Vol. 2. No. 3. P. 269–289.
- Fernandes 2022 – *Fernandes B.M.* Land and food: The new struggles of the landless workers movement (MST) // *Brazilian geography. Advances in geographical and environmental sciences* / ed. by R.C. Lois González, M.A. Mitidiero Jr. Singapore: Springer. 2022. P. 279–296.
- García, González Sanjuan 2016 – *García F.O., González Sanjuan M.F.* Consumo de fertilizantes en el mundo y en la Argentina // *Sustentabilidad de los agrosistemas y uso de fertilizantes* / ed. by R.S. Lavado. Buenos Aires: Asociación Argentina de la Ciencia del Suelo. 2016. P. 61–84.

- Moura et. al. 2024 – *Moura J.T.V. et al.* A political ecology of resistance: Actions and reactions of agrarian socio-territorial movements in Latin America // *Latin American Perspectives*. 2024. Vol. 51. No. 1. P. 40–62.
- Patel 2012 – *Patel R.* The long green revolution // *The Journal of Peasant Studies*. 2012. Vol. 40. No. 1. P. 1–63.
- Saad-Filho 2020 – *Saad-Filho A.* Varieties of neoliberalism in Brazil (2003–2019) // *Latin American Perspectives*. 2020. Vol. 47. No. 1. P. 9–27.
- Sanches Peraci, Gilson Bittencourt 2010 – *Sanches Peraci A., Gilson Bittencourt A.* Family farming and price guarantee programs in Brazil: The Food Procurement Program (PAA) // *The Fome Zero (Zero Hunger) Program: The Brazilian experience* / ed. by J.G. da Silva, M.E. Del Grossi, C.G. de França. Brasília: MDA. 2010. P. 193–224.
- Schiavoni 2015 – *Schiavoni C.M.* Competing sovereignties, contested processes: insights from the Venezuelan food sovereignty experiment // *Globalizations*. 2015. Vol. 12. No. 4. P. 466–480.
- Scoones et al 2017 – *Scoones I. et. al.* Emancipatory rural politics: confronting authoritarian populism // *The Journal of Peasant Studies*. 2017. Vol. 45. No. 1. P. 1–20.
- Tarlau 2014 – *Tarlau R.* Thirty years of landless workers demanding state power // *Berkeley Journal of Sociology*. 2014. Vol. 58. P. 88–94.
- Veltmeyer 2019 – *Veltmeyer H.* Resistance, class struggle and social movements in Latin America: Contemporary dynamics // *Journal of Peasant Studies*. 2019. Vol. 46. No. 6. P. 1264–1285.

References

- Malov, A.V. (2024), “Food sovereignty policy. ‘The Venezuelan experiment’”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 89–102.
- Malov, A.V. (2024), “Public policies for food sovereignty in Japan and Ecuador: a comparative analysis”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6. pp. 144–157.
- Alves, E.R. and Rocha, D.P. (2010), Ganhar tempo é possível? in Gasques, J.G., Filho, J. and Navarro, Z., eds., *A agricultura brasileira: Desempenho, desafios e perspectivas*, IPEA, Brasília, Brazil, pp. 275–290.
- Andrade, D. (2020), “Populism from above and below: The path to regression in Brazil”, *Journal of Peasant Studies*, vol. 47, no. 7, pp. 1470–1496.
- Bauer, M.W. and Knill, C. (2012), “Understanding policy dismantling: An analytical framework”, in Bauer, M., Jordan, A., Green-Pederson, C. and Héritier, A., eds., *Dismantling public policy: Preferences, strategies, and effects*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 30–51.
- Borsatto, R.S. et al. (2020), “Public procurement as strategy to foster organic transition: Insights from the Brazilian experience”, *Renewable Agriculture and Food Systems*, vol. 35, no. 6, pp. 688–696.

- Caporal, F.R. and Petersen, P. (2010), "Políticas públicas y alternativas agroecológicas en Brasil: Perspectivas para la seguridad y soberanía alimentaria", *Revista De Economía Crítica*, No. 10, pp. 75–112.
- Crouch, C. (2011), *The strange non-death of neo-liberalism*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Evans, P. (1995), *Embedded autonomy: States and industrial transformation*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Eid, F. and Bueno Pimentel, A.E. (2001), "Solidary economy: Challenges of cooperative agrarian reform in Brazil", *Journal of Rural Cooperation*, vol. 29, no. 2, pp. 1–15.
- Exime, E. et al. (2023), "Between the power of the "Satanic Mill of Production" and the "Counter-Movements" for land reform", *Revista de Gestão Social e Ambiental*, vol. 18, no. 3, pp. 1–13.
- Fernandes, B.M. (2013), "Re-peasantization, resistance and subordination: The struggle for land and agrarian reform in Brazil", *Agrarian South: Journal of Political Economy*, vol. 2, no. 3, pp. 269–289.
- Fernandes, B.M. (2022), "Land and food: The new struggles of the landless workers movement (MST)", in Lois González, R.C. and Mitidiero Jr, M.A., eds., *Brazilian geography. Advances in geographical and environmental sciences*, Springer, Singapore, pp. 279–296.
- García, F.O. and González Sanjuan, M.F. (2016), "Consumo de fertilizantes en el mundo y en la Argentina", in Lavado, R.S., ed., *Sustentabilidad de los agrosistemas y uso de fertilizantes*, Asociación Argentina de la Ciencia del Suelo, Buenos Aires, Argentina, pp. 61–84.
- Moura, J.T.V. et al. (2024), "A political ecology of resistance: Actions and reactions of agrarian socio-territorial movements in Latin America", *Latin American Perspectives*, vol. 51, no. 1, pp. 40–62.
- Patel, R. (2012), "The long green revolution", *The Journal of Peasant Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 1–63.
- Saad-Filho, A. (2020), "Varieties of neoliberalism in Brazil (2003–2019)", *Latin American Perspectives*, vol. 47, no. 1, pp. 9–27.
- Sanches Peraci, A. and Gilson Bittencourt, A. (2010), "Family farming and price guarantee programs in Brazil: The Food Procurement Program (PAA)", in da Silva, J.G., Del Grossi, M.E. and de França, C.G., eds., *The Fome Zero (Zero Hunger) Program: The Brazilian experience*, MDA, Brasília, Brasil, pp. 193–224.
- Schiavoni, M.C. (2015), "Competing sovereignties, contested processes: insights from the Venezuelan food sovereignty experiment", *Globalizations*, vol. 12, no. 4, pp. 466–480.
- Scoones, I. et al. (2017), "Emancipatory rural politics: confronting authoritarian populism", *The Journal of Peasant Studies*, vol. 45, no. 1, pp. 1–20.
- Tarlau, R. (2014), "Thirty years of landless workers demanding state power", *Berkeley Journal of Sociology*, vol. 58, pp. 88–94.
- Veltmeyer, H. (2019), "Resistance, class struggle and social movements in Latin America: Contemporary dynamics", *Journal of Peasant Studies*, vol. 46, no. 6, pp. 1264–1285.

Information about the author

Aleksandr V. Malov, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; malov.pvo@gmail.com

Информация об авторе

Александр В. Малов, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; malov.pvo@gmail.com

Нигерийский федерализм в контексте глобального потепления

Андрей А. Захаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakharov.aa@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль федеративной модели государственности в реагировании современной Нигерии на глобальные экологические сдвиги. Предпринятый в ней анализ свидетельствует о том, что федеративные системы, в отличие от унитарных государств, теоретически способны откликаться на последствия глобального потепления более гибко. Однако в нигерийском случае этому мешает целый ряд препятствий исторического, культурного, политического свойства. Пытаясь преодолеть сопровождающийся многочисленными жертвами конфликт скотоводов и земледельцев, который до предела обострился в минувшую четверть века именно из-за глобального потепления, Федеративная Республика Нигерия не использует потенциал федерализма в полной мере, а ее политический класс, как и раньше, видит в нем «игру с нулевой суммой», в которой выигрывает либо центр, либо регионы. Неспособность властной системы справиться с упомянутым конфликтом не только раскалывает страну надвое по линии Север – Юг, вновь воспроизводя разлом гражданской войны 1967–1970 гг., но и порождает новые общественно-политические проблемы, среди которых неспособность государства контролировать всю свою территорию, распространение неконвенциональных социально-политических практик, включая массовый бандитизм, джихадизм и иные формы экстремизма, возникновение новых форм коррупции, в числе которых так называемый неопасторализм. Исследование завершается выводом о том, что Нигерия смогла бы смягчить стрессы, провоцируемые глобальным потеплением, если бы ее правящий класс всерьез занялся совершенствованием федеративной системы.

Ключевые слова: Нигерия, федерализм, глобальное потепление, конфликт скотоводов и земледельцев, нигерийский бандитизм, пастухи фулани, неопасторализм, программа RUGA

Для цитирования: Захаров А.А. Нигерийский федерализм в контексте глобального потепления // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 86–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-86-110

Nigerian federalism in the context of global warming

Andrei A. Zakharov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zakharov.aa@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes the role of the federal model of statehood in contemporary Nigeria's response to global environmental shifts. The analysis demonstrates that federal systems, unlike unitary states, are theoretically capable of responding more flexibly to the effects of global warming. However, in the Nigerian case, this is hampered by a number of historical, cultural, and political obstacles. While attempting to overcome the deadly conflict between herders and farmers, which has escalated dramatically over the past quarter century due to global warming, the Federal Republic of Nigeria is failing to fully utilize the potential of federalism, and its political class continues to view it as a "zero-sum game" in which either the center or the regions benefit. The government's inability to cope with this conflict not only splits the country along North-South lines, replicating the rift of the 1967–1970 civil war, but also gives rise to new socio-political problems, including the state's inability to control its entire territory, the spread of unconventional socio-political practices, including mass banditry, jihadism, and other forms of extremism, and the emergence of new forms of corruption, including so-called neo-pastoralism. The study concludes that Nigeria could mitigate the stresses caused by global warming if its ruling class seriously addressed the improvement of its federal system.

Keywords: Nigeria, federalism, global warming, herders-farmers conflict, Nigerian banditry, Fulani herders, neo-pastoralism, RUGA policy

For citation: Zakharov, A.A. (2026), "Nigerian federalism in the context of global warming", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 86–110, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-86-110

Введение

Анализируя последний выпуск Индекса хрупкости государств, обнародованный в феврале минувшего года, без труда можно удостовериться в том, что в настоящее время несоразмерно большая часть самых непрочных политических систем приходится на Африканский континент. Согласно создателям упомянутого индекса в десятке максимально проблемных стран, входящих в категории

High alert и Very high alert, фигурировали шесть представителей Африки (Сомали, Судан, Южный Судан, Демократическая Республика Конго, Центральноафриканская Республика и Чад), и нет никаких оснований надеяться на то, что в следующей, обновленной версии рейтинга их число снизится¹. В значительной степени усугубление африканского неблагополучия связано с порчей климата планеты Земля, последствия которой особенно болезненно сказываются на тех странах, где ниша обитания человека и без того была не слишком просторной.

Иначе говоря, глобальное потепление, как не раз уже отмечалось, более всего бьет по самым отсталым и обездоленным регионам². «Нынешнее изменение климата представляет собой всеобщий кризис, но наиболее бедная часть человечества ощущает его эффекты раньше всех и сильнее всех», – отмечают специалисты международной благотворительной организации Оксфам (Oxford Committee for Famine Relief – Oxfam)³. При этом повышение мировых температур влечет за собой не только экономические, но и политические последствия. Внутригосударственные и межгосударственные миграции, вынужденно обусловленные деградацией окружающей среды и ее снижающейся производительностью, способны выходить из-под контроля, в особенности при слабой государственности, а это расшатывает традиционные властные порядки. Кроме того, скудость ресурсов, которая становится все более давящей из-за глобального потепления, провоцирует внутри отдельно взятых государств межгрупповое насилие, политическую нестабильность и гражданские войны [Knight 2024].

Федеративная Республика Нигерия полномасштабно и всесторонне затронута этими процессами с самого начала глобальных климатических сдвигов [Campbell, Page 2018, pp. 169–172; Nwankpa 2023, pp. 84–88]. В силу своего географического положения она испытывает на себе весь перечень последствий, которыми повышение мировых температур оборачивается для Африки: среди рисков, признанно угрожающих в указанной связи ее стабильности – со-

¹ The Fund for Peace. Fragile states index annual report 2024. Washington, D.C.: The Fund for Peace, 2025. К моменту завершения настоящей статьи индекс, описывающий 2025 год, еще не был опубликован.

² См.: Wallace-Wells D. The uninhabitable Earth: Life after warming. N.Y.: Tim Duggan Books, 2019. 320 p.

³ Which countries are most affected by climate change? // Oxfam. 2025. Jan. 31. URL: <https://www.oxfamamerica.org/explore/issues/climate-action/which-countries-are-most-affected-by-climate-change/> (дата обращения: 23.01.2026).

крашение производства продовольствия, нехватка земельных ресурсов и обусловленное ею перемещение значительных людских масс, обострение внутривнутриполитических конфликтов, подъем религиозно-политического экстремизма⁴. Однако в нигерийской ситуации, как будет показано в настоящей статье, есть свои особенности, обусловленные как экономикой, так и политикой, и предопределяющие базовые характеристики рассматриваемого кейса.

С одной стороны, в экономическом плане глобальное потепление наиболее существенно сказывается на извлечении углеводородного сырья и производстве сельскохозяйственной продукции – т. е. именно на тех двух сферах производственной деятельности, которые долгие годы остаются для Нигерии ключевыми. Статистически соотношение между этими секторами национальной экономики со временем менялось, причем кардинально – если в 1960 г. на сельскохозяйственную продукцию приходилось 85% всего нигерийского экспорта, то к 1974 г. эта доля сократилась до 5%, но тем не менее их важность аграрного сектора для благополучия нации всегда оставалась непоколебимой: даже сегодня, несмотря на преобладание нефти во внешней торговле современной Нигерии, продовольственные товары продолжают доминировать в ее внутренней торговле⁵, а вклад сельского хозяйства в нигерийский ВВП по-прежнему превышает совокупную долю нефтяного и промышленного секторов, вместе взятых [Campbell, Page 2018, p. 169]. Так, в 2024 г. на производство продовольствия приходилось 28,65% ВВП страны⁶.

С другой стороны, в политическом отношении специфика нигерийского реагирования на нынешний климатический стресс в значительной мере задается федеративной природой местной государственности – тем, что действующая в стране управленческая модель предполагает конкретные варианты разделения полномочий, компетенций и ответственности между центральными и региональными органами власти (подробнее см.: [Adeniran 2020;

⁴ Africa Center for Strategic Studies. Extended heat waves threatening human security in Africa. 2021. Oct. 29. URL: <https://africacenter.org/spotlight/how-global-warming-threatens-human-security-in-africa/> (дата обращения: 26.01.2026).

⁵ Falola T., Genova A., Heaton M. Historical dictionary of Nigeria. 2nd ed. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. P. 36.

⁶ Folliss H. The growth of farmer-herder violence in Nigeria // Bloomsbury Intelligence & Security Institute. 2025. May 26. URL: <https://bisi.org.uk/reports/the-growth-of-farmer-herder-violence-in-nigeria> (дата обращения: 06.02.2026).

Issaev, Zakharov 2024]). Это принципиально важное обстоятельство, поскольку порождаемые климатическими сдвигами проблемы по-разному сказываются в различных частях географически протяженной страны: если, предположим, конфликт кочевников и земледельцев более чем ощутимо проявляет себя в социально-политической динамике северных и центральных штатов, то для прибрежных районов нигерийского юга он практически неактуален; и наоборот, проблемы, обусловленные климатическими издержками нефтедобычи, которые дестабилизируют южные регионы, мало ощущаются на тех нигерийских территориях, где нефти нет. (В настоящее время основные центры нефтедобычи располагаются в 9 нигерийских штатах из 36.) Иными словами, и список вызовов, с которыми сталкивается крупнейшее федеративное государство Африки в XXI столетии, и перечень способов, используемых для реагирования на эти вызовы, в равной мере разнообразны.

Одной из выраженных особенностей современной Нигерии можно считать то, что в нынешнем столетии ее государственные устои синхронно подрываются с нескольких сторон сразу. Среди серьезных факторов, работающих на геополитическую дестабилизацию «гиганта Африки», обязательно нужно упомянуть набирающий силу конфликт скотоводческих и земледельческих общин на северо-западе и в центре, укрепление позиций террористической группировки «Боко Харам»* на северо-востоке, партизанские вылазки в дельте реки Нигер на юге, активность сторонников отверженной полвека назад сецессионистской Республики Биафра на юго-востоке (подробнее см.: [Захаров 2025, с. 34–40]). Глобальное повышение температур, которое больно задело Нигерию как страну, с одного края расположенную неподалеку от экватора, а с другого края примыкающую к Сахелю, по-своему сказывается на каждом из компонентов всеобъемлющего кризиса, переживаемого ею в настоящее время. Тем не менее если попытаться ранжировать перечисленные конфликты по степени актуальной значимости и потенциальной фатальности, то на первом плане окажется, по-видимому, конфликт кочевых скотоводов и оседлых земледельцев, который к настоящему времени далеко не полностью реализовал свой разрушительный потенциал.

Именно эта коллизия будет анализироваться в настоящей статье в силу, прежде всего, двух причин, важных в исследовательском плане: во-первых, упомянутый катаклизм безусловно порожден климатическими сдвигами, а любые иные факторы лишь максимизируют или минимизируют генерируемую им напряженность;

* Террористическая организация, запрещенная в РФ.

во-вторых, поскольку федерализм есть система, предполагающая политическую автономию составных частей государственного целого, отклик на кризис в разных регионах одной и той же страны неизбежно оказывается вариативным. «Ущерб, причиняемый климатическими сдвигами, первоочередным образом ощущается в отдельно взятых регионах Нигерии, – утверждает ученый и экоактивист Чуквумеридже Окереке. – Следовательно, любая климатическая эффективная политика должна быть локализованной политикой»⁷. Этот пункт подчеркивается и другими нигерийскими специалистами, по словам которых федерализм, в частности, «гарантирует более оперативное реагирование и подотчетность в процессе умиротворения <скотоводческих и земледельческих общин>, поскольку в нем штатам предоставляется самостоятельность, позволяющая давать собственные ответы на имеющиеся вызовы» [Эрамех, Боларинва, Ичими 2025, с. 166]. Иначе говоря, обращение к нигерийскому случаю реагирования государственной системы на глобальные климатические метаморфозы позволит, вероятно, выявить какие-то новые или, как минимум, уточнить старые закономерности функционирования федеративной политики, испытывающей социально-политические перегрузки.

Изменение климата и конфликт оседлых и кочевых сообществ в Нигерии

Согласно дефиниции, предлагаемой энциклопедией Britannica, к категории «несостоявшихся государств» (failed states) относятся те члены мирового сообщества наций, которые не в состоянии выполнять две ключевые функции современного государства: во-первых, осуществлять власть над *всей* своей территорией и *всеми* населяющими ее людьми, и, во-вторых, обеспечивать неприкосновенность своих границ⁸. Концептуальным фундаментом, объединяющим два критерия, явно выступает то, что страны упомянутого разряда не обладают монополией на насилие в тех географических пределах, которые закреплены за ними международным правом.

⁷ Okereke C. Importance of state-level climate governance in Nigeria // Professor Chukwumerije Okereke research blog. 2024. July 2. URL: <https://chukwumerije.com/chukwumerije-okereke-importance-of-state-level-climate-governance-in-nigeria/> (дата обращения: 06.02.2026).

⁸ Barma N.H. “Failed state” // Encyclopedia Britannica. 2025. May 3. URL: <https://www.britannica.com/topic/failed-state> (дата обращения 07.02.2026).

Приведенная выше совокупность оснований позволяет некоторым африканистам зачислять в группу «несостоявшихся государств» и Федеративную Республику Нигерия (см., например: [Denis 2023])⁹. В типовом списке причин, которые, как предполагается, объясняют нынешнее состояние «гиганта Африки», принято упоминать избыточные запасы углеводородов, унаследованную от колониального прошлого культуру насилия, врожденные дефекты политической системы (включая бескрайнюю коррупцию). Вместе с тем в последние годы этот список все чаще дополняется еще одним фактором, ранее оставшимся у политологов в пренебрежении – а именно, глобальным потеплением, находящимся, по мнению некоторых специалистов, в прямой каузальной связи с неудержимой деградации нигерийской государственности [Ojo, Aina, Oyewole 2024; Okoli, Ngom 2024].

Эндемически множасьщиеся с 2010–2012 гг. столкновения между теми нигерийцами, кто выращивает скот, и теми, кто возделывает землю, затронули прежде всего северо-западную часть страны, примыкающую к зоне Сахеля. Это примерно четверть всей национальной территории, где расположены семь нигерийских штатов – Замфара, Кадуна, Кебби, Кацина, Сокото, Кано и Джигава. (В совокупности они составляют Северо-Западную геополитическую зону, одну из шести подобных зон, имеющих в Нигерии.) Равнинные и сухие пространства, соседствующие с Сахарой, всегда испытывали нехватку водных ресурсов, но издавна применявшиеся в регионе методы социальной регуляции раньше позволяли пресекать споры за воду и пастбища на ранних стадиях (подробнее см.: [Гришина 2024; Sule 2024]). Во многом этому способствовали культурные особенности Африки, где «коммунальные технологии преодоления конфликтов всегда считались естественным делом и задействовались еще с доколониальных времен» [Nwankpa 2023, p. 107]. В первой четверти XXI в., однако, среднегодовые температуры повысились, осадки оскудели, а водоемы обмелели, что в совокупности решительно повлияло на образ жизни традиционных сообществ. В докладе Генерального секретаря ООН о положении дел в зоне Сахеля, обнародованном в 2013 г., говорилось: «Показатель человеческого развития в регионе является одним из самых низких в мире. С течением лет периодически возникающие продовольственные кризисы и проблема острой нехватки питания,

⁹ См. также: *Nwadiaru R. Nigeria: A failed state*. 2nd ed. Herndon: Mascot Books, 2018. 352 p.; *Rotberg R., Campbell J. Nigeria is a failed state* // Foreign Policy. 2021. May 27. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/05/27/nigeria-is-a-failed-state/#fn:2> (дата обращения: 01.02.2026).

обусловленные изменением климата, деградацией окружающей среды, засухами, наводнениями, плохо функционирующими рынками, низкой производительностью сельского хозяйства, нищетой и конфликтами, серьезно подорвали способность домашних хозяйств противостоять новым и все более частым потрясениям»¹⁰. Причем все перечисленное, по-видимому, воплощает лишь первые признаки грандиозного (и губительного) тренда: к 2050 г., согласно прогнозам, реки Сахеля и окрестностей обмелеют еще на 20–40% – как будто бы мало того, что количество выпадающих сегодня на нигерийском северо-западе осадков уже на 25% меньше, чем три десятилетия назад, а здешние площади обрабатываемых земель и пастбищных угодий сократились на 35% за полвека [Ojewale, Osasona, Shamsudeen 2024].

Для северо-запада Нигерии совокупным итогом глобального потепления делается то, что земля, питающая как растения, так и скот, делается суше и суше. Соответственно, скотоводам приходится прикладывать больше труда, чтобы найти сезонные выгоны и пастбища, преодолевая ради этого все более внушительные расстояния, а земледельцы вынуждены с крайней бережливостью относиться к поддерживающим урожайность посевов водным ресурсам, всячески минимизируя сторонний доступ к ним [Okoli, Lenshie, Suleiman 2024]. Тезис о том, что повышение температур на планете Земля влечет за собой всплески насилия, сегодня считается едва ли не аксиомой (см., например: [Miles-Novelo, Anderson 2019])¹¹. Эта взаимосвязь, еще полтора десятилетия назад метко названная «катастрофической конвергенцией»¹², в полном объеме проявляет себя в нигерийских стычках пастухов и фермеров. По мере того, как ресурсная база под давлением климатических изменений истощается, кочевые сообщества, для которых дальние миграции делаются все более непосильными, вынужденно втягиваются в конкуренцию с оседлыми общинами, чаще всего сопровождающуюся жесткими столкновениями, утратой имущества и потерей человеческих жизней [Ojo, Aina, Oyewole 2024]. В этих взаимодействиях обращение

¹⁰ Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности. Доклад Генерального секретаря о ситуации в Сахельском регионе. 14 июня 2013 г. URL: <https://docs.un.org/ru/s/2013/354> (дата обращения: 01.02.2026).

¹¹ См. также: *Dunn R.* A natural history of the future: What the laws of biology tell us about the destiny of human species. N.Y.: Basic Books, 2021. 320 p.; *Schwartzstein P.* The heat and the fury: On the frontlines of climate violence. Washington, D.C.: Island Press, 2024. 328 p.

¹² *Parenti C.* Tropic of chaos: Climate change and the new geography of violence. N.Y.: Nation Books, 2011. 312 p.

различных сторон к силовому инструментарию, которое прежде было чем-то исключительным, превращается в норму [Ademola 2025; Olumba 2022].

Северные и северо-западные районы нынешней Нигерии традиционно были ареалом расселения фулани (фульбе) – крупной сахельской этнической группы, в настоящее время насчитывающей в этой стране около 15 млн человек [Nwankpa 2023, p. 109]. Практикуемая ими система отгонного скотоводства традиционно предполагала, что в деревнях выращиваются менее 20% животных, а более 80% всего поголовья сезонно перегоняются с одного места на другое. Раньше фулани, с которыми прочно ассоциируется скотоводство во всей Западной Африке, вообще славились как «профессиональные пастухи, которые берут скот у земледельческих народов на выпас в обмен на приплод и продукты земледелия»¹³, но сегодня от этой идиллии мало что осталось. Современные полукочевые общины фулани, все острее нуждаясь в пастбищных и водных ресурсах по мере потепления (и сопутствующих ему засух, опустынивания, эрозии), вольно или невольно втягиваются в конфликты с оседлым населением региона. И скотоводы, и земледельцы в нынешнем противостоянии исходят из одной и той же предпосылки – притязания конкурентов на воду нужно всячески пресекать, – но если одни делают это, уничтожая чужие посевы, то другие решают ту же задачу, угоняя (или истребляя) чужие стада. В результате, как отмечает Майкл Нванкпа, «в последние двадцать лет скотоводы-фулани все интенсивнее вступали в стычки с оседлыми крестьянами, в основном представляющими иные этнические группы», в ходе которых уже погибли десятки (если не сотни) тысяч человек [Nwankpa 2023, p. 109].

В итоге крупная этническая группа – в Западной Африке сегодня проживают около 30 млн фулани (фульбе) – нередко подвергается выраженной стигматизации, причем не только в Нигерии, но и по всему региону, включая Буркина-Фасо, Мали, Нигер, Камерун и другие страны. Термин «бандитизм фулани» широко применяют не только за рубежом, но и в самой Нигерии, превращая его тем самым в устойчивый этнополитический маркер – что, конечно же, не способствует межнациональному миру¹⁴. В этом свете показательно, в частности, прозвучавшее пять лет назад заявление Амину

¹³ Попов В.А. Фульбе // Народы и религии мира: Энциклопедия / под ред. В.А. Тишкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 587.

¹⁴ См., например: International Crisis Group. Stopping Nigeria's spiraling farmer-herder violence. Africa report no. 262. Brussels: International Crisis Group, 2018. 38 p.

Масари, губернатора штата Кацина: «Большинство тех, кто осуществляет нынешние бандитские акции, составляют фулани. Нравится это кому-то или нет, но это чистая правда. Речь не идет о том, что бандиты на 100% исключительно фулани, но именно эта общность в их рядах преобладает»¹⁵. Некоторые исследователи, впрочем, не соглашались со столь категоричными суждениями, указывая на то, что зачастую этническая принадлежность подлинных (и сохраняющих анонимность) владельцев крупных поголовий – в отличие от обслуживающих их пастухов – вообще остается в тени. Более того, добавляют они, возложение ответственности на фулани может оказаться для кого-то выгодным¹⁶.

Система набирающего обороты насилия, охватывающая почти всю Западную Африку и в своих базовых чертах воспроизводимая едва ли не в каждом из здешних государствах, включая Нигерию, складывается по одним и тем же лекалам. Как уже говорилось, запускают смертоносную цепную реакцию трансформирующиеся под влиянием глобального потепления миграции скотоводов, которым приходится перегонять свои нуждающиеся в воде и пище стада в (или через) зоны, где издавна обосновались земледельцы. В Сахеле традиционно имелись коридоры, предназначенные для свободного прохода стад к водопоям и пастбищам, причем их важность десятилетиями признавалась и скотоводами, и земледельцами, ведшими, фактически, симбиотическое существование. Однако, по словам Питера Суле, наблюдаемые в последнюю четверть века стремительная урбанизация, популяционное давление, распространение экстремистских движений, а также нескончаемые политические потрясения и кризисы местной государственности, сделали их использование недоступным [Sule 2024]. В результате на смену порядку пришел хаос, старые правила перестали работать, а прежние демаркационные линии исчезли. Эту динамику Майкл Бака характеризует следующим образом: «Эрозия почв, вызванная разрушительными практиками земледелия и скотоводства, а также изменение погодных условий, провоцируемое глобальным потеплением, превратили обширные пастбищные угодья <северной Ни-

¹⁵ Цит. по: *Oyero K.* Most bandits are Fulani who profess same religious beliefs as me – Masari // The Punch (Lagos). 2021. Sept. 6. URL: <https://punchng.com/most-bandits-are-fulani-who-profess-same-religious-beliefs-as-me-masari/> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁶ *Luizza M.* Urban elites' livestock exacerbate herder-farmer tensions in Africa's Sudano-Sahel // New Security Beat. 2019. June 10. URL: <https://www.newsecuritybeat.org/2019/06/urban-elites-livestock-exacerbate-herder-farmer-tensions-africas-sudano-sahel/> (дата обращения: 05.02.2026).

грии> в пустыни, заставив скотоводов во множестве мигрировать к югу. Их вступление в зону нигерийских саванн существенно обострило конкуренцию за земельные ресурсы, принадлежность которых и без того оспаривалась местными оседлыми сообществами друг у друга. Причем вновь прибывшие, как правило, не имели ни малейшего понятия ни о локальных пастбищных коридорах, ни об обычаях местного населения, что повышало вероятность недоразумений между гостями и хозяевами»¹⁷. Дополнительным фактором эскалации выступает то, что в территориальные пределы Нигерии, очерченные довольно пористой государственной границей, зачастую вторгаются скотоводы-фулани из соседних стран, которые изначально настроены на конфронтацию с местными жителями и пренебрежение устоявшимися внутри чужого государства конвенциями. Стычки с участием «пришлых» неизменно оказываются самыми жестокими [Dan-Azumi 2025, p. 117].

В свою очередь, несанкционированные вторжения со стороны скотоводов, после 2010 г. сделавшиеся регулярными, не устраивали земледельцев, которые, мобилизуясь перед лицом экзистенциальной угрозы, начали формировать отряды местной самообороны, призванные оказывать противодействие незванным пришельцам. На первых порах им удавалось сдерживать миграционный натиск кочевников и полукочевников, но по мере того, как стычки делались все более частыми и интенсивными, противостоящие им антагонисты тоже начинали обзаводиться силовой поддержкой в лице собственных ударных групп. Кроме того, скотоводы-фулани стали обращаться за содействием к джихадистским и террористическим организациям, которые активно действуют во многих западноафриканских странах, включая Нигерию. Совокупным итогом всех этих трендов оказалось образование в западной и центральной частях нигерийского севера взрывоопасной смеси кочевнического насилия, классического бандитизма и террористического джихадизма [Okoli, Ngom 2024]. Мощнейшим катализатором описанных процессов служит почти неограниченная циркуляция в регионе огнестрельного оружия, ставшая особенно интенсивной после крушения Ливийской Джамахирии (подробнее см.: [Utibe, Ogundiya 2024]).

¹⁷ Baca M. Farmer-herder clashes amplify challenge for beleaguered Nigerian security // The Global Observatory. 2015. July 20. URL: <https://theglobalobservatory.org/2015/07/farmer-herder-nigeria-buhari-abuja-fulani/> (дата обращения: 22.02.2026; *Idem*. My land, not your land: Farmer-herder wars in the Sahel // Foreign Affairs. 2015. Aug. 21. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-08-21/my-land-not-your-land> (дата обращения: 01.02.2026).

Раскрываясь, маховик насилия перепрофилирует трудовые ресурсы: люди, которые совсем недавно мирно выращивали скот или возделывали землю, поневоле и массово превращаются в солдат-самоучек: крестьянскую мотыгу или пастуший посох с недавних пор органично дополняет автомат Калашникова, без которого уже нельзя заниматься повседневным трудом. В свою очередь, взаимная милитаризация враждующих сторон радикально увеличивает количество жертв, погибающих в столкновениях скотоводов и фермеров: если из 10 тыс. человек, убитых в межобщинных расприх в Нигерии в 2009–2018 гг., 4 тыс. пришлось на последние два года этого интервала, то всего за двенадцать месяцев 2019–2020 гг. (с мая по май) в сражениях за воду и пастбища пали уже 4150 мирных граждан [Ilo, Jonathan-Ichaver, Adamolekun 2019; Sule 2024]. В последние пять лет, судя по имеющейся аналитике и материалам СМИ, ситуация менялась лишь к худшему¹⁸.

Кризис существенно усугубляется появлением в аграрных зонах, травмированных потеплением, избыточных рабочих рук, которые больше не находят себе хозяйственного применения. Кочевые и оседлые труженики теперь не просто до смерти бьются друг с другом: в обеих общностях неудержимо увеличивается количество людей, которые, ни на кого и ни на что не рассчитывая, отвергают конвенциональные способы добывания хлеба насущного. Главным средством жизнеобеспечения для них становится насилие в разных его проявлениях, среди которых грабежи, разбои, похищения людей ради выкупа, а также иные формы присвоения чужого имущества. Как подчеркивают нигерийские специалисты, наиболее основательно в эту альтернативную экономику вовлекается сельская молодежь, для которой криминальная деятельность зачастую оказывается единственным способом выживания (см.: [Ojo, Aina, Oyewole 2024]). Результатом этих процессов стало становление нового социального явления – нигерийского бандитизма как особой отрасли экономики и специфического варианта общественной организации, альтернативного государству.

По подсчетам специалистов, в одной только Северо-Западной геополитической зоне Нигерии, в состав которой входят семь упомянутых в начале статьи федеральных единиц, на начало 2020-х гг. насчитывалось до 100 тыс. хорошо вооруженных бандитов [Osasona 2024; Ojewale, Osasona, Shamsudeen 2024]. Основным промыслом этих людей является изъятие чужой собственности силой оружия, причем ни федеральные, ни региональные власти не имеют потенциала для того, чтобы не только покончить с этим

¹⁸ См., в частности: *Folliss H.* Op. cit.

разрушающим страну явлением, но хотя бы затормозить его дальнейшее распространение. Поскольку северо-западная часть Нигерии – зона хронической нищеты, от 75 до 85% обитателей которой живут ниже официальной черты бедности (надо сказать, и без того не слишком высокой) [Osasona 2024], а глобальное потепление эффективно добывает здесь остатки «обычной» экономики, ряды бандитских формирований стабильно пополняются. Одновременно расширяются пространства, на которые государственная монополия на насилие не распространяется: органы власти в таких местах подменяются преступными структурами, содержащими собственный управленческий аппарат, осуществляющими судебную власть, взимающими налоги и руководящими людьми, которые оказались в их подчинении. Несмотря на то что в некоторых локациях бандитские шайки сотрудничают с радикалами из «Боко Харам»* и других подобных группировок, в целом их следует рассматривать как автономное явление. В обоснование этого достаточно сказать, что активность организованных банд не менее смертоносна, что вылазки религиозных экстремистов: в настоящее время профессиональные бандиты убивают больше нигерийцев, чем исламисты и джихадисты.

Федеративные принципы как путь выхода из кризиса: теория и практика

Рассмотрев общий контекст, обратимся к вопросу о том, что в ситуации нигерийского политико-климатического кризиса может предложить федерализм. На первый взгляд кажется, что не так уж и много, поскольку на углеводородный тонус, будь то планетарный, континентальный или национальный, ни федеральное правительство, ни власти конкретных штатов существенно повлиять не могут: у одной отдельно взятой африканской страны, пусть даже самой крупной, мало возможностей заблокировать глобальное потепление. Бесспорно, какие-то меры на этот счет в Нигерии предпринимаются – в столице разрабатываются тематические программы и планы, а на местах создаются профильные комиссии, – но с федеративным устройством это мало связано: подобными вещами сегодня повсюду занимаются и унитарные государства. Иначе говоря, *первопричина* нынешнего кризиса – глобальное потепление – почти не коррелирует с территориально-административным устройством страдающих от него стран. Вместе с тем такая корреляция очевидно просматривается там, где речь заходит о борьбе с *последствиями*,

вызываемыми в нигерийском социуме повышением общемировых температур. Как и полагается в федерациях, нигерийские штаты обладают довольно широким набором конституционных полномочий, позволяющих регулировать различные сферы социальной жизни (подробнее см.: [Adeniran 2020; Захаров 2025]). Именно в указанной перспективе они способны включаться в устранение (или хотя бы приглушение) мучающего страну антагонизма между скотоводами и земледельцами, спровоцированного климатическими сдвигами. Приходится, однако, отмечать, что на сегодняшний момент получается это не очень хорошо.

Главная причина сбоев видна невооруженным глазом: в Нигерии центр и регионы уже много лет не могут договориться о консолидированной государственной политике землепользования, которая с равной эффективностью защищала бы и скотоводов, и земледельцев. Объясняется это двумя обстоятельствами: во-первых, баснословной коррумпированностью нигерийских властных структур всех уровней, давно ставшей притчей во языцех [Akanle, Nkre 2023; Falola 2021, pp. 269–284; Smith 2007] и регулярно фиксируемой в опросах общественного мнения¹⁹, а во-вторых, взяточностью федерального правительства, открыто подыгрывающего одной из сторон противостояния и, фактически, еще более подогревающей нынешний антагонизм [Эрамах, Боларинва, Ичими 2025].

Показательной иллюстрацией того, как коррупционная составляющая нигерийской политики накладывается на противостояние местных животноводов и растениеводов и, следовательно, комбинируется с климатическими сдвигами, является довольно новый феномен так называемого «неопасторализма», который некоторые нигерийские ученые считают одним из ключевых элементов сахельского конфликта на современном этапе [Sule 2024]. Под этим понятием подразумевается своего рода инвестиционная стратегия части коррумпированного чиновничества, предполагающая вложение огромных средств (чаще всего добытых нечестным путем) не только в традиционные финансовые инструменты типа криптовалюты или золота, но также в крупный и мелкий скот. По большей части посредством подобного «урбанистического скотоводства» богатые и влиятельные горожане прячут или отмывают преступ-

¹⁹ См., в частности, показательные данные социологической службы «Афробарометр», полученные весной 2025 г.: Nigerians say corruption is worsening, and citizens risk retaliation if they speak up, Afrobarometer survey finds // Afrobarometer. 2025. May 6. URL: <https://www.afrobarometer.org/articles/nigerians-say-corruption-is-worsening-and-citizens-risk-retaliation-if-they-speak-up-afrobarometer-survey-finds/> (дата обращения: 21.02.2026).

ные доходы; неудивительно, что новомодный трюк, который, помимо Нигерии, получил распространение в Чаде, Судане и Центральноафриканской Республике²⁰, довольно быстро превратил представителей военной и административной верхушки во владельцев внушительного поголовья «движимого имущества», аккумулирующего огромные ресурсы (уместно отметить, что в начале 2020-х гг. стоимость *одной* коровы в Нигерии варьировала от 600 до 1100 долл. США). Нет нужды говорить, что неопасторализм не следует путать с традиционным пасторализмом: и назначение скота, и круг его собственников, и масштабы стад, и методы их охраны тут выглядят совсем по-другому. Скажем, если средний размер «традиционного» стада в сахельской зоне раньше составлял от 15 до 50 голов, то в типовом стаде, которым владеет какой-нибудь неопасторалист из Абуджи, может насчитываться до 1000 голов. Соответственно, и охраняющие его наемные пастухи вооружены уже не палками и антикварными ружьями, а автоматами и даже пулеметами.

Главное, однако, заключается вовсе не во внешней атрибутике. Неопасторализм несет в себе прямую угрозу политической стабильности, поскольку задействованные в его практиках акторы играют не по тем правилам, которыми издавна руководствовались общины скотоводов и земледельцев, а по своим собственным установлениям, поддерживаемым административными и политическими ресурсами. Как справедливо отмечает М. Луицца, «вопрос о собственности на кочующую по стране скотину оказывается политически значимым, поскольку те же самые лица, которые владеют наиболее крупными стадами, одновременно обладают и огромной политической властью, имея возможность влиять на достижение договоренностей, выработку государственного курса, проведение общественных дискуссий, которые касаются миграций скота как внутри отдельных стран, так и между государствами Сахеля»²¹. В установках этих людей стремление к максимальной прибыли преобладает над иными резонами, включая заботу о поддержании социального мира. Более того, они, в частности, соответствующим образом формируют и федеральную линию Нигерии в отношении землепользования, давно превратившуюся в предмет ожесточенных споров региональных властей с федеральным центром.

Как уже говорилось, федеративные принципы в этих дискуссиях не слишком явственно обнаруживают себя. «Хотя в теории федерализм идеально подходит для работы с таким разнооб-

²⁰ Подробнее см.: *Luizza M.* Op. cit.

²¹ *Ibid.*

разным населением, как в Нигерии, – пишут нигерийские специалисты, – дурное применение сделало его бессильным в разрешении низовых конфликтов» [Эрамах, Боларинва, Ичими 2025, с. 182]. Центральное правительство Нигерии в последние годы не раз отбивало попытки штатов добиться официального отказа от устаревших практик свободного кочевания по национальной территории стад, стремящихся к водопоям и пастбищам. К настоящему времени законы, ограничивающие для мигрирующих скотоводов свободный выпас – и призванные тем самым снизить градус насилия, – приняты в 17 штатах из 36, но федерация не спешит вводить соответствующие ограничения на общенациональном уровне. Медлительность столичного чиновничества и его почти не скрываемое нежелание препятствовать скотоводам, покушающимся на чужие земли, позволяют политической оппозиции и гражданскому обществу уличать правительство в целом и профильные министерства в частности в негласном покровительстве, оказываемом фулани сугубо из-за того, что они мусульмане (как и большая часть нигерийского правящего класса)²². Д. Виллах Дан-Азуми пишет по этому поводу следующее: «В то время как скотоводы нередко получают политические и финансовые преференции, а также защиту со стороны федеральных властей, фермеры, в особенности в южной Нигерии, вынуждены сами справляться со своими экономическими уязвимостями и ограниченным доступом к рынкам» [Dan-Azumi 2025, p. 111]. Ту же односторонность, как считают некоторые, проявляют и службы правопорядка, нередко «подыгрывающие» пасторалистам – а также, что не менее важно, упоминавшимся выше неопасторалистам²³. Особенно заметными эти тренды были в период президентства Мохаммаду Бухари (2015–2023), этнического фулани, который, опираясь на северные элиты и влиятельное лобби в лице Нигерийской ассоциации скотоводов «Слава Всевышнему» (Miyetti Allah Cattle Breeders Association of Nigeria), потворствовал, по утверждению ряда авторов, полувоенным формированиям фулани, «несмотря на вопиющие акты террора, совершенные ими на северо-западе Нигерии» [Nwankpa 2023, p. 110].

²² Этническую группу фулани принято считать ведущей распространительницей ислама в Африке. Согласно их собственной устной традиции, фулани ведут происхождение от человека по имени Укуба, который был кровным родственником Пророка. Мусульманами они стали еще в IX в., а на территории нынешней северной Нигерии обосновались в XII в. (см.: *Falola T., Genova A., Heaton M. Op. cit. P. 164*).

²³ *Folliss H. Op. cit.*

В последние несколько лет основными «полями сражений», где особенно зримо сталкивались интересы федерации и ее субъектов, стали две государственные инициативы, каждая из которых получила широкий и громкий резонанс в нигерийском обществе. Обе родились во времена Бухари, который уже в инаугурационной речи в мае 2015 г. пообещал прекратить распрю скотоводов и земледельцев [Ademola 2025, p. 52]. Первой из них оказалось внесение в 2016 г. в Национальную ассамблею предложения о создании в стране специального пула выпасных пастбищ и выгонных коридоров, предназначенных исключительно для нужд скотоводов, а также учреждение управляющего этими землями особого административного органа. Согласно официальной риторике предьявленный федеральными властями парламенту проект Федерального закона «О национальном пастбищном резерве» (The National Grazing Reserve Bill) разрабатывался для того, чтобы максимально обособить друг от друга пространства экономической деятельности кочевого и оседлого населения, создав в Нигерии специальные зоны, которыми эксклюзивным образом могли бы пользоваться скотоводы для удовлетворения своих нужд. Это, как заявлялось, ощутимо снизило бы конфликтный потенциал внутри нигерийского социума и способствовало бы его стабилизации. Законопроект предусматривал учреждение Комиссии национального пастбищного резерва, наделяемой широчайшими полномочиями: в частности, ей поручался контроль над обширными территориями, превращаемыми в составные части резерва, причем решения Комиссии об изъятии тех или иных земель в пользу этого специального фонда запрещалось оспаривать в суде без согласия на то генерального прокурора страны.

К настоящему моменту законопроект так и не удалось принять, но сам факт его внесения в парламент уже вызвал в Нигерии бурю. Противники закона немедленно назвали его антинародным и нацеленным на конфискацию земельной собственности у значительной части нигерийских граждан. Обсуждаемый акт уличали прежде всего в том, что он способствует исламизации страны, продавливаемой мусульманскими элитами Севера при поддержке федеральных властей. В ряду прочих претензий оказались также поощрение одной этнической группы – фулани – в ущерб остальным, перевод частных коммерческих начинаний в ранг государственной политики, противоречие принципам федерализма. Кроме того, специалисты указывали, что даже если принять за аксиому чистоту намерений тех, кто разрабатывал сомнительную инициативу, то их проект никак не сможет достичь тех целей, которые в нем декларируются. Главной причиной выступает то, что в нем совсем не затрагиваются первоисточники проблемы, а именно исчерпание ресурсной

базы из-за непомерного демографического давления, глобального потепления и разрушительных действий террористических организаций. А поскольку создание государственного резерва, выгодного для скотоводческих общин, неизбежно потребует изъятия в его пользу той или иной доли земель, ныне используемых оседлым фермерским населением, этот шаг не укрепит национальное единство шатающейся Нигерии, но, напротив, еще более ослабит его [Dan-Azumi 2025, p. 121–122].

Пока федерация расписывается в собственном бессилии предложить какие-то инновационные решения, позволяющие снять напряженность во взаимоотношениях скотоводов и растениеводов, а очаги все новых столкновений расползаются по стране, штаты вынуждены заделывать законодательные прорехи самостоятельно. Как отмечалось выше, действуя в разнорой, они в последние годы начали принимать собственные законы, регулирующие свободный выпас скота – либо поощряя, либо запрещая его. По этому вопросу страна раскололась примерно пополам, и если Север ожидаемо склоняется к покровительственным мерам в отношении кочевников, то Юг столь же естественно ограничивает их привилегии²⁴. Между тем, столкнувшись с непониманием и отторжением своих законотворческих новаций, правительство в Абудже решило облечь продвигаемый им курс в иную форму. В июне 2019 г. в Нигерии была запущена федеральная программа RUGA (Rural Grazing Area programme), нацеленная на переформатирование образа жизни скотоводческих общин. Инициатива предполагала создание на территории страны множества специальных ранчо (скотоводческих колоний), за заборами которых кочевники и их семьи должны были обеспечиваться базовыми социальными удобствами и услугами, включая школы, больницы, ветеринарные клиники, мясоперерабатывающие предприятия [Dan-Azumi 2025, p. 123]²⁵. Разворачивая этот проект, федеральное правительство обнародовало собственные ожидания от него: оно рассчитывало на умиротворение скотоводов и фермеров, повышение качества мясомолочной продукции, приток инвестиций в аграрный сектор²⁶. К настоящему моменту, однако, ни-

²⁴ Детальный анализ см: *Blench R., Hassan U.* Grazing reserves, stock routes, and pastoral resources in Nigeria. Reading, UK: Tetra Tech International Development Europe, 2025. 40 p.

²⁵ См. также: *Blench R., Hassan U.* Op. cit.

²⁶ *Udegbum O.* Presidency lists benefits of “RUGA settlements” // Premium Times (Abuja). 2019. June 30. URL: <https://www.premiumtimesng.com/news/headlines/338046-presidency-lists-benefits-of-ruga-settlements.html?tztc=1> (дата обращения: 09.02.2026).

чего из перечисленного так и не было реализовано в сколько-нибудь значительной мере.

Причиной выступил все тот же общественный раскол, который погубил Федеральный закон «О национальном пастбищном резерве». Если 16 штатов, располагающихся в основном на северо-западе Нигерии, довольно быстро заявили о поддержке правительственной линии и присоединении к программе, то оставшиеся 20, занимающие юго-восток страны, столь же решительно ее отвергли. Администрацию Бухари вновь обвинили в стремлении «фуланизировать» национальное сельское хозяйство и использовать государственные ресурсы для укрепления этнического бизнеса, несмотря на заверения администрации в том, что будущие скотоводческие колонии будут открыты для скотоводов всех этнических групп, а не только для фулани²⁷. В концентрированном виде негодование общества запечатлел нигерийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Воле Шойинка: «Сначала они без зазрения совести убивают и изгоняют фермеров, труд которых в основном и кормит страну, их скот уничтожает крестьянские посевы – а потом вдруг, пожалуйста, предлагают нам RUGA! По моему мнению, если эту программу воплощать в жизнь механически, не обращая внимание на людей, то государство не избежит серьезных проблем. Любая страна, где скотину ставят над человеком, скатывается в варварство» (см.: [Ademola 2025, p. 56]). Немалый скандал вызвали также и тайные махинации правительства вокруг этой программы: несмотря на то что проект предполагал сугубо добровольное присоединение к нему штатов, федеральные власти негласно наметили на территории каждого субъекта Федерации по пять тысяч гектаров земли, которые позже предполагалось пустить на обеспечение мероприятий RUGA. Это было сделано без уведомления губернаторов, хотя распоряжение земельными ресурсами штатов без их согласия запрещено Федеральным законом «О землепользовании» 1978 г. (Land Use Act). Наконец, правительство атаковали и за то, что исполнительная власть пыталась профинансировать запуск программы, передавая средства напрямую Министерству сельского хозяйства в обход законодательного органа.

Таким образом, становится вполне понятно, почему реакция публики на новую государственную инициативу изобиловала этническими коннотациями, а также отчего многие нигерийцы увидели в ней угрозу. Через два месяца после запуска президент

²⁷ Ibid.

Бухари был вынужден отказаться от своего детища²⁸. Тем не менее, как отмечают местные наблюдатели, даже после ухода этого деятеля с высшего государственного поста мероприятия, некогда предусмотренные RUGA, пытаются проводить исподволь, а связанные с ней опасения этнического доминирования никуда не деваются [Ademola 2025, p. 57]. Поиску компромиссных путей, которые устроили бы всех участников нигерийского федеративного ансамбля и соответствовали бы сущностному этосу федерализма, федеральное правительство, похоже, по-прежнему предпочитает давление и нажим. Возможно, в какой-то мере это обусловлено тем, что нынешний президент Бола Тинубу (не фулани, но йоруба), избранный в 2023 г., в свое время не поддержал критику программы RUGA, с которой в 2019 г. выступали многие видные представители его собственной этнической группы²⁹. На протяжении последних лет его не раз упрекали за это, а в принятом им в 2024 г. решении сформировать узкопрофильное Министерство животноводства, выделив его из структуры Министерства сельского хозяйства, многие увидели намек на возрождение политики RUGA. Показательно, что эту инициативу энергично поддержала упоминавшаяся выше Нигерийская ассоциация скотоводов «Слава Всевышнему», которую не раз обвиняли в поощрении бандитизма со стороны сообществ фулани³⁰.

Заключение

Одной из специфических особенностей федеративного устройства всегда была предусматриваемая им гибкость реагирования на вызовы, с которыми сталкивается полития. В Федеративной Республике Нигерия глобальное потепление спровоцировало острейший внутренний конфликт между нигерийцами, с одной

²⁸ *Udegbonam O.* Buhari suspends Ruga programme – official // Premium Times (Abuja). 2019. July 3. URL: <https://www.premiumtimesng.com/news/headlines/338625-just-in-buhari-suspends-ruga-programme-official.html> (дата обращения 09.02.2026).

²⁹ *Akinkuotu E.* Tinubu among promoters of Ruga – Odumakin // The Punch (Lagos). 2019. July 8. URL: <https://punchng.com/tinubu-among-promoters-of-ruga-odumakin/> (дата обращения: 03.03.2026).

³⁰ *Ewepe G.* Miyetti Allah throws weight behind Tinubu's creation of livestock ministry // Vanguard (Lagos). 2024. July 21. URL: <https://www.vanguardngr.com/2024/07/miyetti-allah-throws-weight-behind-tinubus-creation-of-livestock-ministry/> (дата обращения: 06.02.2026).

стороны, культивирующими землю, а, с другой стороны, выращивающими скот. Его разрастание повлекло за собой всеобъемлющий кризис, следствиями которого стали массовая гибель людей, масштабные внутренние миграции, экономическая стагнация, распространение бандитизма, подъем радикальных движений. Вопреки тому, что в основе любой федерации лежат компромиссы и диалог, нигерийские федеральные власти в последние годы не раз предпринимали попытки решить проблемы одной части населения страны за счет другой его части. Такая линия еще больше углубляет общественный раскол и дискредитирует государственную власть, а вместе с ней и федеральную систему: критикуя последнюю за неэффективность, значительная часть нигерийской общественности в последние годы настойчиво требует перехода к «новому федерализму» [Захаров 2025]. Между тем социально-экономические следствия глобального потепления становятся все более болезненными, пока государство теряет время, которое можно было бы потратить на их смягчение. В свете сказанного трудно не согласиться с нигерийскими авторами, которые утверждают: «Наилучшей предпосылкой для умиротворения стала бы система, при которой федерализм позволяет регионам справляться с собственными проблемами такими способами, которые наиболее соответствуют их культурной и иной специфике» [Эрамах, Боларинва, Ичими 2025, с. 175]. Разумеется, сами по себе федеративные порядки не способны покончить с кризисом, но они могут заметно смягчить его последствия, сделав государственную систему более сбалансированной и действенной. Иначе говоря, на нынешнем этапе развития федерализм мог бы принести Нигерии немалую пользу – но пока его потенциал остается неиспользованным в силу приверженности нигерийских элит централистским и вертикальным управленческим рецептам.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00650).

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (№ 24-18-00650).

Литература

- Гришина 2024 – *Гришина Н.В.* Некоторые аспекты животноводства в странах Африки // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 1 (66). С. 66–79.
- Захаров 2025 – *Захаров А.А.* Нигерия в поисках «подлинного федерализма» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 25–46.
- Эрамех, Боларинва, Ичими 2025 – *Эрамех Н.И., Боларинва Д.О., Ичими Г.* Конфликт скотоводов и земледельцев в Северо-Центральной Нигерии: поможет ли федерализм справиться с кризисом? // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2025. № 4 (162). С. 163–183.
- Ademola 2025 – *Ademola E.O.* National policy and ethnic politics in RUGA policy: rethinking inclusive policy for sustainable peace in Nigeria // Journal of Education & Social Policy. 2015. Vol. 12. P. 48–60.
- Adeniran 2020 – *Adeniran O.* Nigeria (Federal Republic of Nigeria) // The Forum of Federations handbook of federal countries 2020 / ed. by A. Griffiths, R. Chattopadhyay, J. Light, C. Stieren. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 255–269.
- Akanle, Nkpe 2023 – Corruption and development in Nigeria / ed. by O. Akanle, D.O. Nkpe. L.: Routledge, 2023. 210 p. (Routledge Corruption and Anti-Corruption Studies)
- Campbell, Page 2018 – *Campbell J., Page M.* Nigeria: What everyone needs to know. Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.
- Dan-Azumi 2025 – *Dan-Azumi D.V.* The farmer – Fulani herdsmen clashes and the socio-economic development of North-Western Nigeria: A case study of Southern Kaduna // African Journal of Conflict Resolution. 2025. Vol. 25. No. 1. P. 108–134.
- Denis 2023 – *Denis M.J.* Nigeria: Failed state and the state of the nation // Journal of Political Science and Leadership Research. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 1–9.
- Falola 2021 – *Falola T.* Understanding modern Nigeria: Ethnicity, democracy, and development. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 500 p.
- Ilo, Jonathan-Ichaver, Adamolekun 2019 – *Ilo U.J., Jonathan-Ichaver I., Adamolekun Y.* The deadliest conflict you've never heard of: Nigeria's cattle herders and farmers wage a resource war // Foreign Affairs. 2019. Jan. 23. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/nigeria/2019-01-23/deadliest-conflict-youve-never-heard> (дата обращения: 25.02.2026).
- Issaev, Zakharov 2024 – *Issaev L., Zakharov A.* “The black's man burden”: The Nigerian federation as a paradox // Issaev L., Zakharov A. Federalism and decentralization in Africa: Globalization and fragmentation in territorial arrangements. Cham: Springer Nature, 2024. P. 47–82. (Advances in African Economic, Social and Political Development)
- Knight 2024 – *Knight J.* The direct and indirect economic consequences of climate damage in poor countries // Environment and Development Economics. Vol. 29. No. 1. P. 1–18.

- Miles-Novelo, Anderson 2019 – *Miles-Novelo A., Anderson C.* Climate change and psychology: Effects of rapid global warming on violence and aggression // *Current Climate Change Reports*. Vol. 5. P. 36–46.
- Nwankpa 2023 – *Nwankpa M.* Nigeria's Fourth Republic, 1999–2021: A militarised democracy. N.Y.: Routledge, 2023. 188 p.
- Ojewale, Osasona, Shamsudeen 2024 – *Ojewale O., Osasona T., Shamsudeen Y.* Climate change and armed banditry in Northwest Nigeria. A troubled synergy of insecurity // *Armed banditry in Nigeria: Evolution, dynamics, and trajectories* / ed. by J.S. Ojo, F. Aina, S. Oyewole. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 15–42.
- Ojo, Aina, Oyewole 2024 – *Ojo J.S., Aina F., Oyewole S.* Unmasking armed banditry in Nigeria // *Armed banditry in Nigeria: Evolution, dynamics, and trajectories* / ed. by J.S. Ojo, F. Aina, S. Oyewole. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 3–13.
- Okoli, Lenshie, Suleiman 2024 – *Okoli A.C., Lenshie N.E., Suleiman M.A.* Climate change and rural violence in Northern Nigeria // *Banditry and security crisis in Nigeria* / ed. by A.C. Okoli, S. Ngom. L.; N.Y.: Routledge, 2024. P. 36–55. (Routledge Studies in Peace, Conflict and Security in Africa)
- Okoli, Ngom 2024 – *Okoli A.C., Ngom S.* Introduction: Situating banditry and security crisis in Nigeria // *Banditry and security crisis in Nigeria* / ed. by A.C. Okoli, S. Ngom. L.; N.Y.: Routledge, 2024. P. 3–18.
- Olumba 2022 – *Olumba E.E.* The politics of eco-violence: Why is conflict escalating in Nigeria's Middle Belt? // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 36. No. 2. P. 180–197.
- Osasona 2024 – *Osasona T.* Governance failure and armed banditry in Nigeria's North West: Some contextual insights // *Banditry and security crisis in Nigeria* / ed. by A.C. Okoli, S. Ngom. L.; N.Y.: Routledge, 2024. P. 56–67.
- Smith 2007 – *Smith D.J.* A culture of corruption: Everyday deception and popular discontent in Nigeria. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. 296 p.
- Sule 2024 – *Sule P.E.* Pastoralism, farmer-herder conflicts, and banditry in the Western Sahe // *Banditry and security crisis in Nigeria* / ed. by A.C. Okoli, S. Ngom. L.; N.Y.: Routledge, 2024. P. 19–35.
- Utibe, Ogundiya 2024 – *Utibe T., Ogundiya I.S.* Armed banditry and arms trafficking in the Northwestern Nigeria // *Armed banditry in Nigeria: Evolution, dynamics, and trajectories* / ed. by J.S. Ojo, F. Aina, S. Oyewole. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 43–74.

References

- Ademola, E.O. (2025). “National policy and ethnic politics in RUGA policy: Rethinking inclusive policy for sustainable peace in Nigeria”, *Journal of Education & Social Policy*, vol. 12, pp. 48–60.
- Adeniran, O. (2020), “Nigeria (Federal Republic of Nigeria)”, in Griffiths, A., Chattopadhyay, R., Light, J., Stieren, C., eds., *The Forum of federations handbook of federal countries*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 255–270.

- Akanle, O., and Nkpe, D.O., eds. (2023), *Corruption and development in Nigeria*, Routledge, London, UK. (*Routledge Corruption and Anti-Corruption Studies*)
- Campbell, J., and Page, M. (2018), *Nigeria: What everyone needs to know*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Dan-Azumi, D.V. (2025), "The farmer – Fulani herdsman clashes and the socio-economic development of North-Western Nigeria: A case study of Southern Kaduna", *African Journal of Conflict Resolution*, vol. 25, no. 1, pp. 108–134.
- Denis, M.J. (2023), "Nigeria: Failed state and the state of the nation", *Journal of Political Science and Leadership Research*, vol. 9, no. 1, pp. 1–9.
- Erameh, N.I., Bolarinwa, J.O., and Ichimi, G. (2025), "Resolving the herders-farmers crisis in the North Central region of Nigeria: Can federalism succeed where other options have failed?", *NZ: Debates on Politics and Culture*, vol. 162, no. 4, pp. 163–183.
- Falola, T. (2021), *Understanding modern Nigeria: Ethnicity, democracy, and development*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Grishina, N. (2024), "Some social and biological aspects of animal husbandry in Africa", *Journal of the Institute for African Studies*, vol. 66, no. 1, pp. 66–79.
- Ilo, U.J., Jonathan-Ichaver, I., and Adamolekun, Y. (2019), "The deadliest conflict you've never heard of: Nigeria's cattle herders and farmers wage a resource war", *Foreign Affairs*, Jan. 23, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/nigeria/2019-01-23/deadliest-conflict-youve-never-heard> (Accessed 25 Feb. 2026).
- Issaev, L. and Zakharov, A. (2024), " 'The black's man burden': The Nigerian federation as a paradox", in Issaev, L. and Zakharov, A., *Federalism and decentralization in Africa: Globalization and fragmentation in territorial arrangements*, Springer Nature, Cham, Switzerland, pp. 47–82.
- Knight, J. (2024), "The direct and indirect economic consequences of climate damage in poor countries", *Environment and Development Economics*, vol. 29, no. 1, pp. 1–18.
- Miles-Novelo, A. and Anderson, C. (2019), "Climate change and psychology: Effects of rapid global warming on violence and aggression", *Current Climate Change Reports*, vol. 5, pp. 36–46.
- Nwankpa, M. (2023), *Nigeria's Fourth Republic, 1999–2021: A militarised democracy*, Routledge, New York, USA.
- Ojewale, O., Osasona, T. and Shamsudeen, Y. (2024), "Climate change and armed banditry in Northwest Nigeria: A troubled synergy of insecurity", in Ojo, J.S., Aina, F. and Oyewole, S., eds., *Armed banditry in Nigeria: Evolution, dynamics, and trajectories*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 15–42.
- Ojo J.S., Aina F. and Oyewole S. (2024), "Unmasking armed banditry in Nigeria", in: Ojo, J.S., Aina, F. and Oyewole, S., eds., *Armed banditry in Nigeria: Evolution, dynamics, and trajectories*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 3–13.
- Okoli, A.C., Lenshie, N.E. and Suleiman, M.A. (2024), "Climate change and rural violence in Northern Nigeria", in Okoli, A.C. and Ngom, S., eds., *Banditry and security crisis in Nigeria*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 36–55.

- Okoli, A.C. and Ngom, S. (2024), "Introduction: Situating banditry and security crisis in Nigeria", in Okoli, A.C. and Ngom, S., eds., *Banditry and security crisis in Nigeria*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 3–18.
- Olumba, E.E. (2024), "The politics of eco-violence: Why is conflict escalating in Nigeria's Middle Belt?", *Terrorism and Political Violence*, vol. 36, no. 2, pp. 180–197.
- Osasona, T. (2024), "Governance failure and armed banditry in Nigeria's North West: Some contextual insights", in Okoli, A.C. and Ngom, S., eds., *Banditry and security crisis in Nigeria*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 56–67.
- Smith, D.J. (2007), *A culture of corruption: Everyday deception and popular discontent in Nigeria*, Princeton University Press, Princeton, N.J., USA.
- Sule, P.E. (2024), "Pastoralism, farmer-herder conflicts, and banditry in the Western Sahel", in Okoli, A.C. and Ngom, S., eds., *Banditry and security crisis in Nigeria*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 19–35.
- Utibe, T. and Ogundiya, I.S. (2024), "Armed banditry and arms trafficking in the North-western Nigeria", in Ojo, J.S., Aina, F. and Oyewole, S., eds., *Armed banditry in Nigeria: Evolution, dynamics, and trajectories*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 43–74.
- Zakharov, A.A. (2025), "Nigeria in search of 'true federalism' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2025, no. 3, pp. 25–46.

Информация об авторе

Андрей А. Захаров, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; zakharov.aa@rggu.ru

Information about the author

Andrei A. Zakharov, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakharov.aa@rggu.ru

Эскалации косово-сербского конфликта в 2022–2025 гг.

Александр А. Спасов

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия, s4267@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей статье автор обозначает две магистральные линии эскалации косово-сербского конфликта на современном этапе. Первое направление определяется автором как цепочка военно-политических действий с оперативными паузами (периоды тишины в связи с корректировкой дальнейших шагов по контролируемой эскалации), направленных на установление контроля в сербских муниципалитетах в Косово – они стали фиксироваться с 2022 г. Отмечается, что контролируемая эскалация на современном этапе не привела к установлению военно-политического контроля в сербских муниципалитетах, однако позволила апробировать в реальных условиях современные подходы по оказанию военно-политического давления без прямых боевых столкновений с Сербией (не ввели вооруженные силы на территорию сербских муниципалитетов в Косово в период эскалации). Второе магистральное направление, указывающее на эскалацию косово-сербского конфликта на современном этапе и, что не менее важно, на его потенциалы, – развитие военно-промышленного комплекса и армии в Косово. В статье, в частности, обозначается открытие новых военных предприятий и переподготовка военнослужащих при содействии НАТО, что несет в себе угрозу применения военной силы в будущем (может быть реализовано в рамках быстрой военной операции по установлению контроля над сербскими муниципалитетами) и создает политическую напряженность, препятствуя налаживанию диалога между сербами и косоварами на государственном уровне. В завершение автор делает попытку определить ключевые направления ряда ответных действий сербов, в том числе подразумевающих формирование новых контуров безопасности с целью предотвращения деструктивных действий косоваров, направленных на дальнейшую эскалацию конфликта.

Ключевые слова: Косово, Сербия, этнический конфликт, этнополитический конфликт, военно-политическое давление, военно-промышленный комплекс, переговоры, урегулирование конфликта

Для цитирования: Спасов А.А. Эскалации косово-сербского конфликта в 2022–2025 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 111–132. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-111-132

Escalation of the Kosovo-Serbian conflict (2022–2025)

Aleksandr A. Spasov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
s4267@yandex.ru*

Abstract. In this article, the author identifies two main lines of escalation in the Kosovo-Serbian conflict at the current stage. The first direction is defined by the author as a sequence of military-political actions punctuated by “operational pauses” (periods of silence for adjusting subsequent steps in controlled escalation) aimed at establishing control over Serbian municipalities in Kosovo – a trend observed since 2022. It is noted that, while controlled escalation at the present stage has not resulted in the permanent establishment of military-political control over these municipalities, it has allowed for the field-testing of modern approaches to exerting military-political pressure without direct combat engagement with Serbia (as the Serbian Armed Forces did not enter the territory of Serbian municipalities in Kosovo during the periods of escalation). The second major direction indicating the escalation of the conflict and, equally importantly, its future potential, is the development of the military-industrial complex and the army in Kosovo. In particular, the article highlights the opening of new military enterprises and the retraining of military personnel with NATO assistance. These developments pose a threat of the use of military force in the future (potentially realized through a rapid military operation to seize control of Serbian municipalities) and create political tension that hinders the establishment of a state-level dialogue between Serbs and Kosovars. In conclusion, the author attempts to define the key directions for a series of Serbian countermeasures, including the formation of new security frameworks aimed at preventing further destructive actions by the Kosovo authorities and the continued escalation of the conflict.

Keywords: Kosovo, Serbia, ethnic conflict, ethno-political conflict, military-political pressure, military-industrial complex, negotiations, conflict resolution

For citation: Spasov, A.A. (2026), “Escalation of the Kosovo-Serbian conflict (2022–2025)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 111–132, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-111-132

Введение

Косово-сербский конфликт включает в себя множество неразрешенных противоречий, и возможности урегулирования подобного конфликта, как показывает практика последних лет (динамика противостояния с 2022 г. указывает на постепенную эскалацию с периодами затишья), имеют небольшие шансы на успех в обозримом будущем. В условиях, когда в среднем в мире ежегодно происходит около 20 вооруженных конфликтов, которые рассматриваются политологами в качестве этнических (согласно данным Университета Копенгагена)¹, можно предположить, что косовско-сербское противостояние укладывается в общую логику происходящих процессов в мире, и это будет правдой, но мы считаем, что в современности данный конфликт: 1) носит высокую степень актуализации; 2) может привести к серьезным изменениям в вопросах безопасности в Европе.

Сербско-косовский конфликт имеет давнюю историю, на развитие которой повлияли совершенно разные факторы: от захвата Османской империей до распада Югославии. В рамках исследования нам, конечно, важен современный период – косовский кризис, обострившейся в последние несколько лет.

В результате боевых столкновений противостоящих сторон и вмешательства НАТО в конфликт автономный край Косово и Метохия, входящий в состав Республики Сербия, в одностороннем порядке заявил о своем праве на самоопределение, выйдя из состава государства. Сложилась уникальная ситуация, поскольку суверенитет и территориальную целостность государства Республика Сербия гарантирует Резолюция № 1244, принятая в 1999 г. Советом Безопасности ООН². В то же время Косово, где в основном проживает албанское население – 95%, запустило процесс сепарации. Можно допустить, что урегулирование конфликта между сербами и албанцами могло произойти достаточно быстро в том случае, если бы не произошло вмешательство НАТО в конфликт, операции которого были направлены на ликвидацию вооруженных сил Сербии, а главенствующая роль в них была отведена Вашингтону.

¹ *Ferreira I.A.* Ethnic conflict, tensions, and protests: taking stock of available cross-country data // WIDER Technical Note. 2021. № 22. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Technical-note/PDF/tn2021-22-ethnic-conflict-tensions-protests-cross-country-data.pdf> (дата обращения: 22.02.2026).

² Резолюция 1244 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4011-м заседании 10 июня 1999 г. // Сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1244(1999)) (дата обращения: 15.02.2026).

Сегодня для Сербии автономный край Косово и Метохия – неотъемлемая часть сербского государства. Власти в Приштине предпринимают попытки не по урегулированию конфликта и налаживанию контактов с сербской стороной, а по скорейшей интеграции в региональные организации, такие как Совет Европы³, а также в военный блок НАТО. Разногласия сторон на современном этапе находят свое отражение в столкновениях между сербами и косоварами в сербских муниципалитетах Косова. Важно также отметить, что рост напряженности в регионе связан с выстраиванием новых конфигураций безопасности на Балканах: в этом процессе самым активным образом принимают участие США, ЕС и НАТО, пытаясь установить военно-политический контроль. Фактически ЕС и США, оказывая политическое давление на Сербию, пытаются подвести ее к подписанию соглашения о статусе Косова⁴, что можно считать попыткой урегулирования конфликта в одностороннем порядке, без учета мнения всех сторон противоборства.

Захват сербских муниципалитетов косоварами в рамках стратегии контролируемой эскалации

В последние годы противоборство между сербами и албанцами становится более серьезным, что, с нашей точки зрения, учитывая контролируемую эскалацию, а также наращивание военного потенциала Косова (два направления будут подробно проанализированы в рамках данной статьи), может привести в дальнейшем к открытому противоборству под видом полицейской или военной операции с участием натовских инструкторов и применением современных технологий военного назначения.

Проблемная зона конфликта сегодня – сербские муниципалитеты в Косово. В 2013 г. можно было наблюдать попытки установления договоренностей сторон, что в конечном итоге дало позитив-

³ Admit Kosovo to the Council of Europe A simple step contributing to stability in the Western Balkans // European Stability Initiative. ESI. URL: <https://www.esiweb.org/proposals/admit-kosovo-council-europe> (дата обращения: 17.02.2026).

⁴ Officialization of the Kosovo-Serbia agreement by the end of January? REL: Impossible! Here's what the EU envoy for the dialogue warned! // BalkanWeb. URL: <https://www.balkanweb.com/en/Formalization-of-the-Kosovo-Serbia-agreement-by-the-end-of-January-is-impossible--here%27s-what-the-EU-envoy-warned-about-the-dialogue/#gsc.tab=0> (дата обращения: 17.02.2026).

ный эффект – привело к интеграции сербских муниципалитетов в административные структуры. В частности, сербы стали нести службу в правоохранительных органах, и наряду с этим шла интеграция сербских районов в судебную систему Косово [Соколова 2023, с. 169].

В этот же период обозначилась одна из важных проблем – несогласие Приштины создавать Сообщество сербских муниципалитетов (ССМ). Стоит напомнить, что по соглашению 2013 г. у Сообщества сербских муниципалитетов действительно должна была появиться широкая автономия, в частности предполагалось появление должностей президента, вице-президента, а также ассамблей⁵.

Спустя несколько лет косовские власти так и не приступили к выполнению пункта соглашения о создании ССМ, чего, к слову, требовали представители Брюсселя⁶. Можно констатировать, что сама идея создания ССМ, закреплённая документом, подписанным обеими сторонами конфликта, в конечном итоге оказалась провальной. Данная ситуация стала показательной в вопросе урегулирования проблемы сербских муниципалитетов в Косове, демонстрируя нежелание косоваров выполнять один из важнейших пунктов договора от 2013 г. – создание Сообщества сербских муниципалитетов с широкой автономией.

В этой связи стоит также отметить, что в сентябре 2020 г. была предпринята ещё одна попытка сблизить позиции конфликтующих сторон (Белграда и Приштины), результатом которой стало Вашингтонское соглашение о нормализации экономических отношений⁷. В частности, стороны обязались реализовать инфраструктурные проекты: строительство скоростных автомагистралей, открытие железнодорожного сообщения, присоединение Косова к инициативе «Мини-Шенген» (региональными инициаторами которой выступили Сербия, Албания и Северная Македония),

⁵ First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations (Brussels Agreement) // Сайт ООН. URL: <https://peacemaker.un.org/en/node/9756> (дата обращения: 19.02.2026).

⁶ Kosovo will not get a seat in the UN // Office for Kosovo and Metohija Government of the Republic of Serbia. URL: <https://www.kim.gov.rs/eng/v341.php#:~:text=%2D%20We%20prevented%20the%20snatching%20of,some%20parts%20of%20these%20agreements>. (дата обращения: 20.02.2026).

⁷ Agreement on Economic Normalization (Washington Agreement) // Сайт ООН. URL: <https://peacemaker.un.org/ru/node/10069> (дата обращения: 21.02.2026).

совместное использование под эгидой США пограничного озера Газиводе, а также открытие представительства *U.S. International Development Finance Corporation* для финансирования региональных проектов. Однако этот документ не содержал ни единого положения о создании Сообщества сербских муниципалитетов. В дальнейшем администрация Дж. Байдена (президент США с января 2021 по январь 2025 г.) формально стремилась поддерживать диалог между Приштиной и Белградом, но в действительности не предприняла реальных шагов, которые могли бы способствовать реализации плана по созданию ССМ и минимизации рисков эскалации конфликта в будущем.

Ситуация вокруг сербских муниципалитетов усугубилась с приходом к власти Альбина Курти (премьер-министр Косово с 2021 г.), который в начале своего премьерства обозначил свою позицию в вопросах урегулирования косово-сербского конфликта довольно ясно – в списке приоритетных задач он данную проблему поставил на 6–7-е место⁸.

Можно заключить, что в период с 2013 по 2021 г. положительной динамики в косово-сербском конфликте не наблюдалось, и причиной тому были: 1) нежелание выполнять пункт договора о создании Сообщества сербских муниципалитетов косовской властью; 2) непримиримая позиция Альбина Курти в вопросах автономии сербских муниципалитетов и его риторика в отношении установления диалога с сербами. «Я вынужден дать вам прежний ответ. ССМ не соответствует букве Конституции Косово, и Сербия должна изменить свою Конституцию», – заявил Альбин Курти в 2021 г., находясь на посту премьер-министра Косово⁹.

Неразрешенные вопросы с сербскими муниципалитетами в конечном итоге стали приводить к демографическим изменениям – оттоку сербского населения – ввиду их притеснения и роста преступности в крае. В частности, исследователь, доктор политических наук, профессор Е.Г. Пономарева утверждает, что отток населения из края стал компенсироваться албанцами (начавшими в большом количестве въезжать на территорию Косово), среди которых присутствуют радикалы – остатки боевых ячеек Армии освобождения

⁸ Serbia, Kosovo Leaders' first meeting marred by disagreement // Balkan Insight. URL: <https://balkaninsight.com/2021/06/15/serbia-kosovo-leaders-first-meeting-marred-by-disagreement/bi/> (дата обращения: 23.02.2026).

⁹ «Премьер» Косово: «Союз сербских муниципалитетов противоречит нашей Конституции» // Балкансит. URL: <https://balkanist.ru/news/premer-kosovo-soyuz-serbskih-munitsipalitetov-protivorechit-nashej-konstitutsii/> (дата обращения: 24.02.2026).

Косово (ОАК) – и криминальные группировки. Это несет в себе угрозу для славян региона из-за стремления радикальных албанцев к реваншизму за события 1990-х и 2000-х гг. [Пономарева 2018].

Констатируем, что к началу 2022 г. стороны конфликта зашли в тупик, а переговорный процесс, который в последний раз был инициирован при содействии Вашингтона в период президентства Дж. Байдена. Также вновь отметим, что приход к власти Альбина Курти и нежелание косовских властей выполнять договоренности о формировании ССМ указывали на неминуемую эскалацию конфликта между Косово и Сербией, где ключевым фактором усиления противоборства послужили вопросы об автономии сербских муниципалитетов.

С этого времени мы фиксируем начало контролируемой эскалации конфликта в условиях, когда обе стороны зашли в тупик в ходе переговорного процесса. Ранее в публикации «Военно-политическая операция США на балканском треке как угроза российско-сербским межгосударственным отношениям» мы отметили только первый и второй этапы контролируемой эскалации косово-сербского конфликта. Здесь стоит повториться: он был реализован через Альбина Курти и начался с введения существенных ограничений – не пропускали автомобили на территорию Косово, если они не соответствовали стандартам края [Спасов 2023, с. 5201]. На первом этапе предполагалось выполнить следующую задачу: обязать водителей менять автомобильные номера на косовский образец с символикой края при проезде через КПП между Косово и Сербией. В результате произошел разрыв логистических цепочек и поставок необходимой продукции, в том числе медикаментов, которые ввозились из Сербии. В частности, пострадал транзит из Рашки – сербского города, откуда регулярно поступают грузы с хлебом, молоком и лекарствами (основными товарами для жизнеобеспечения населения в сербских муниципалитетах) [Спасов 2023, с. 5202].

В ответ на подобную провокацию в сербских муниципалитетах прошла волна протестов, в результате чего сербы покинули административные должности в органах местного самоуправления, парламенте и судах. Предполагаем, что власти Косово, реализуя первый этап в рамках контролируемой эскалации конфликта, учитывали протестные действия, начавшиеся в сербских муниципалитетах. Более того, можно предположить, что политическим руководством ставилась следующая цель: вызвать ответную реакцию в сербских муниципалитетах, которая приведет к добровольному уходу сербов с важных государственных должностей. Провокация по транспортной блокаде муниципалитетов, возникшая из-за реализации закона

о номерных знаках, не имела высоких рисков перехода к открытому противоборству сторон, поскольку напрямую не затрагивала вопросы автономии муниципалитетов, но вместе с тем создавала серьезные трудности, вызванные перебоями с поставками продуктов и медикаментов.

В результате следующим важным действием (второй этап) в рамках стратегии контролируемой эскалации стало объявление о проведении внеочередных выборов в сербских муниципалитетах¹⁰, что, в отличие от первого этапа, уже напрямую влияло на будущее сербов данных территориальных образований. Именно поэтому последовала серьезная ответная реакция – массовые протесты (были возведены баррикады на пограничных пунктах и сформированы дружины, готовые отстаивать интересы сербов).

Проведение досрочных выборов сопровождалось нападениями на избирательные участки и демонстрациями. Силую поддержку политическому руководству Косово в вопросах организации и проведения выборов оказывали KFOR (Kosovo Force; в официальных документах ООН на русском языке именуется СДК – «Силы для Косово») [Спасов 2023, с. 5205]. Затем последовала вторая ответная реакция, в этот раз со стороны Сербии, – они подтянули вооружение к пограничным пунктам и направили запрос руководству развернутых миссий в Косово¹¹ о возможности размещения до 1000 сотрудников сил безопасности в муниципалитетах с целью защиты границ. Данное право прямо предусмотрено пунктом 6 Приложения 2 к Резолюции СБ ООН 1244¹², который допускает присутствие сербского персонала для связи с международной гражданской миссией и международным присутствием по безопасности. Однако на данный запрос был получен отказ¹³. Можно отметить, что реакция миссий, размещенных в Косово, а также

¹⁰ «О “выборах” на севере Косово» // Фонд Горчакова. URL https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/o_vyborakh_na_severe_kosovo_62436 (дата обращения: 25.02.2026).

¹¹ Serbia requests that international law be respected // The government of the Republic of Serbia in the service of citizens. URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/en/199483/serbia-requests-that-international-law-be-respected.php> (дата обращения: 24.02.2026).

¹² Резолюция 1244 (1999), принятая Советом Безопасности на его 4011-м заседании 10 июня 1999 г. // Сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1244\(1999\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1244(1999)) (дата обращения: 24.02.2026).

¹³ KFOR: It is important to refrain from provocations and seek solutions through dialogue // European Western Balkans. URL: <https://european-westernbalkans.com/2023/01/29/kfor-it-is-important-to-refrain-from->

действия KFOR указывают на их непосредственное участие в стратегии контролируемой эскалации, направленной на постепенное установление контроля в сербских муниципалитетах.

В апреле 2023 г. в четырех сербских муниципалитетах (Северная Косовска-Митровица, Звечан, Зубин-Поток и Лепосавич) прошли выборы. Явка составила всего 3,47%: проголосовали 1566 албанцев и лишь 13 сербов (при общем числе зарегистрированных избирателей 45 095). Сложившаяся ситуация прямо указывает на бойкотирование выборов сербским населением.

К слову, у США и ЕС возникли определенные разногласия в оценке выборов. Вашингтон согласился с результатами голосования и признал их законными. ЕС также признал соответствие выборов правовой базе Косово, однако занял более критическую позицию, подчеркнув, что такая низкая явка не обеспечивает устойчивого представительства [Спасов 2023, с. 5203].

В июне 2023 г., после нескольких раундов переговоров между Косово и Сербией при посредничестве США и ЕС, был найден выход из сложившейся ситуации – проведение новых выборов [Спасов 2023, с. 5203]. Можно предположить, что согласование позиций США и ЕС в вопросе выборов стало результатом усилий Европейского союза, который стремится содействовать диалогу в косово-сербском конфликте. В результате появился франко-немецкий план по урегулированию, включающий 11 пунктов¹⁴. Стоит подчеркнуть, что в этом плане не прописывались позиции сторон в отношении создания Сообщества сербских муниципалитетов (ССМ), однако было указано: «Обе стороны подтверждают свои обязательства по выполнению всех предыдущих договоренностей». Вероятно, это и должно подразумевать совместную работу по вопросу ССМ. Также благодаря содействию Вашингтона и Брюсселя в последующем был урегулирован спор о номерных знаках: Приштина обязалась прекратить принудительную перерегистрацию машин с сербскими номерами, а Белград – выдачу новых номеров с аббревиатурами косовских городов [Соколова 2023, с. 173].

provocations-and-seek-solutions-through-dialogue/#:~:text=On%2016%20December,%20Serbian%20President,Kosovo,%20KFOR%20officials%20stated (дата обращения: 24.02.2026).

¹⁴ Belgrade-Pristina Dialogue: Agreement on the path to normalisation between Kosovo and Serbia // The Diplomatic Service of the European Union. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/belgrade-pristina-dialogue-agreement-path-normalisation-between-kosovo-and-serbia_en (дата обращения: 26.02.2026).

Итак, как отмечалось ранее, первый и второй этапы контролируемой эскалации включают в себя: 1) провокацию с транспортной блокадой сербских муниципалитетов; 2) проведение выборов в сербских муниципалитетах под защитой KFOR и при информационном обеспечении Вашингтона (признание результатов голосования, несмотря на низкую явку (до согласования позиции с ЕС)). Второй этап также включает смягчение позиции США (которая больше не шла вразрез с мнением ЕС о неприемлемости результатов выборов) и активное участие Евросоюза в вопросах налаживания диалога между Косово и Сербией (подписание франко-немецкого соглашения). Таким образом, фиксируется быстрая эскалация с последующими попытками деэскалации на фоне уже достигнутого результата – установления контроля косовских властей в 4 сербских муниципалитетах.

Третий этап, направленный вновь на эскалацию конфликта, начал реализовываться в 2024 г., что позволило укрепить позиции косоваров в сербских муниципалитетах. Так, в конце августа 2024 г., после того как косовская полиция закрыла несколько сербских учреждений на севере, здания муниципалитетов были заблокированы и окружены косовской полицией, затем со зданий были сняты сербские таблички. На мосту в Косовской Митровице, разделяющем город на сербскую и албанскую части, было усилено присутствие KFOR – они разместили бронетехнику, снабженную средствами для разгона сербских демонстрантов. В заявлении миссии KFOR от 30 августа 2024 г. говорилось, что дополнительные силы, включая бронетехнику со специальным снаряжением, были временно развернуты на мосту для проведения плановых учений по тестированию процедур и поддержанию оперативных стандартов¹⁵.

Помимо сербских административных зданий, взятых под контроль косоварами, в августе и сентябре 2024 г. рейды также прошли в Клинико-больничном центре в Косовской Митровице, здании пенсионного фонда, Канцелярии по Косово и Метохии, Косовско-Митровском управляющем округе и Центре по социальной работе¹⁶. Таким образом, из сербских структур, функционирующих на тер-

¹⁵ KFOR: Zusätzliche temporäre Mittel auf der Ibri-Brücke für Trainingszwecke // Bota sot news. URL: https://botasot.co/de/kfor-mjete-te-perkohshme-shtese-ne-uren-e-ibrit-per-qellime-trajnimi/?__cf_chl_rt_tk=yvJCEkKV6nSBjJj5g2GLQBpB24yh_1mK03ABBW.szg-1773660986-1.0.1.1-wdGDNVccbuPj93LXdZt3ENA76meK1XhPyvJGV4oyiLw (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁶ Deseti dan blokade srpskih institucija na severu Kosova // Kosovo online. URL: <https://www.kosovo-online.com/vesti/politika/deseti-dan-blokade-srpskih-institucija-na-severu-kosova-8-9-2024> (дата обращения: 25.02.2026).

ритории сербских муниципалитетов, остались только образование и медицина. Более того, в течение 2024 г. албанские власти начали менять дорожные указательные знаки на кириллице в Звечане (одном из четырех сербских муниципалитетов на севере Косово), что фактически стало продолжением политики провокации косовской власти. Как отметил глава Почты Сербии Зоран Анджелкович: «Вопрос заключается не в том, кому мешают указатели на кириллице, а в том, кому мешает сербский народ в Косово и Метохии. И у нас есть ответ. Режиму Курти мешает все христианское в Косово и все, что является сербским»¹⁷.

Любопытна реакция представителей ЕС и США на провокационные действия косоваров в сербских муниципалитетах – они заявили о том, что не были поставлены в известность о фактическом захвате административных зданий косовской властью^{18,19}. Данные заявления противоречат логике происходящего, поскольку силы KFOR (НАТО) и сотрудники миссии EULEX (ЕС) были замечены в участии в захвате административных зданий²⁰. В это связи стоит привести слова профессора, экс-министр Сербии по делам Косова и Метохии (2007–2008 гг.) Слободан Самарджич, отметившего, что EULEX сегодня никак не реагирует на провокации косоваров и не препятствует деятельности «косовской полиции» в сербских муниципалитетах. Фактически миссия ЕС только наблюдает за террором сербского населения. Главная задача EULEX – помощь албанцам в упрочнении власти в Косово.

¹⁷ Anđelković: Kurti čini sve kako bi sprečio jedinstvo Srba na severu Kosova i Metohije // Танjug. URL: <https://www.tanjug.rs/srbija/politika/184510/andelkovic-kurti-cini-sve-kako-bi-sprecio-jedinstvo-srba-na-severu-kosova-i-metohije/vest#:~:text=BEOGRAD%20%2D%20Direktor%20%22Pošte%20Srbije%22%20Zoran%20Anđelković,Metohiji%2C%20a%20kako%20bi%20oni%20ponovo%20preuzeli> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁸ Protest from US after Kosovo closes Serbian offices // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/aug/31/protest-from-us-after-kosovo-closes-serbian-offices> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹ Mbyllja e zyrave të mirëqenies së Serbisë në Kosovë, reagon ambasada amerikane: Veprime të pakoordinuara, rrezikojnë të ardhmen e Kosovës në Evropë // indeksonline. URL: <https://indeksonline.net/mbyllja-e-zyrave-te-mireqenies-se-serbise-ne-kosove-reagon-ambasada-amerikane-veprime-te-pakoordinuara-rrezikojne-te-ardhmen-e-kosoves-ne-evrope-25/> (дата обращения: 28.02.2026).

²⁰ The Kosovo police have raided the buildings of the Provisional Authorities in four municipalities in the north // Kosovo online. URL: <https://www.kosovo-online.com/en/news/politics/kosovo-police-have-raided-buildings-provisional-authorities-four-municipalities-north> (дата обращения: 28.02.2026).

Можно констатировать, что насилие, направленное на сербов, проживающих на территории Косово, создание гуманитарного кризиса, нарушение прав человека – важные составляющие в стратегии контролируемой эскалации косово-сербского конфликта. Тактика, применяемая косовскими властями, включает в себя цепочку провокаций (начавшихся в середине 2022 г.), которые разграничены между собой временными паузами для корректировки действий. Следующая провокация воспринимается в отрыве от предыдущей – таким образом, у сербов не возникает ощущения постоянного косовского военно-политического давления. Стратегия контролируемой эскалации может привести к медленной экспансии без ощутимых последствий для Приштины.

Контролируемая эскалация конфликта не привела к должным результатам для Приштины. Позиция Брюсселя осталось неизменной – нужно проводить выборы в сербских муниципалитетах, в том числе в тех, где уже была установлена косовская власть. Отказ Приштины мог привести к снижению дипломатических контактов между с ЕС. Сначала согласившись с позицией Брюсселя, косовары в условиях установления военно-политического контроля предприняли попытки минимизировать риски проигрыша на предстоящих выборах, направленные на: 1) запрет партии «Сербский список»; 2) запрет на присутствие наблюдателей от партии «Сербский список» в избирательной комиссии²¹. Однако вопреки их действиям в преддверии новых выборов результат для Приштины стали провальными – апелляционная панель (ЕСАР) отменила запрет участия «Сербский список», признав решение ЦИК юридически необоснованным²². В результате во всех десяти сербских муниципалитетах одержал победу «Сербский список». И самое важное заключалось в том, что удалось вернуть контроль над четырьмя муниципалитетами, где ранее победили албанские политические силы: в Северной Митровице, Звечане, Лепосавиче и Зубин-Потоке²³.

²¹ Belgrade-Backed Kosovo Serb party barred from running in october's local polls // Balkan Insight. URL: <https://balkaninsight.com/2025/08/21/belgrade-backed-kosovo-serb-party-barred-from-running-in-octobers-local-polls/bi/> (дата обращения: 28.02.2026).

²² CEC ban on Serb List overturned by appeals body // European Western Balkans. URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2025/08/25/cec-ban-on-serb-list-overturned-by-appeals-body/> (дата обращения: 28.02.2026).

²³ Srpska lista: Osvojili smo svih 10 mandata; Kurti proglasio pobedu na izborima na KiM // PTC. URL: <https://www.rts.rs/lat/vesti/politika/5857464/kosovo-i-metohija-izbori-rezultati.html> (дата обращения: 28.02.2026).

Можно заключить, что контролируемая эскалация конфликта, предпринятая косовской властью в 2022 г. и направленная на установление военно-политического контроля в сербских муниципалитетах, особенность которой заключалась в том, что спланированные провокации не встречали серьезного сопротивления сербов (не было вооруженного противостояния), в конечном итоге не привела к значимым результатам – закреплению политического руководства Косово в данных муниципалитетах. Прежде всего стоит отметить позицию ЕС, направленную на гармонизацию косово-сербских отношений. В этом смысле Брюсселю приходится лавировать между позицией США, НАТО и странами-членами ЕС (находящимися на Балканах), для которых риски возникновения открытого противостояния могут обернуться серьезными социально-экономическими последствиями. Также можно предположить, что на современном этапе косовской властью была взята оперативная пауза – ранее она наблюдалась после транспортной блокады и после установления политического контроля над четырьмя сербскими муниципалитетами.

Уникальность контролируемой эскалации заключается в том, что она позволяла (до проведения выборов в конце 2025 г. в сербских муниципалитетах) в кратчайшие сроки и без серьезного сопротивления достичь установления политического (победа в четырех муниципалитетах) и военного (участие KFOR) контроля. Контролируемая эскалация позволила апробировать новые подходы оказания военно-политического давления (участие KFOR, транспортная блокада, проведение выборов на фоне протестов, установление временного политического контроля в четырех сербских муниципалитетах) в рамках данного противостояния. Считаем, что контролируемая эскалация конфликта будет продолжена после внесения корректировок с целью минимизации риска вмешательства ЕС (или с учетом ожидания смягчения позиции Брюсселя).

Развитие военно-промышленного комплекса и армии в Косово в контексте эскалации косово-сербского конфликта

Теперь стоит обозначить вторую магистральную линию в рамках эскалации косово-сербского конфликта на современном этапе – развитие военно-промышленного комплекса и армии в Косово. Одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед косовскими властями, является реформирование местных сил безопас-

ности, что фактически предполагает создание полноценной бое-способной армии. Однако правовые документы Косово содержат в себе один важный нюанс: решение о создании регулярной армии должно быть одобрено 2/3 голосов представителей национальных меньшинств (включая сербов). В правительстве не инициировалось обсуждение данного вопроса, так как косовские сербы отрицали бы на него отрицательно²⁴. Но Приштина фактически обошла законодательство и предложило трансформировать уже имеющиеся силы, не обладающие необходимым вооружением и численностью для статуса армии, обозначив цель – построение регулярной армии, включающей 5000 солдат в активном составе и 3000 в резерве к 2028 г.²⁵

Сегодня активное содействие в вопросах построения армии Косово оказывают США и Великобритания, поставляя в край оружие²⁶. В частности в 2024 г. были одобрены поставки Javelin на сумму 75\$ млн²⁷. Сербия сделала в этой связи ответный шаг, заявив о намерении потратить около 740 млн евро на закупку военной техники²⁸.

Для понимания масштабов модернизации вооруженных сил Косово и развития военно-промышленного комплекса, обозначим несколько ключевых событий:

1. Вооруженные силы в Косово в последние несколько лет активно сотрудничают с Великобританией, США, Албанией и Тур-

²⁴ США благословили Косово на создание полноценной армии // Звезда. 18.12.2018. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/201812171129-gtWWa.html> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁵ KSF with concrete steps, how the plan for the transformation of the Kosovo army is being implemented // BalkanWeb. URL: <https://www.balkanweb.com/en/FSK--here-are-the-concrete-steps-on-how-the-plan-for-the-transformation-of-the-Kosovo-Army-is-being-implemented/#::~text=The%20process%20of%20transforming%20the%20KSF%20into%20an%20army%20began,in%20Kosovo%20from%20the%20US> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁶ Британия поддержала власти Косова в вопросе формирования армии // RT News. URL: <https://russian.rt.com/world/news/600498-britaniya-kosovo-armiya> (дата обращения: 02.03.2026).

²⁷ США сделали резкий противотанковый ход // Коммерсантъ. 15.01.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6453326> (дата обращения: 02.03.2026).

²⁸ Балканские маневры: США решили вооружить Косово // Известия. URL: <https://iz.ru/1634630/ksenii-a-loginova/balkanskije-manevry-sshah-reshili-vooruzhit-kosovo> (дата обращения: 02.03.2026).

цией. Турция также активно вооружает незаконные формирования, в том числе «байрактарами», и обучает пилотов²⁹.

2. Германия увеличила воинский контингент в Косово в 2024 г. рамках KFOR, тем самым общая численность немецкого состава достигла 300 солдат. Их предназначение: осуществлять патрулирование, выполнять задачи по обеспечению безопасности и борьбе с беспорядками и протестами³⁰. В этом же году Великобритания направила 300 солдат для проведения серии учебных мероприятий вместе с другими солдатами KFOR³¹.

3. Военный бюджет Косово существенно увеличивается с каждым годом, что указывает на активную милитаризацию. Так, на оборону в 2023 г. было заложено 133,19 млн долларов США, что на 23,78% больше, чем в 2022 г. Для сравнения с предыдущими годами: Военные расходы/бюджет обороны Косово на 2022 год составил 107,60 млн долларов США, на 2021 г. траты составили 79,61 млн долларов США, что на 0,82% больше, чем в 2020 г. (тогда траты достигли 78,97 млн долларов США, что на 20,18% больше, чем в 2019 г.) (рис. 1).

4. На территории Косово, в районе Джаковицы, в ноябре 2024 г. прошли учения «косовских сил безопасности» (КБС). За учениями наблюдали «премьер-министр» Альбин Курти и «президент» Вьоса Османи, заявившая, что в ходе учений члены КБС «проявили ловкость и смелость»³².

5. В январе 2025 г. прошли «Зимние учения – 2025» (Winter EX 2025) в турецком городе Карс. Активное участие в военных учениях

²⁹ Турция передала Косово беспилотники Bayraktar TB2 // AA. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/турция-передала-косово-беспилотники-bayraktar-tb2/2947099> (дата обращения: 02.03.2026).

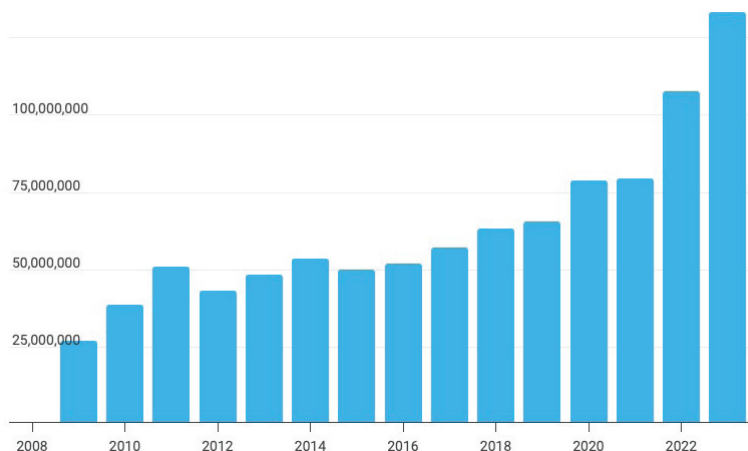
³⁰ Германия увеличит количество солдат в Косово в рамках КФОР // Kossev. URL: <https://kossev.info/ru/nemacka-ce-povecati-broj-vojnika-na-kosovu-u-okviru-kfora/#:~:text=Германия%20увеличит%20количество%20своих%20солдат,вызов%22%2C%20%2D%20сказал%20Улуташ.&text=Скачивание%20и%20публикация%20текстов%20с,уважение%20к%20этике%20журналистской%20профессии> (дата обращения: 02.03.2026).

³¹ Более 300 британских солдат КФОР временно находятся в Косово для плановых учений // Kossev. URL: <https://kossev.info/ru/kosovo-online-najnovije-vesti-preko-300-britanskih-rezervista-kfor-a-sprovodi-rutinsku-vezbu-na-kosovu-do-kraja-oktobra/> (дата обращения: 02.03.2026).

³² В самопровозглашенной республике готовят новую «Армию освобождения Косово» // Балканист. URL: <https://balkanist.ru/news/v-samo-provozglashyonnoj-respublike-gotovyat-novuyu-armiyu-osvobozhdeniya-kosovo/> (дата обращения: 03.03.2026).

принимали косовские силы безопасности согласно установленному рамочному соглашению, подписанному между Анкарой и Приштиной в начале 2024 г. — оно предусматривает расширение совместных тренировок и модернизацию вооруженных сил в Косово³³. Учения велись по следующим направлениям: отработка тактических навыков в зимних условиях, повышение оперативной совместимости с международными партнерами, выполнение задач по высадке десанта с вертолета и поисково-спасательные операции.

6. Производитель дронов в Косово Ридван Алиу в начале 2026 г. объявил о запуске производства боевых БПЛА на территории края. На первом этапе стартовала сборка малых FPV-дронов, в дальнейшем планируется выпуск крупных моделей с размахом крыльев от 5 до 15 м. Заявленная дальность полета составит от 20 до 1000 км³⁴.

*Рис. 1. Расходы бюджета Косово на оборону
в период с 2009 по 2023 г.
(в млн долларов США)*

³³ Kosovo will diversify its defence partnerships // Emerald Insight. URL: <https://www.emerald.com/expert-briefings/article-abstract/doi/10.1108/OXAN-DB292041/1274323/Kosovo-will-diversify-its-defence?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 03.03.2026).

³⁴ Аль-Джу объявляет о производстве четырех типов беспилотников в Косово // Kossev. URL: <https://kossev.info/ru/aljiu-najavljuje-proizvodnju-cetiri-vrste-dronova-na-kosovu-najnovije-vesti/> (дата обращения: 03.03.2026).

В начале 2026 г. запустился проект по созданию совместно с Турцией военного завода. Еще в ноябре 2025 г. премьер-министр Альбин Курти утвердил план по экспроприации земли под строительство в поселке Яхоц (близ города Джяковица). По соглашению с турецкой госкорпорацией МКЕ (*Makine ve Kimya Endüstrisi*) на заводе планируется наладить производство 20 млн патронов в год по стандартам НАТО (калибров $5,56 \times 45$ мм и $7,62 \times 51$ мм)³⁵.

Стоит отметить, что сходная ситуация наблюдается в Боснии и Герцеговине – в стране в течение нескольких лет идет активная милитаризация Мусульмано-хорватского энтитета. Еще в 2024 г. мы отмечали в работе «Стратегия расширения военно-политического влияния НАТО на Балканах» [Спасов 2024], что натовский подход в вопросах регулирования этнополитического конфликта в БиГ предполагает усиление военно-политического давления на Республику Сербскую на современном этапе посредством развития военно-промышленного комплекса. Так, правительство Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ) является собственником или акционером большинства предприятий, которые входят в объединяющую компанию UNIS Group. Долгое время стратегическим партнером боснийского ВПК была американская компания Howell Machine Inc. Сегодня промышленный комплекс ФБиГ при поддержке США обладает широкими возможностями по выпуску продукции военного назначения. Основные предприятия и их специализация включают:

- 1) производство капсулей и детонаторов;
- 2) изготовление взрывателей и капсулей для ракет;
- 3) выпуск патронов для стрелкового оружия (натовский и советский образец);
- 4) производство артиллерийских снарядов, минометных мин, авиабомб и ракет для РСЗО;
- 5) изготовление стрелкового оружия (пистолеты, автоматы для подразделений спецназа);
- 6) производство электронно-оптических прицельных приспособлений;
- 7) выпуск специальных взрывчатых веществ для боеприпасов и ракетного топлива;
- 8) изготовление средств индивидуальной защиты для солдат [Спасов 2024, с. 67].

³⁵ The first “Made in Kosovo” ammunition at the end of 2026 // КОНА. URL: <https://www.koha.net/en/lajmet-e-mbremjes-ktv/municionet-e-paramade-in-kosova-ne-fund-te-2026-s> (дата обращения: 02.03.2026).

Таким образом, можно констатировать, что при поддержке зарубежных партнеров, прежде всего Турции, а также натовских сил, Косово за несколько лет, как показывают данные, приведенные выше, активно милитаризируется. Подобная тенденция не может способствовать нормализации отношений между сербами и косоварами. В этой связи можно привести в качестве примера позицию Сербии по вопросу активной милитаризации Косово. Так, в октябре 2025 г. Вучич выступил с речью, где напрямую говорится о подготовке косоваров к войне: «Мы уже знаем, что будет война, и она будет, я вам говорю, потому что вижу, что происходит и как все готовится. Никто не готовится к переговорам, все только смотрят, кто на чьей стороне будет. Они роют свои окопы и ждут начала»³⁶.

В начале 2026 г. Александр Вучичи распорядился довести резервы боеприпасов, продовольствия и топлива до 100%, мотивируя это подготовкой к возможным региональным и глобальным угрозам³⁷.

Считаем, что милитаризация Косово в будущем может привести к попытке проведения молниеносных военных действий в целях «защиты интересов косоваров». Военное оснащение, которое получит Косово в ближайшие годы, а также помощь с натовскими разведанными (которые могут потенциально предоставляться в полном объеме на этапе подготовки операции), несут в себе серьезную угрозу для сербских муниципалитетов в Косово и для Республики Сербия.

Заключение

На примере разобранный нами косово-сербского конфликта на современном этапе можно подтвердить тезис о том, что этнополитические конфликты крайне сложны по своей природе. В этом

³⁶ Vučić: The world is going to war, the Kosovo authorities would like to win over NATO and the EU against Serbia, but we will not give it to them // Kossev. URL: <https://kossev.info/en/vucic-svet-ide-u-rat-kosovske-vlasti-bi-da-primdobiju-nato-i-eu-protiv-srbije-ali-im-necemo-dati/#:~:text=European%20proposal-,Vučić:%20The%20world%20is%20going%20to%20war,%20the%20Kosovo%20authorities,not%20give%20it%20to%20them&text=The%20Kosovo%20authorities%20expect%20to,speed%20train%20Subotica-Novi%20Sad> (дата обращения: 02.03.2026).

³⁷ Serbia announces military expansion amid warnings of deteriorating global order // Region. URL: <https://www.turkiyetoday.com/region/serbia-announces-military-expansion-amid-warnings-of-deteriorating-global-order-3212447> (дата обращения: 02.03.2026).

смысле можно согласиться с американским специалистом в области этнических и этнополитических конфликтов С. Кофманом, который отмечал: «Групповые мифы, оправдывающие враждебность, страхи перед исчезновением группы и символическая политика мобилизации, а также дилемма межэтнической безопасности стимулируют этнические конфликты» [Kaufman 2006, р. 47]. Данный подход позволяет объяснить, как иррациональные (эмоциональные и символические) аргументы стимулируют эскалацию конфликтов, изначально являющихся спорами по поводу материальных или нематериальных благ и статусов [Grigorian, Kaufman 2007, р. 187]. Однако стоит и дополнить данные тезисы, отметив, что одних лишь мифов и негативных стереотипов недостаточно для возникновения открытого противоборства: подобные образы живут в сознании многих этносов, но редко перерастают в открытую агрессию [Лебедев, Грачев 2024, с. 178]. Развитие конфликта, его эскалация и переход к открытому противоборству зависят от ресурсной базы сторон. Агрессия в таких случаях редко переходит в активную фазу, если у стороны нет территориальной базы и эффективных инструментов осуществления противоборства [Toft 2003].

На примере длительного косово-сербского противоборства мы наблюдали, какие стимулы (зачастую носящие эмоциональный характер) были у албанцев, проживающих в Косово, и у сербов. Данный конфликт указывает на хрупкость установленных договоренностей в этнополитических вопросах, поскольку, например, резкие заявления, включающие в себя вопросы ценностей, с легкостью приводят к ответным действиям другой стороны – например, к наращиванию боевой мощи и переходу к открытой конфронтации (при накоплении необходимых ресурсов).

Можно также отметить ряд эпизодов, подтверждающих всю опасность сложившейся ситуации в крае, в частности в сербских муниципалитетах (данные эпизоды не входят в этапы операции по контролируемой эскалации конфликта). Так, задержание Деяна Пантича, бывшего сотрудника полиции из числа этнических сербов, послужило катализатором протестов, в ходе которых местное население начало возводить баррикады для противодействия силовикам Косово. Ситуация обострилась в канун Рождества 2023 г.: нападение на двух молодых сербов со стороны албанца в южных районах края вызвало новую волну народного негодования [Борисова, Грабевник 2025, с. 15].

В связи с обострением конфликта на современном этапе, что нами было отмечено в рамках контролируемой эскалации и наращивания военной мощи косовскими властями, попробуем подступиться к сложному вопросу – определению направлений

укрепления позиций сербов в сербских муниципалитетах и Сербии. В данном случае мы обозначили три направления:

1. Запустить новый переговорный процесс о реформатировании взаимодействия Косово и Сербии в вопросах урегулирования конфликта, где гарантами реализации поставленных задач выступали бы не только страны-участницы НАТО и ЕС. Данная переговорная рамка позволит сместить фокус в сторону участия мирового сообщества в урегулировании данного конфликта. Конечно, сложно представить успех данной кампании, но в информационном пространстве сербы во всяком случае вновь смогут заявить о том, что они придерживаются мирных решений и готовы для этого привлечь разных международных игроков. Активно задействованы в урегулировании конфликта могут быть, например, страны-члены БРИКС.

2. Возобновить переговорный процесс по треку создания Сообщества сербских муниципалитетов с представителями Евросоюза, поскольку невыполнение косоварами пунктов о создании данного сообщества сводит к минимуму возможности достижения договоренностей в будущем: сербы не видят у косовской власти готовности идти на выполнение достигнутых договоренностей. Это должно, с нашей точки зрения, предполагать установление дипломатических контактов через страны ЕС и США (они могут оказать военно-политическое давление на косоваров в вопросах выполнения взятых обязательств).

3. Создание групп быстрого реагирования вблизи границ с Косово на случай очередных провокаций косовских властей, что потенциально может стать начальным этапом косовской военной операции по захвату сербских муниципалитетов. Группы быстрого реагирования должны быть оснащены современным военным оборудованием, иметь беспилотные летательные аппараты разного типа и подготовленных специалистов-операторов, что позволит быстро отреагировать на военную агрессию косоваров (в случае ее выхода за рамки очередной провокации) и минимизировать военные потери.

Литература

- Борисова, Грабевник 2025 – *Борисова Н.В., Грабевник М.В.* Выбор стратегий в косовском конфликте: инструментальная или ценностная рациональность // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19. № 1. С. 10–19.
- Лебедев, Грачев 2024 – *Лебедев С.В., Грачев М.Н.* Рациональные и символические компоненты обоснования этнополитических конфликтов // Вестник РГГУ.

- Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 171–188
- Пономарева 2018 – Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 99–124.
- Соколова 2023 – Соколова П.С. Проблема статуса Косово на современном этапе: нормализация отношений без урегулирования конфликта? // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 167–182.
- Спасов 2023 – Спасов А.А. Военно-политическая операция США на балканском треке как угроза российско-сербским межгосударственным отношениям // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1 (98-1). С. 5199–5208.
- Спасов 2024 – Спасов А.А. Стратегия расширения военно-политического влияния НАТО на Балканах // Информационные войны. 2024. № 4 (72). С. 64–69.
- Grigorian, Kaufman 2007 – Grigorian A., Kaufman S. Correspondence: Hate narratives and ethnic conflict // International Security. Vol. 31. No. 4. P. 180–191.
- Kaufman 2006 – Kaufman S.J. Symbolic politics or rational choice? Testing theories of extreme ethnic violence // International Security. Vol. 30. No. 4. P. 45–86.
- Toft 2003 – Toft M.N. The geography of ethnic violence: Identity, interests, and indivisibility of territory. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 226 p.

References

- Borisova, N.V. and Grabevnik, M.V. (2025), “Choosing strategy in Kosovo conflict: instrumental or value rationality”, *Perm University Herald. Political Science*, vol. 19, no. 1, pp. 10–19.
- Lebedev, S.V. and Grachev, M.N. (2024), “Rational and symbolic components of the ethno-political conflicts justification”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 171–188.
- Ponomareva, E.G. (2018), “The Albanian factor of destabilization of the western Balkans: scenario approach”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 59, no. 2, pp. 99–124.
- Sokolova, P.S. (2023), “The current state of the Kosovo status issue: normalization of relations without conflict resolution?”, *Pathways to Peace and Security*, vol. 64, no. 1, pp. 167–182.
- Spasov, A.A. (2023), “U.S. military-political operation on the Balkan track as a threat to Russian-Serbian inter-state relations”, *Voprosy politologii*, vol. 13, no. 10-1 (98-1), pp. 5199–5208.
- Spasov, A.A. (2024), “Strategy for expanding NATO’s military-political influence in the Balkans”, *Informatsionnye voyny*, vol. 72, no. 4, pp. 64–69.
- Grigorian, A. and Kaufman, S. (2007), “Correspondence: Hate narratives and ethnic conflict”, *International Security*, vol. 31, no. 4, pp. 180–191.

- Kaufman, S.J. (2006), "Symbolic politics or rational choice? Testing theories of extreme ethnic violence", *International Security*, vol. 30, no. 4, pp. 45–86.
- Toft, M.D. (2003), *The geography of ethnic violence: Identity, interests, and indivisibility of territory*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Информация об авторе

Александр А. Спасов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36; s4267@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr A. Spasov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; 36, Stremyanny Line, Moscow, Russia, 117997; s4267@yandex.ru

Отношение стран «Глобального Юга» к России в условиях трансформации мирового порядка (на основании голосования ООН)

Кристина А. Пурен

*Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Москва, Россия; puren2011@mail.ru*

Екатерина С. Чимирис

*Институт Европы РАН, Москва, Россия;
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Москва, Россия, chimiris@gmail.com*

Аннотация. Оценка поддержки России странами мира в условиях трансформации международного порядка приобретает особую актуальность в связи с изменением конфигурации политических и экономических связей, а также выдвижением альтернативной повестки странами «Глобального Юга». Представленное исследование направлено на выявление динамики поддержки России в период с 2014 по 2021 г. и далее после начала специальной военной операции на Украине по 2024 г. В качестве эмпирической базы использованы данные голосования стран «Глобального Юга» на Генеральной Ассамблее ООН по резолюциям, инициированным Россией или связанным с ее позицией.

Методологической основой работы выступает специально разработанный индекс поддержки, позволяющий количественно измерить степень солидарности государств с российскими инициативами. Такой подход позволил выделить четыре группы стран: «низкой поддержки», «поддержки ниже среднего», «поддержки выше среднего» и «высокой поддержки».

Анализ охватил 112 государств Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. Результаты показали неоднородность позиций. Если Сирия, Эритрея, Мали или Боливия стабильно голосуют в поддержку России, то большинство стран Персидского залива, Индия, Китай и Бразилия предпочитают занимать умеренно-нейтральную позицию, совмещая сдержанность в голосовании с практическим развитием двустороннего сотрудничества. Для Африки характерно

сочетание формальной осторожности в ООН с углублением взаимодействия в сфере энергетики, инфраструктуры, образования и добывающих отраслей.

Сравнительный анализ двух временных отрезков (2014–2021 гг. и 2022–2024 гг.) выявил общее снижение формальных показателей поддержки России на Генеральной Ассамблее ООН после начала СВО на Украине. При этом фактические связи зачастую демонстрируют противоположную тенденцию, проявляющуюся в растущей заинтересованности в многосторонних форматах (БРИКС, ШОС, региональные объединения) и стремлении к снижению зависимости от западных институтов. Таким образом, исследование подтверждает, что формальные результаты голосований на Генеральной Ассамблее ООН не полностью отражают реальные внешнеполитические приоритеты стран «Глобального Юга», а ключевым фактором остается их прагматический интерес к многополярному миру и альтернативным моделям глобального развития.

Ключевые слова: Россия, многополярность, миропорядок, Глобальный Юг, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка, Азиатско-Тихоокеанский регион, ООН, глобальное большинство, украинский кризис

Для цитирования: Пурен К.А., Чимириц Е.С. Отношение стран «Глобального Юга» к России в условиях трансформации мирового порядка (на основании голосования ООН) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 133–152. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-133-152

The attitude of the countries of the “Global South” towards Russia (based on the UN vote) in the context of the transformation of the world order

Christina A. Puren

*Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development
of the Russian Federation, Moscow, Russia, puren2011@mail.ru*

Ekaterina S. Chimiris

*Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development
of the Russian Federation, Moscow, Russia, chimiris@gmail.com*

Abstract. The assessment of global support for Russia amid the transformation of the international order has acquired relevance due to the changing configuration of political and economic ties, as well as the emergence of an alternative agenda promoted by the countries of the “Global South”. This study

is aimed at identifying the dynamics of support for Russia during the period from 2014 to 2021, and further, after the beginning of the special military operation in Ukraine, up to 2024. The empirical basis is formed by the voting data of “Global South” countries in the UN General Assembly on resolutions initiated by Russia or related to its position.

The methodological foundation of the research is a specially developed Support Index, which makes it possible to quantitatively measure the degree of solidarity of states with Russian initiatives. This approach allowed the authors to distinguish four groups of countries: “low support”, “below-average support”, “above-average support”, and “high support”.

The analysis covered 112 states of Africa, Latin America, the Middle East, and the Asia-Pacific region. The results demonstrated heterogeneity of positions. While Syria, Eritrea, Mali, and Bolivia consistently vote in support of Russia, most of the Gulf states, India, China, and Brazil prefer a moderately neutral stance, combining restraint in voting with practical development of bilateral cooperation. African states are generally characterized by a combination of formal caution at the UN with deepening cooperation in energy, infrastructure, education, and extractive industries.

A comparative analysis of the two time periods (2014–2021 and 2022–2024) revealed an overall decline in formal indicators of support for Russia at the UN General Assembly after the start of the military operation in Ukraine. At the same time, actual relations often demonstrate the opposite trend, reflected in growing interest in multilateral formats (BRICS, SCO, regional associations) and efforts to reduce dependence on Western institutions. Thus, the study confirms that formal voting outcomes at the UN General Assembly do not fully reflect the real foreign policy priorities of the “Global South” countries, while their pragmatic interest in a multipolar world and alternative models of global development remains the key factor.

Keywords: Russia, multipolarity, world order, Global South, Middle East, Africa, Latin America, Asia-Pacific region, UN, global majority, Ukrainian crisis, Russia

For citation: Puren, Ch.A. and Chimiris, E.S. (2026), “The attitude of the countries of the “Global South” towards Russia (based on the UN vote) in the context of the transformation of the world order”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 133–152, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-133-152

Введение

Сегодня в мировой политике можно выделить две ключевые противоположные тенденции. С одной стороны, усиливающийся

запрос на трансформацию международного порядка и как следствие переход к многополярности и выстраиванию новых экономических и политических связей. С другой – стремление к фрагментации и попытки ряда западных стран представить Россию в качестве «глобального изгоя». И несмотря на существующую критику ООН и очевидную необходимость ее реформирования, голосование на Генеральной Ассамблее ООН все же остается одним из важных индикаторов позиций государств всего мира по ключевым международным вопросам. В то же время итоги таких голосований не всегда объективны: выбор стран зачастую обусловлен множеством факторов, включая политическую конъюнктуру и экономические интересы.

Объектом данного исследования стали результаты голосования стран «Глобального Юга» по резолюциям ООН, связанным с позицией России. Отметим, что истоки появления термина «Глобальный Юг» относятся к периоду с середины 1980-х до 2000-х гг. и отражают попытку классификации мира с учетом экономического неравенства и географической привязанности [Растольцев 2018]. Однако это не предполагает историческую предопределенность развития этих стран, о чем свидетельствует экономический успех «азиатских тигров». В этой связи термин используется нами в качестве инструмента для классификации стран, но не несет в себе экономического содержания.

Обсуждению параметров, которые могут быть использованы для определения отношения стран «Глобального Юга» к России, и их дальнейшей интерпретации посвящена эта статья.

Обзор литературы

В рамках данного исследования авторы выделяют две группы работ: в широком смысле – исследования, посвященные трансформации мирового порядка, в более узком – труды, рассматривающие ООН как институт глобального управления.

Рост числа публикаций по теме трансформации мирового порядка в отечественной литературе стал особенно заметен после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине. Однако статьи на эту тему можно встретить и до 2022 г.: Д.Б. Рюриков [Рюриков 2013], М.В. Солянова [Солянова 2016], В.Г. Барановский [Барановский 2017], А.И. Никитин [Никитин 2018] и др. Исследователи рассматривают теоретико-понятийный аппарат, используемый для определения мирового порядка, историческую ретроспективу международной политической системы и оценивают

сценарии ее будущего развития. Критическим моментом в обострении отношений между Россией и странами Запада до 2022 г. является «Крымский прецедент», в то время как в работах после 2022 г. в качестве критической точки обозначается начало СВО на Украине. Фактически, переход конфликта между Россией и Украиной в новую фазу, а также масштабное развертывание санкционной политики против России в 2022 г. можно считать моментом, с которого начинается отсчет формирования новой системы международных отношений.

Так, А.А. Дынкин пишет, что новый мировой порядок как правило возникал после завершения большой войны, а местом, где он создавался, обычно была Европа [Дынкин 2024]. Т.А. Шаклеина рассматривает конфликт 2022 г. как отправную точку финального этапа борьбы США за сохранение своего доминирующего влияния [Шаклеина 2022]. При этом она обращает внимание на то, что «Соединенные Штаты продолжают усилия по превращению ООН в мировое правительство под своим контролем, что не позволяет решить проблему войны и мира, снижает престиж ООН и организаций, входящих в систему ООН». А.В. Фененко, анализируя модификацию Вестфальской системы, выделяет два конкурирующих проекта мирового порядка: американский, основанный на гегемонизме, и китайско-российский, ориентированный на баланс сил [Фененко 2023].

ООН также становится объектом научных исследований. Так, Е.А. Маслова и Г.Н. Иванов анализируют политику Италии на Генеральной ассамблее ООН, отмечая, что яркой чертой итальянской политики остается способность «корректировать свою позицию и голосовать солидарно с остальными европейскими странами ради достижения максимально возможного консенсуса». В то же время важной предстает мысль авторов о том, что Италия как «средняя держава» рассматривает многосторонние институты с точки зрения ключевого инструмента реализации своих национальных интересов [Маслова, Иванов 2024].

Р. Кампоза, Дж. Эстефания-Флорес, Д. Фурсери, Я. Тимини на основании голосования по резолюции Генассамблеи ООН о приостановке участия России в Совете ООН по правам человека от 7 апреля 2022 г. классифицировали страны мира как принадлежащие к одному из трех блоков – западному (те, кто голосовал «за»), восточному (те, кто голосовал «против») или нейтральному (те, кто воздержался или не участвовал) (Campos et al. 2023).

Система координат мировой реакции на украинский кризис в Африканском регионе была предложена исследовательской группой ИМИ МГИМО МИД России в работе “Africa and the

Ukraine Crisis: Exploring Attitude” (Safranchuk et al. 2023). Авторы разделили африканские страны в зависимости от их реакции на украинский кризис на пять групп: непримиримая антироссийская позиция, умеренная антироссийская позиция, нейтральные, сочувствующие России и решительные сторонники России.

Таким образом, стоит отметить, что классификация стран по голосованию в ООН используется в качестве инструмента анализа и возможного прогноза развития международных отношений. Новизна исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, заключаются, во-первых, в более широком охвате стран – рассмотрены все страны «Глобального Юга», а во-вторых, в применении сравнительного подхода голосований в течение двух временных периодов.

Методология

Авторы данной статьи предлагает масштабировать регион исследования до стран «Глобального Юга», который включает страны Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Последующее разделение стран на макрорегионы даст возможность их сравнения и классификации по группам «низкой поддержки», «поддержки ниже среднего», «поддержки выше среднего» и «высокой поддержки». Уточним, что «поддержка выше среднего» подразумевает, что после начала СВО на Украине, государство-член ООН поддержало российскую позицию, в то время как раньше уровень поддержки был ниже.

В рамках данного исследования была проанализирована поддержка России 112 странами Африканского континента, Латинской Америки, Ближневосточного и Азиатского регионов на основании голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН. Для сравнения было выбрано два периода:

- «первый период» – с 2014 г. («Крымский прецедент») по декабрь 2021 г. (до начала специальной военной операции на Украине)¹;

¹ Резолюции: A/RES/68/262 (2014), A/RES/71/205 (2016), A/RES/72/190 (2017), A/RES/73/194 (2018), A/RES/74/17 (2019), A/RES/75/29 (2020), A/RES/76/70 (2021), A/RES/73/263 (2018), A/RES/74/168 (2019), A/RES/75/192 (2020), A/RES/69/160 (2014), A/RES/70/139 (2015), A/RES/71/179 (2016), A/RES/72/156 (2017), A/RES/73/157 (2018), A/RES/74/136 (2019), A/RES/75/169 (2020), A/RES/76/149 (2021).

– «второй период» – с февраля 2022 г. (начало специальной военной операции на Украине) по 2024 г.²

Выбор резолюций был обусловлен несколькими факторами: 1) резолюция могла быть предложена Россией; 2) резолюция касалась политики и положения России в мире, в частности украинского конфликта.

При подсчете баллов поддержка российской позиции учитывалась в 5 баллов, воздержание – в 2 балла, отсутствие голоса – в 1 балл. Максимальное количество баллов, которое можно было набрать за период: «2014 г. – декабрь 2021 г.» составило – 90 баллов, «февраль 2022 г. – 2024 г.» – 45 баллов.

Результаты исследования

В результате анализа данных о голосовании стран Глобального Юга на Генеральной Ассамблее ООН в отношении резолюций, связанных с Россией, были получены показатели, которые позволили сравнить степень поддержки в период с 2014 по 2021 г. и в период после 2022 по 2024 г. Результаты представлены в виде моделей.

Ближний Восток

На Ближнем Востоке было проанализировано 14 стран³. В отношении поддержки российской позиции на международной арене со стороны стран Ближнего Востока наблюдается неоднородная картина. На протяжении двух периодов голосования на Генеральной Ассамблее ООН Турция и Израиль демонстрируют устойчиво низкий уровень поддержки. Сирия остается единственной страной региона, которая неизменно поддерживает российскую позицию на 100% в обоих периодах (рис. 1). Это подтверждает глубокие союзнические связи и совпадение внешнеполитических интересов в период президентства Башара Асада. Однако, в условиях прихода к власти нового правительства ситуация может измениться.

² Резолюции: A/RES/ES-11/1 (2022), A/RES/ES-11/2 (2022), A/RES/ES-11/3 (2022), A/RES/ES-11/4 (2022), A/RES/ES-11/5 (2022), A/RES/ES-11/6 (2022), A/RES/77/204 (2022), A/RES/78/190 (2023), A/RES/78/316 (2024).

³ Турция, Саудовская Аравия, Израиль, ОАЭ, Кувейт, Иордания, Ирак, Ливан, Йемен, Оман, Катар, Бахрейн, Иран и Сирия.

Значительное число стран региона, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт, занимает нейтральную позицию по многим вопросам, находясь тем самым в группе поддержки «ниже среднего». Например, уровень поддержки Саудовской Аравии до 2021 г. составлял 62%, но после начала СВО показатель снизился до 36%. ОАЭ и Кувейт демонстрируют схожую динамику (63 и 64% за первый период и 36 и 31% – за второй соответственно).

Экономическое взаимодействие России с большинством стран Ближнего Востока носит преимущественно прагматичный характер и охватывает энергетику, нефтегазовый сектор, инфраструктуру и сферу высоких технологий. Турция и Иран реализуют с Россией проекты в области атомной энергетики (АЭС «Аккую» и Бушерская АЭС), страны Персидского залива развивают сотрудничество в нефтегазовой сфере, Саудовская Аравия и Россия координируют позиции в рамках ОПЕК+. В Сирии взаимодействие опирается на готовность России оказывать стране содействие по восстановлению после конфликта.

Подобные проекты формируют устойчивый практический фундамент двусторонних отношений, однако их наличие не всегда приводит к высокой поддержке российской позиции на Генеральной Ассамблее ООН. Это отражает стратегию балансирования, когда государства региона стремятся минимизировать внешнеполитические риски, сохраняя нейтралитет в международных институтах при параллельном развитии экономических связей с Москвой.

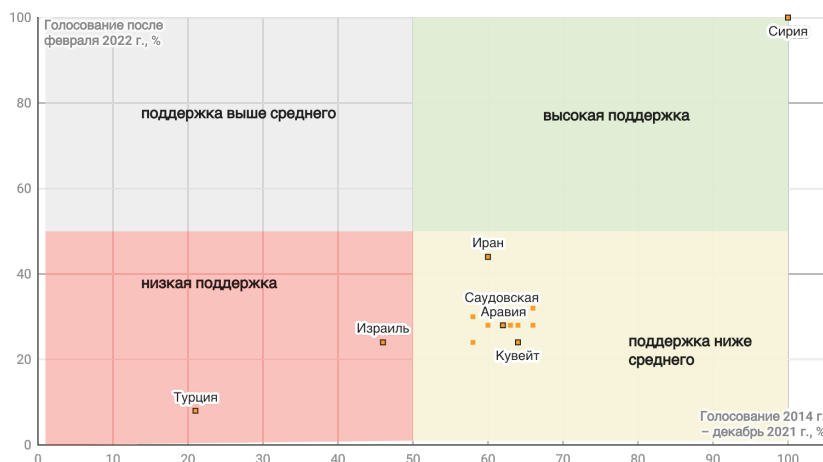

Рис. 1. Ранжирование стран Ближнего Востока по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН

Источник: рассчитано авторами исследования на основании данных цифровой библиотеки ООН

Африканский континент

В Африке были проанализированы 54 государства⁴. Позиция России находит поддержку ряда стран Африканского континента, среди них – Эритрея, Мали, ЦАР, Эфиопия, Бурунди, Алжир, Мозамбик, Намибия. В цели данного исследования не входила оценка экономических и политических причин сохранения поддержки России со стороны стран Африки, однако, в целом стоит отметить, что позиция России в качестве одного из лидеров для новой повестки стран «Глобального Юга» дает позитивные результаты (рис. 2).

Наблюдается рост экономических интересов России в ряде африканских государств посредством расширения торговли и реализации инфраструктурных проектов в энергетике и добывающем секторе. Ряд африканских стран, бывших раньше колониями Франции, пересматривают свое постколониальное положение. В частности, Мали, Нигер, Буркина-Фасо стремятся к диверсификации партнеров и наращивают сотрудничество с Россией. Показателен меморандум о сотрудничестве, подписанный в июле 2025 г. между Госкорпорацией «Росатом» и Министерством энергетики Нигера, предусматривающий в том числе возможность строительства АЭС. Этот документ завершает формирование «атомного треугольника» Альянса государств Сахеля: аналогичные договоренности ранее были достигнуты с Мали и Буркина-Фасо.

Выбор Нигера в качестве партнера неслучаен. Страна занимает особое место на мировом рынке урана, обеспечивая около 5% глобальной добычи. На протяжении десятилетий этот ресурс был ключевым фактором внешнего влияния Франции, однако после политических изменений 2023 г. власти стремятся усилить национальный контроль над ресурсами и диверсифицировать международные контакты. В этом контексте сотрудничество с Россией приобретает для Нигера не только энергетическое, но и стратегическое значение.

⁴ Алжир, Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, Камерун, ЦАР, Чад, Коморские острова, Конго, Кот-д'Ивуар, ДР Конго, Джибути, Египет, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Эсватини, Габон, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кения, Лесото, Либереия, Ливия, Мадагаскар, Малави, Мали, Мавритания, Маврикий, Марокко, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сейшельские острова, Сьерра-Леоне, Сомали, Южная Африка, Южный Судан, Судан, Того, Тунис, Уганда, Танзания, Замбия, Зимбабве.

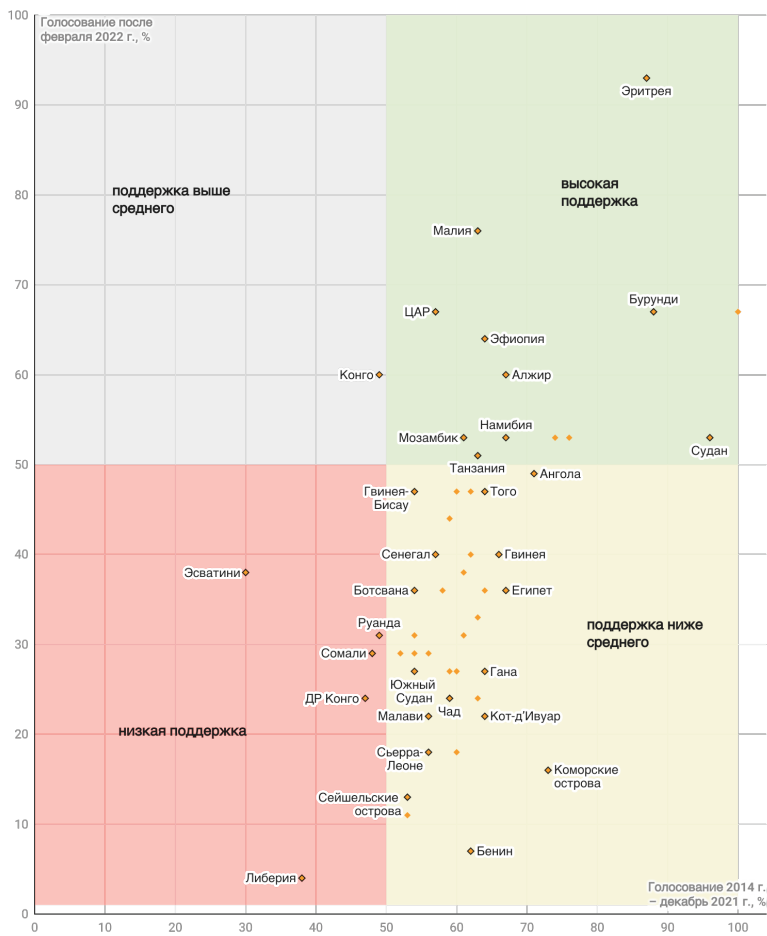

Рис. 2. Ранжирование африканских стран по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН

Источник: рассчитано авторами исследования на основании данных цифровой библиотеки ООН

Аналогичные тенденции прослеживаются и в нефтегазовом и минеральном секторах, например, власти таких стран как ЦАР и Замбия готовы предоставить российским компаниям доступ к добыче ресурсов. Кроме того, в Мали начато строительство золотоперерабатывающего завода мощностью до 200 т в год, что в несколько раз превышает текущий объем официальной добычи в

стране (около 50 т). Участие в строительстве принимает российская компания «Ядран». Предприятие рассматривается как будущий региональный хаб, способный перерабатывать золото не только из Мали, но и соседних стран Сахеля, прежде всего Буркина-Фасо.

Одновременно укрепляется сотрудничество в сфере образования. По данным ЕЭК, за период с 2013/14 по 2023/24 уч. г. число студентов из Африки, обучающихся в России, увеличилось на 356%, при этом наибольший прирост зафиксирован у Египта (+9718%). Также в 2021 г. был создан Российско-африканский сетевой университет, куда вошли 90 российских образовательных учреждений высшего образования и 46 африканских университетов. Таким образом Африка становится регионом, в котором Россия наращивает свое присутствие по целому ряду направлений.

Таким образом, можно сделать вывод о двойственной позиции стран Африки в отношении России. На уровне голосования на Генеральной Ассамблее ООН многие государства занимают формально нейтральную или «сдержанную» позицию, демонстрируя баланс между внешним давлением и необходимостью поддержания многосторонних связей. Однако на практике эта «нейтральность» не препятствует углублению сотрудничества в энергетике, добывающих отраслях, переработке ресурсов и образовании. Это отражает более широкий процесс перехода от постколониальной зависимости к диверсификации партнеров, где Россия воспринимается как контрбаланс западному влиянию и значимый участник в формировании многополярного миропорядка.

Латинская Америка

В регионе Латинской Америки были проанализированы 27 стран⁵. Менее всего изменилась позиция Никарагуа, однако с февраля 2022 г. по настоящее время представители Никарагуа начали воздерживаться по ряду вопросов при голосовании в ООН (100 и 87% соответственно). Высокий уровень поддержки продолжает показывать Боливия (86 и 60%). Наибольший разрыв в показателях до и после 2022 г. демонстрирует Венесуэла – если раньше страна поддерживала Россию по всем вопросам, то после февраля 2022 г.

⁵ Бразилия, Мексика, Перу, Колумбия, Гватемала, Эквадор, Гондурас, Никарагуа, Сент-Люсия, Аргентина, Чили, Коста-Рика, Панама, Уругвай, Доминикана, Гайана, Багамы, Парагвай, Боливия, Белиз, Ямайка, Сент-Китс и Невис, Антигуа и Барбуда, Барбадос, Венесуэла, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины.

показатель упал на 80% (рис. 3). Снижение уровня формальной поддержки России со стороны Венесуэлы во многом связано с усилением влияния США на энергетический сектор страны после 2022 г. На фоне глобального энергетического кризиса и ограничений поставок российской нефти Вашингтон возобновил диалог с Каракасом, частично смягчил санкции и допустил отдельные венесуэльские компании к экспорту углеводородов на западные рынки. Для правительства Николаса Мадуро это стало критическим важным источником валютных поступлений и стимулом демонстрировать большую дипломатическую гибкость. В этих условиях Венесуэла сохранила практическое сотрудничество с Россией, но в рамках голосований на Генассамблее ООН стала занимать более сдержанную позицию, стараясь балансировать между традиционным союзом с Москвой и необходимостью поддерживать каналы взаимодействия с США.

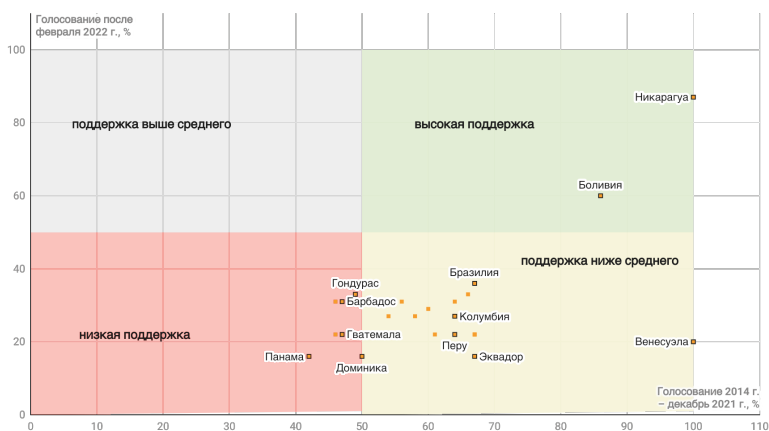

Рис. 3. Ранжирование стран Латинской Америки по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН
Источник: рассчитано авторами исследования
 на основании данных цифровой библиотеки ООН

Отметим, что ситуация в Латинской Америке выглядит более противоречиво. С одной стороны, географическая близость к США и тесные экономические связи с Вашингтоном объективно ограничивают пространство для открытой поддержки России. С другой стороны, есть кейсы, указывающие на сохранение политического и экономического взаимодействия. Наиболее показателен пример Бразилии, которая несмотря на сдержанную позицию в ООН

и стремление сохранять нейтралитет в конфликте, активно развивает взаимодействие в рамках БРИКС, где Россия остается ключевым партнером. Более того, в 2023–2024 гг. президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва неоднократно подчеркивал важность многополярности и необходимость альтернативы доминированию Запада, что косвенно усиливает международные позиции России. Таким образом, в регионе наблюдается тенденция к «ситуативному нейтралитету». Формально государства снижают уровень поддержки на Генеральной Ассамблее ООН, но при этом не исключают Россию из числа стратегических партнеров, особенно в рамках новых многосторонних объединений.

Азиатско-Тихоокеанский регион

В Азиатско-Тихоокеанском регионе были изучены 17 стран⁶. Одним из важнейших партнеров России в Азиатском регионе остается Китай, хотя после февраля 2022 г. его поддержка упала на 26%, он все же остается в зоне стран с высокой поддержкой. До начала специальной военной операции Китай занимал пророссийскую позицию в «украинском вопросе», сейчас же он находится в числе воздерживающихся стран. Для Китая приоритетом остается поддержание благоприятной внешней среды, необходимой для долгосрочного экономического роста и реализации глобальных инициатив, в частности «Один пояс, один путь». В условиях стратегической конкуренции с США Китай стремится не допустить излишней конфронтации, балансируя между сохранением партнерства с Россией и необходимостью поддерживать экономические связи с Западом.

Самая низкая разница в голосованиях по периодам у Вьетнама (–7%), страна на протяжении двух периодов предпочитает воздерживаться по резолюциям, посвященным украинской тематике. В то же время у Камбоджи отмечается самое сильное падение поддержки: –74%. Если ранее Камбоджа поддерживала Россию в «украинском вопросе» более чем на 97%, то теперь показатель поддержки составляет 36%. Похожая ситуация с Филиппинами, где уровень снизился с 84 до 22%.

Сдержанная позиция Вьетнама объясняется его традиционной внешнеполитической стратегией «бамбуковой дипломатии»

⁶ Китай, Индия, Бангладеш, Вьетнам, Малайзия, Монголия, Филиппины, Индонезия, Пакистан, Таиланд, Шри-Ланка, Камбоджа, Афганистан, Непал, Бруней, Лаос, Мальдивы.

(Kim et al. 2024), направленной на балансирование между крупными державами. Ханой стремится не обострять отношения ни с США, ни с Россией, сохраняя в голосованиях на Генассамблее ООН преимущественно нейтралитет. Резкое падение поддержки со стороны Камбоджи связано с ее высокой экономической и политической зависимостью от западных стран, особенно в вопросах торговли и инвестиций. Для правительства в Пномпене критично сохранять доступ к западным рынкам, что ограничивает пространство для открытой поддержки Москвы. Схожим образом ситуация складывается и на Филиппинах: ориентация Манилы на союз с США в сфере безопасности и морской политики в Южно-Китайском море, а также стремление к укреплению оборонного сотрудничества в условиях региональной конкуренции, обусловили резкое снижение поддержки России на международной арене.

Особый случай представляет Индия. Ранее страна голосовала по важным для России вопросам либо «за», либо воздерживаясь, но после февраля 2022 г. воздерживается по всем резолюциям, кроме ежегодной российской инициативы «о борьбе с героизацией нацизма и неонацизма». Такая позиция отражает статус Индии как региональной державы, которая решает собственные стратегические задачи, балансируя между Россией и США, и стремится закрепить роль самостоятельного центра силы в многополярном мире (рис. 4).

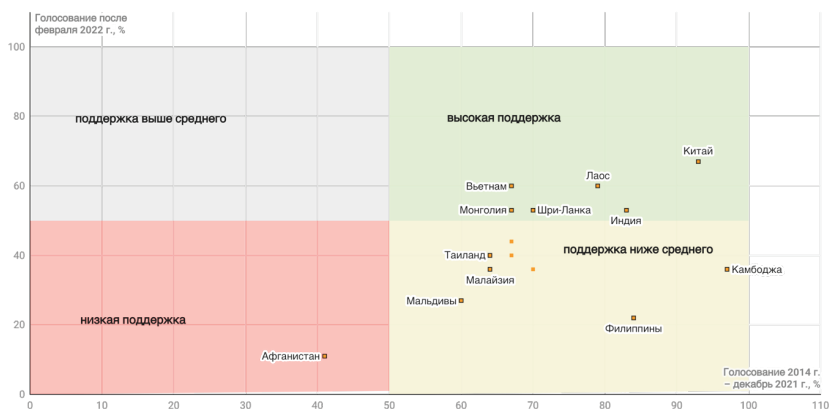

Рис. 4. Ранжирование стран Азиатско-Тихоокеанского региона по группам поддержки на основании данных голосования на Генеральной Ассамблее ООН

Источник: рассчитано автором исследования на основании данных цифровой библиотеки ООН

Дискуссия

Полученные результаты о голосовании стран «Глобального Юга» на площадке Генеральной Ассамблеи ООН говорят о том, что большинство государств мира не готово открыто выступить против западной гегемонии. По этой причине Россию на международной арене явно поддерживают либо страны, которые уже вступили в прямую конфронтацию с «коллективным Западом», например, Сирия, либо те, кто на мировой арене считаются «изгоями», в частности страны третьего мира (Африканский континент).

Авторитет ООН как главной международной организации продолжает снижаться. Многие страны, особенно представители «Глобального Юга», все чаще рассматривают Генеральную Ассамблею не как реальный механизм влияния, а как площадку для демонстрации формальных позиций. Их голосования нередко носят символический характер и не отражают реальные внешнеполитические приоритеты. В частности государства Персидского залива, которые зачастую воздерживаются при голосовании по ключевым резолюциям, на практике продолжают развивать сотрудничество с Россией.

Авторы исследования “Africa and the Ukraine Crisis: Exploring Attitude” справедливо указывают, что африканские государства с низким уровнем военных расходов оказываются более уязвимыми к внешнему политическому давлению со стороны западных стран при голосовании на Генеральной Ассамблее ООН. Добавим, что такая уязвимость обусловлена не только ограниченными оборонными возможностями, но и глубокой экономической зависимостью от Запада.

Многие страны «Глобального Юга» с развивающимися экономиками нуждаются в заемных средствах, поэтому финансовая поддержка МВФ и других институтов становится условием их стабильности, но также ограничивает их суверенитет в принятии внешнеполитических решений. Риск потерять эту финансовую поддержку нередко служит причиной сдержанности в отношениях с Россией. В условиях монополии доллара подобные страны вынуждены учитывать позицию США и их союзников, несмотря на нарастающий запрос на многополярность и независимость.

Для России и ряда стран «Глобального Юга» ключевым становится задача создания альтернативных финансовых структур и переходе к расчетам в национальных валютах. В процессе снижения зависимости от доллара особенно возрастает роль БРИКС, претендующего на место института глобального управления с привлечением к этому стран «Глобального Юга» (Лагутина 2022).

Заметен и отложенный после краха колониального периода рост самодостаточности африканских стран. Так, президент Зимбабве Эммерсон Мнангагва в интервью на полях Петербургского международного экономического форума-2024 отметил, что «Африка – больше не спящий гигант. Она поднимается. Она зарычит, как лев, и маленькие бесхребетные государства испугаются».

Таким образом, на фоне общего снижения формальной поддержки России странами мира на Генеральной Ассамблее ООН и попыток стран Запада представить страну в качестве «изгоя» на мировой арене, Россия сохраняет высокий уровень поддержки ряда крупных и богатых ресурсами стран. При этом анализ динамики голосований до и после 2022 г. показывает, что изменение баланса сил и общей политической конъюнктуры, а также рост значения альтернативных западным институтам развития может в ближайшей перспективе изменить ситуацию.

Заключение

В рамках данного исследования была предпринята попытка применить методы количественного анализа оценки уровня поддержки России на материале голосования на Генеральной Ассамблее ООН стран «Глобального Юга». Для каждого региона был проведен сравнительный анализ результатов голосования до и после февраля 2022 г. В целом по формальным критериям оценки поддержка России в мире после февраля 2022 г. снизилась.

Проведенное исследование показало, что голосование стран «Глобального Юга» на Генеральной Ассамблее ООН по вопросам, связанным с позицией России, не отражает в полной мере реальный характер их внешнеполитических стратегий. Несмотря на снижение формальных показателей поддержки России в период после февраля 2022 г., фактическое развитие двусторонних отношений с рядом государств указывает на сохранение и даже укрепление прагматического сотрудничества вне рамок формальных процедур.

Сравнительный анализ двух временных периодов: 2014–2021 гг. и 2022–2024 гг. – выявил устойчивую тенденцию: чем выше уровень зависимости стран «Глобального Юга» от западных финансовых институтов и долларовой системы, тем более осторожной становится их позиция при голосовании по резолюциям, касающимся России. При этом страны, обладающие значительным ресурсным потенциалом или геополитическими амбициями, чаще демонстрируют готовность к проведению многовекторной политики,

балансируя между давлением коллективного Запада и интересами углубления взаимодействия с Россией.

Снижение значимости ООН как универсальной площадки глобального управления и рост символичности решений Генеральной Ассамблеи усиливают роль альтернативных форматов международного сотрудничества, прежде всего БРИКС, ШОС и региональных интеграционных объединений (ЕАЭС). В связи с этим стратегической задачей для России становится создание условий для финансово-экономической независимости стран «Глобального Юга» от западных центров, включая развитие механизмов расчетов в национальных валютах и формирование новых институтов развития.

Таким образом, несмотря на наблюдаемое сокращение формальной поддержки на площадке Генеральной Ассамблеи ООН, Россия сохраняет потенциал укрепления партнерских связей с государствами «Глобального Юга», что обусловлено объективными факторами – необходимостью формирования многополярного миропорядка, интересом к развитию альтернативных финансовых и торговых механизмов, а также совпадением подходов по ключевым вопросам международной повестки. В перспективе эффективность российской внешней политики будет во многом зависеть от способности конвертировать политический диалог в устойчивые экономические и технологические связи, минимизируя влияние западных санкционных и институциональных ограничений.

Благодарности

Подготовлено в рамках выполнения государственного задания Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

Acknowledgements

Prepared as part of the state assignment for the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

Литература

Барановский 2017 – Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис: Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91.

- Дынкин 2024 – Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // *Полис: Политические исследования*. 2024. № 5. С. 8–23.
- Лагутина 2022 – Лагутина М.Л. Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // *Международная аналитика*. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–82.
- Маслова, Иванов 2024 – Маслова Е.А., Иванов Г.Н. Поведение средних держав в многосторонних институтах: опыт политики Италии в ООН // *Международные процессы*. 2024. Т. 22. № 1. С. 63–79.
- Никитин 2018 – Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // *Полис: Политические исследования*. 2018. № 6. С. 32–46.
- Растольцев 2018 – Растольцев С.В. «Глобальный Юг»: происхождение и эволюция термина // «Глобальный Юг» в полицентричном миропорядке. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 5–10. (Мировое развитие; вып. 19)
- Рюриков 2013 – Рюриков Д.Б. Кризис миропорядка и угрозы России и миру // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 1 (28). С. 70–75.
- Солянова 2016 – Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 5 (50). С. 34–47.
- Фененко 2023 – Фененко А.В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория // *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 1 (72). С. 6–42.
- Шаклеина 2022 – Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. № 4. С. 6–22.
- Campos et al. 2023 – Campos R.G., Estefania-Flores J., Furceri D., Timini J. Geopolitical fragmentation and trade // *Journal of Comparative Economics*. 2023. Vol. 51. Iss. 4. P. 1289–1315.
- Kim et al. 2024 – Ким Зин Хи, Нгуен Тхи Тхао Ми, Тен К.И., Фам Тхи Минь Хуен. «Бамбуковая» дипломатия Вьетнама в обеспечении безопасности в АТР // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2024. № 5 (191). С. 49–57.
- Safranchuk et al. 2023 – Safranchuk I.A., Nesmashnyi A.D., Chernov D.N. Africa and the Ukraine crisis: Exploring attitude // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 3 (83). P. 159–180.

References

- Baranovskii, V.G. (2017), “Transformation of global world order: dynamics of systemic changes”, *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 71–91.
- Campos, R.G., Estefania-Flores, J., Furceri, D. and Timini, J. (2023), “Geopolitical fragmentation and trade”, *Journal of Comparative Economics*, vol. 51, iss. 4, pp. 1289–1315.
- Dynkin, A.A. (2024), “Transformation of the world order: economy, ideology, technologies”, *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 8–23.

- Fenenko, A.V. (2023), "International order as a category of international studies: theoretical foundations", *International Trends*, vol. 21, no. 1 (72), pp. 6–42.
- Kim, Z.H., Nguyen, T.T.M., Ten, K.I. and Pham, T.M.H. (2024), "Vietnam's 'bamboo' diplomacy in ensuring security in the Asia-Pacific region", *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, vol. 191, no. 5, pp. 49–57.
- Lagutina, M.L. (2022), "Regional dimensions of BRICS cooperation", *Mezhdunarodnaya analitika*, vol. 13, no. 1, pp. 66–82.
- Maslova, E.A. and Ivanov, G.N. (2024), "The behavior of middle powers in multilateral institutions: the case of Italy's policy in the UN", *International Trends*, vol. 22, no. 1, pp. 63–79.
- Nikitin, A.I. (2018), "Modern world order, its crisis and prospects", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 32–46.
- Rastoltsev, S.V. (2018), "Global South: the origin and evolution of the term", in "Global'nyi Yug" v polittsentrchnom miroponyadke ["Global South" in the polycentric world], IMEMO RAS, Moscow, Russia, pp. 5–10. (*Mirovoe razvitiye*; iss. 19)
- Ryurikov, D.B. (2013), "The world order crisis and the threats for Russia and the world", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 28, no. 1, pp. 70–75.
- Safranchuk, I.A., Nesmashnyi, A.D. and Chernov, D.N. (2023), "Africa and the Ukraine crisis: Exploring attitude", *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no. 3 (83), pp. 159–180.
- Shakleina, T.A. (2022), "Turning point in global development. Will the West keep its predominant influence on world order in the 21st century?", *International Trends*, vol. 20, no. 4, pp. 6–22.
- Solyanova, M.V. (2016), "The problem of the world order in Western studies", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 50, no. 5, pp. 34–47.

Информация об авторах

Кристина А. Пурен, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия; 117312, Россия, Москва, ул. Вавилова, д. 7; puren2011@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4207-6842

Екатерина С. Чимирис, кандидат политических наук, Институт Европы РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, пом. 3/1;

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия; 117312, Россия, Москва, ул. Вавилова, д. 7; chimiris@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9837-8014

Information about the author

Christina A. Puren, Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation, Moscow, Russia; 7, Vavilov St., Moscow, Russia, 117312; puren2011@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4207-6842

Ekaterina S. Chimiris, Cand. of Sci. (Political Science), Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; room 3/1, bldg. 3, bld. 11, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009;

Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation, Moscow, Russia; 7, Vavilov St., Moscow, Russia, 117312; chimiris@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9837-8014

Международные политические коммуникации
как базовый инструмент
внешнеполитической солидарности
постсоветских государств
(на примере совместных заявлений
государств-членов ОДКБ)

Виталий М. Струговец

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, strugvec@rambler.ru*

Аннотация. В статье исследуются международные политические коммуникации государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. Анализ всего объема совместных заявлений уставных и рабочих органов ОДКБ, личный опыт работы автора в Секретариате Организации позволяют сделать вывод, что указанный механизм является важнейшим инструментом внешнеполитической солидарности стран, входящих в региональную организацию обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве. В исследовании выделены основные темы, периоды становления и развития практики совместных заявлений, рассматривается специфика лексической составляющей политического дискурса ОДКБ. Отмечается активное участие в реализации рассматриваемого механизма всех уставных и рабочих органов объединения и подчеркивается, что подобный инструмент коллективной коммуникации вызывает особый интерес СМИ, экспертов, партнеров и других целевых аудиторий. Учитывая актуальность тем, по которым формируются заявления, их политический уровень – главы государств, министры иностранных дел и обороны, коллективность позиции, информация становится значимой не только для указанных выше целевых аудиторий, но и для широкой общественности.

Ключевые слова: международные политические коммуникации; совместные заявления; внешнеполитическая солидарность; постсоветские государства; Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)

Для цитирования: Струговец В.М. Международные политические коммуникации как базовый инструмент внешнеполитической солидарности постсоветских государств (на примере совместных заявлений государств-членов ОДКБ) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 153–172. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-153-172

International political communications
as a basic tool of foreign policy solidarity
of post-Soviet states (using the example of joint
statements by the CSTO member states)

Vitalii M. Strugovets

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, strugvec@rambler.ru*

Abstract. The article examines the international political communications of the member states of the Collective Security Treaty Organization. An analysis of the entire volume of joint statements by the CSTO's statutory and working bodies, and the author's personal experience in the Organization's Secretariat allow us to conclude that this mechanism is the most important tool for foreign policy solidarity of the countries that are members of the regional organization for collective security in the post-Soviet space. The study highlights the main topics, periods of formation and development of the practice of joint statements, and examines the specifics of the lexical component of the CSTO political discourse. The active participation of all the statutory and working bodies of the association in the implementation of the mechanism under consideration is noted and it is emphasized that such a tool of collective communication is of particular interest to the media, experts, partners and other target audiences. Taking into account the relevance of the topics on which statements are being formed, their political level – heads of state, ministers of foreign affairs and defense, the collective position, the information becomes significant not only for the above-mentioned target audiences, but also for the general public.

Keywords: international political communications; joint statements; foreign policy solidarity; post-Soviet states; Collective Security Treaty Organization (CSTO)

For citation: Strugovets, V.M. (2026), "International political communications as a basic tool of foreign policy solidarity of post-Soviet states (using the example of joint statements by the CSTO member states)", *RSUH/ RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 153–172, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-153-172

Введение

В международном объединении, заявившем о приоритетности политических средств в своей деятельности, как это сделала Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ)¹ механизм сотрудничества, координации внешнеполитических действий выходит на первый план. Одним из важнейших инструментов этого механизма становятся международные политические коммуникации.

Анализ научных исследований показывает, что значительная часть ученых – В.К. Белозеров, Е.В. Петрищев, Н.В. Чегодарь, Д.Л. Цыбаков и др. [Белозёров 2020; Петрищев 2021; Чегодарь 2023; Цыбаков 2021a; Цыбаков 2021b; Сучков 2022] относят к международным политическим коммуникациям специфические информационные процессы взаимодействия акторов международных отношений и их воздействия на региональные и глобальные проблемы, в том числе в сфере обеспечения национальной и коллективной безопасности. При этом А.А. Албогачиев, Р.Б. Гандалоев, А.Г. Большаков и др. [Албогачиев, Хаматханова, Гандалоев 2020; Большаков, Храмова 2023; Тормошева 2013; Тормошева 2016] отмечают, что современные политические коммуникации приобретают все более сложную и многомерную структуру, особенно выходя на международный уровень.

В предлагаемом исследовании остановимся на вопросе внешнеполитической координации деятельности государств-членов и его базовом инструментарии – международных политических коммуникациях.

Международные политические коммуникации

Основу деятельности любого объединения составляют общие цели и ценности. Нет сомнений, что именно они – общие цели и ценности постсоветских государств – лежали в основе подписания в 1992 г. Договора о коллективной безопасности, а не реальная потребность в отражении агрессии, как зафиксировано в самом документе. На сегодня сформировался довольно цельный образ ОДКБ как механизма обеспечения региональной безопасности, активного противодействия новым вызовам и угрозам и по-

¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности. Ст. 3. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 05.08.2024).

зиционирования постсоветских государств во взглядах и оценках глобальных проблем безопасности. Очевидно, что ОДКБ сформировала систему внешнеполитической координации позиций и интересов государств-членов. Организация выступает единым фронтом по таким важнейшим международным проблемам как нераспространение и ограничения вооружений, противодействие терроризму, наркоугрозе, незаконной миграции, проблематика конфликтных регионов мира и другие.

Одним из важнейших инструментов внешнеполитической солидарности государств-членов стали международные политические коммуникации Организации в виде совместных заявлений как собственно объединения в целом, в лице глав государств, являющихся членами Совета коллективной безопасности (далее – СКБ) ОДКБ, так и профильных уставных органов: Совета министров иностранных дел (далее – СМИД), Комитета секретарей советов безопасности (далее – КССБ), Совета министров обороны (далее – СМО), Совета постоянных представителей (далее – Постсовет, полпреды государств). ОДКБ не стала первооткрывателем подобного международного инструментария. Более того, в деятельности нового постсоветского объединения далеко не сразу взяли на вооружение практику совместных заявлений. В первые пять лет существования Организации (2002–2007 гг.) были сделаны всего 15 совместных заявлений: в среднем по три в год. Однако во вторую «пятилетку» (2008–2013 гг.) их было уже 44: почти по девять в год. А в 2014–2019 гг. – 66: в среднем по 13 в год. Рост более чем в четыре раза (см. табл. 1).

Остановимся на актуальности тем совместных заявлений Организации: вопросы нераспространения и ограничения вооружений, противодействия терроризму, наркоугрозе и незаконной миграции, проблематика конфликтных регионов мира, взаимодействия с международными организациями в решении актуальных региональных и глобальных вызовов и другие. Например, в сфере нераспространения и ограничения вооружений ОДКБ только в последние четыре года (2020–2024 гг.) сделала 12 заявлений на уровне глав государств, министров иностранных дел, секретарей советов безопасности, Постсовета (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Количество и тематика совместных заявлений ОДКБ по пятилетним периодам деятельности Организации²

Темы	2002– 2007 гг.	2008– 2013 гг.	2014– 2019 гг.	2020– 2024 гг.
Терроризм	4	7	10	5
Наркоугроза	3	2	4	4
Незаконная миграция		1	2	2
Нераспространение вооружений	5	9	10	12
Информационная безопасность			4	7
Взаимодействие с международными организациями	4	14	15	10
Ситуация в конфликтных регионах мира	6	5	7	6
Противодействие неонацизму		1	6	6
Становление и развитие ОДКБ, решаемые цели и задачи	11	12	11	4

Таблица 2

Количество и тематика совместных заявлений, сделанных уставными органами ОДКБ

Темы	СКБ	СМИД	СМО	КССБ	Полпреды государств
Терроризм	6	8		5	6
Наркоугроза	4	14		4	2
Незаконная миграция	1	3		6	1
Нераспространение вооружений	9	15			14
Информационная безопасность		7		1	2
Взаимодействие с международными организациями	15	32		1	18
Ситуация в конфликтных регионах мира	5	9			4
Противодействие неонацизму	5	2	2	1	4
Становление и развитие ОДКБ, решаемые цели и задачи	22	9		2	3

² Общее количество заявлений и поднятых в них тем может не совпадать, так как в одном заявлении могут рассматриваться две-четыре темы.

Заявление касались практически всех граней проблематики оружия массового поражения – физических принципов (ядерного, химического, биологического, токсинного и др.), средств доставки – стратегического наступательного вооружения, инфраструктуры размещения, в том числе в новых средах (космическое пространство) и т. д. В частности государства-члены ОДКБ единогласно выступают против попыток размещения вооружения в космическом пространстве и высказываются об этом весьма жестких тонах: «...отмечая недопустимость размещения оружия... в космическом пространстве...», «...осознавая катастрофические последствия гонки вооружений в космическом пространстве», «...принять срочные меры, направленные на предотвращение размещения оружия в космическом пространстве»³.

В своих совместных заявлениях в сфере контроля над вооружениями и нераспространения государства-члены ОДКБ фиксируют «...образование правового вакуума» вызванного «...прогрессирующей деградацией основ архитектуры международной и региональной безопасности, эрозии системы договоров и соглашений по контролю над вооружениями, разоружению и не распространению»⁴. Члены Организации «...выражают глубокую обеспокоенность...» и «...крайнюю озабоченность» в связи с прекращением действия договоров о противоракетной обороне, ДАРСМД, ДОВСЕ и других, что привело «...к возникновению дополнительных вызовов и угроз». Организация подчеркивает, что «...режимы контроля над вооружениями, разоружением и нераспространением... является действенным инструментом обеспечения стабильности...», «...играют важную роль в предотвращении конфликтов... снижении конфронтации»⁵. Исходя из этого государства ОДКБ активно поддерживали необходимость

³ Заявление министров иностранных дел государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezop4/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁴ Заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам укрепления архитектуры международной и региональной безопасности и контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlen-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopa/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁵ Там же.

укрепления Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия⁶, заключенного между США и РФ, соглашение о продлении действия ДСНВ, о 50-летию ДНЯО⁷.

Активизация неонацистов в европейских странах, в Прибалтике, на Украине во втором – третьем десятилетиях XXI в. вызвала немедленную предсказуемую реакцию государств-членов ОДКБ, которые совместно, в период существования СССР, вынесли основную тяжесть борьбы с «коричневой чумой». Только в 2020–2024 гг. ОДКБ сделала шесть совместных заявлений по этой тематике⁸. Ранее аналогичные заявления Организации были в 2012, 2015, 2016 (два), 2017 и 2019 (три) гг. Государства-члены категорически высказались о неприемлемости «...компаний по переписыванию истории», решительно осудив и назвав «недопустимой, кощунственной, циничной» героизацию нацизма, «войну» с памятниками и мемориалами захоронений воинов-освободителей.

Развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИТК) и их активное использование в межгосударственном противостоянии, в террористических целях и развитии трансграничной наркоторговли, обусловили необходимость государств ОДКБ высказать свою позицию и по этим новым угрозам и вызовам. В совместных заявлениях члены Организации зафиксировали активное использование информационно-коммуникационных технологий для деструктивного воздействия на личности, общество и государства в целом и подчеркнули, что «...информационная безопасность каждого государства-члена ОДКБ формирует

⁶ Совместное заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности «Об укреплении Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия». URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместное-zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-19.05.2021%20-2/> (дата обращения: 05.08.2024).

⁷ Заявление Постоянного совета ОДКБ по случаю 50-летия вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия и проведения юбилейной сессии Обзорной конференции по выполнению ДНЯО. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/zayavlenie-postoyannogo-soveta-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-po-sluchayu-50-leti/ (дата обращения: 05.08.2024).

⁸ Совместное заявление государств – членов ОДКБ при принятии проекта резолюции Третьего комитета 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма и неонацизма». URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместное-zayavlenie-gosudarstv-chlenov-odkb-pri-prinyatii-proekta-rezolyutsii-tretego-komiteta-77-/> (дата обращения: 05.08.2024).

общую информационную безопасность и непосредственно влияет на состояние коллективной безопасности государств-членов Организации»⁹. Подчеркнем, что только через три года после заявления ОДКБ в НАТО заняли аналогичную позицию. Понимая глобальность новой угрозы, ОДКБ выступила за формирование под эгидой ООН международно-правового режима регулирования сферы использования информационно-коммуникационных технологий «...путем достижения универсальных юридически обязывающих договоренностей»¹⁰.

Один из наиболее разработанных треков как внутри ОДКБ, так и на внешнем поле деятельности Организации – противодействие наркоугрозе. Уже в Уставе ОДКБ, ставшем первым нормативным документом созданного объединения, было зафиксировано, что «государства-члены координируют и объединяют свои усилия в борьбе с ...незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ»¹¹. Тематика противодействия наркоэкспансии присутствует практически во всех совместных заявлениях глав государств-членов Организации и в ряде заявлений профильных уставных органов – СМВД, КССБ, Постсовет и др. При этом в ОДКБ не акцентируют внимание на своих успехах в антинаркотической деятельности, которые впечатляют, а подчеркивают глобальность проблемы и необходимость коллективного противодействия ей. «...Проблема незаконного оборота наркотиков продолжает представлять серьезную угрозу глобальной и региональной безопасности», «...незаконный оборот наркотиков ...не только подрывает здоровье и благополучие людей, но и подвергает риску социально-экономическую и политическую стабильность отдельных

⁹ Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместn-zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollekti/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁰ Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместn-zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollekti/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности. Ст. 3. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 05.08.2024).

государств и мирового сообщества» в целом¹². С производством и контрабандой наркотиков в ОДКБ «неразрывно» связывают и вторую глобальную проблему последних десятилетий – терроризм¹³.

Несмотря на собственные нормативно-правовые документы – Устав ОДКБ, Антинаркотические стратегии... – Организация во главу угла ставит документы ООН¹⁴, справедливо определяя их «краеугольным камнем международной системы контроля над наркотиками»¹⁵. В своих международных политических коммуникациях ОДКБ не только «выражает озабоченность» и «подтверждает готовность», но и предлагает конкретные планы действий, как, например, в Заявлении министров иностранных дел государств-членов ОДКБ по сотрудничеству в борьбе с глобальной наркоугрозой от 23.11.2022 г. В документе прописаны причины и основы наркоугрозы – культивирование в Афганистане наркосодержащих растений, производство наркотических средств опийной и каннабисной групп и синтетических наркотиков, использование современных технологий в наркоторговле (Интернет, социальные сети, другие онлайн-платформы); дан анализ реализуемых антинаркотических проектов – международные операции «Канал», ПРОКСИ и др.; обобщен опыт совместной подготовки правоохранительных кадров, совершенствования мер антинаркотической профилактики среди молодежи, лечения и реабилитации наркозависимых; формулируются предложения по расширению сотрудничества со всеми заинтересованными международными структурами.

Большое количество международных политических коммуникаций ОДКБ связано с главной проблемой конца XX – начала XXI в. терроризмом. И это объяснимо: с момента распада СССР на постсоветском пространстве только до 2014 г. совершено свыше 3 000 терактов, в которых погибли около 5,5 тысяч человек [Рязанов, Охрименко 2016]. Неудивительно, что в заявлениях ОДКБ красной нитью проходит не только понимание, что «международный

¹² Заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ по сотрудничеству в борьбе с глобальной наркоугрозой. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ministrov-inostran-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopa/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Совместное заявление государств-членов ОДКБ о положении в Афганистане. URL: <https://odkbcstoorg.ronix.ru/documents/statements/sovместnoe-zayavlenie-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-o-polozhe/> (дата обращения: 05.08.2024).

терроризм продолжает оставаться реальной угрозой для мирового сообщества»¹⁶ но и факт «усиления активности международных террористических организаций»¹⁷. Особо отметим специализацию заявлений ОДКБ по отдельным граням терроризма. Только за последние три года Организации заострила внимание мирового сообщества и сформулировала свою позицию по вопросам противодействия финансированию террористической деятельности¹⁸, о координации усилий в целях борьбы с химическим терроризмом¹⁹, о профилактике и борьбе с использованием Интернета в террористических целях²⁰ и др. ОДКБ одной из первых международных объединений обратила внимание на использование некоторыми государствами террористических организаций в качестве инструментов реализации собственных политических и геополитических целей, на использование террористическими организациями меж-

¹⁶ Заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ о противодействии финансированию террористической деятельности. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ministrov-inostrannyh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopa/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁷ Заявление секретарей советов безопасности государств-членов ОДКБ об укреплении сотрудничества и координации усилий в целях борьбы с международным терроризмом, распространением террористической и связанной с ней экстремистской идеологии. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-sekretarey-sovetov-bezopasnosti-gosudarstv-chlenov-odkb-ob-ukreplenii-sotrudnichestva-i-k/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁸ Заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ о противодействии финансированию террористической деятельности. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ministrov-inostrannyh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopa/> (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁹ Совместное заявление государств-членов ОДКБ об укреплении сотрудничества и координации усилий в целях борьбы с химическим терроризмом. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovmestnoe-zayavlenie-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-ob-ukrepl/> (дата обращения: 05.08.2024).

²⁰ Совместное заявление министров иностранных дел Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан о профилактике и борьбе с использованием Интернета в террористических целях. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sovmestnoe-zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-respubliki-armeniya-respubliki-belarus-respubliki-k/ (дата обращения: 05.08.2024).

дународных площадок для пропаганды своей идеологии²¹. Вклад ОДКБ в антитеррористическую деятельность особо отмечен и на глобальном уровне. В Совместном заявлении генеральных секретарей ООН и ОДКБ от 15.09.2020 г. отмечено, что общемировая и региональная организации будут «...и далее наращивать масштабы сотрудничества... в таких ключевых областях, как... предотвращение и противодействие терроризму»²².

Значимой темой совместных заявлений стала позиция ОДКБ по налаживанию конструктивных деловых отношений с другими международными организациями. Из всего объема открытых заявлений почти 25% приходится на эту сферу. Буквально с первых дней своего создания новое постсоветское объединение выступило за нормализацию диалога с действующими международными организациями. При этом Организация никогда не брала на себя роль лидера в решении региональных и глобальных вопросов, отдавая пальму первенства Организации Объединенных Наций. Уже в первом совместном заявлении в апреле 2003 г. главы государств-членов ОДКБ подчеркивали, что Организация намерена внести весомый вклад в укрепление региональной и международной безопасности «...при руководящей и координирующей роли ООН»²³. В июне следующего 2004 года в аналогичном документе (заявлении глав государств) было вновь отмечено, что ОДКБ стремится «...к практическому взаимодействию с другими международными организациями и структурами... ООН, ОБСЕ, ШОС, НАТО»²⁴.

²¹ Заявление секретарей советов безопасности государств-членов ОДКБ об укреплении сотрудничества и координации усилий в целях борьбы с международным терроризмом, распространением террористической и связанной с ней экстремистской идеологии. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-sekretarey-sovetov-bezopasnosti-gosudarstv-chlenov-odkb-ob-ukreplenii-sotrudnichestva-i-k/> (дата обращения: 05.08.2024).

²² Совместное заявление Генерального секретаря ООН и Генерального секретаря ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovместное-zayavlenie-generalnogo-sekretarya-organizatsii-obedinennykh-natsiy-i-generalnogo-sekretar/> (дата обращения: 05.08.2024).

²³ Заявление глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. URL: <https://odkb-csto.org/upload/iblock/cc2/cc25e592285f63cb16ba5e268e31abf7.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

²⁴ Заявление глав государств-членов ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/upload/iblock/cc2/cc25e592285f63cb16ba5e268e31abf7.pdf> (дата обращения: 05.08.2024).

Тема взаимодействия с международными организациями активно проходила в совместных заявлениях ОДКБ и все последующие годы: «...придаем особое значение развитию взаимодействия с ООН... мы за налаживание сотрудничество с Европейским Союзом (2005 г.); «...придаем особое значение укреплению связей с ООН и другими международными организациями» (2006 г.); «...выступаем за развитие сотрудничества ОДКБ с ООН и другими универсальными региональными организациями» (2007 г.), «...выступаем за повышение эффективности деятельности ОБСЕ», «...важным шагом могло бы стать налаживание сотрудничества между ОДКБ и НАТО» (2008 г.). Наиболее «продуктивными» были 2009–2019 гг., когда вопросы взаимодействия с международными организациями ОДКБ напрямую поднимало в 29 совместных заявлениях, не считая совместных заявлений по другим актуальным сферам деятельности – противодействие наркотрафику, терроризму, контролю и не распространению вооружений и другим, где в той или иной степени также затрагивались вопросы взаимодействия с международными организациями. Расширялся и перечень международных организаций, с которыми ОДКБ пыталась наладить деловое взаимодействие: Контртеррористическое управление ООН, Управление ООН по наркотикам и преступности, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, Международный комитет по контролю за наркотиками... Однако эффективность этих шагов, как показывает анализ, оказалось недостаточной. Коллективный Запад, занимающий руководящие должности в большинстве международных организаций, шел на взаимодействие с ОДКБ только по ему выгодным вопросам – противодействие наркотрафику, нелегальной миграции, и практически игнорировал темы особенно злободневные для государств-членов ОДКБ – создание новых объектов военной инфраструктуры у границ постсоветских государств (продвижения НАТО на восток), нераспространение ядерного и иного оружия, героизации нацизма и другие. Активизация с начала 2020-х гг. санкционных мер против России и других государств-членов ОДКБ заставило Организацию изменить риторику совместных заявлений: «...выражаем несогласия беспрецедентным решением действующего (польского – автор) председательства ОБСЕ (о невозможности участия делегации МИД РФ в 29-м заседании СМИД ОБСЕ в ноябре 2022 г.)»²⁵, «...озабочены... применением

²⁵ Заявление министров иностранных дел Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ministrov%20inostrannykh-del->

односторонних санкций и ограничений в нарушение прерогатив Совета Безопасности ООН»²⁶ (май 2022 г.), «...государства-члены ОДКБ... выражают серьезную озабоченность продолжающимися случаями введения односторонних мер принуждения, включая экономические меры (санкции)»²⁷ (сентябрь 2021 г.), «...призываем государства-участники воздерживаться от попыток политизировать деятельность ОЗХО»²⁸ (Организации по запрещению химического оружия) (декабрь 2020 г.), «...настала пора проявить дальновидность и стратегическую мудрость и вернуться на путь взаимного уважения и гармоничного развития, возродить дух единения в ООН»²⁹ (декабрь 2020 г.). Вслед за риторикой изменилось и содержание: в 2023 г. – первой половине 2024 г. ОДКБ уже не принимала совместных тематических заявлений по вопросам взаимодействия с международными структурами, а в открытых заявлениях этот внешнеполитический трек подается общими фразами. В частности в заявлении министров иностранных дел государств-членов ОДКБ от 23 ноября 2023 г. говорится о «...намерении укреплять

respubliki-armeniya-respubliki-belarus-respubliki-kazakhstan-k/ (дата обращения: 05.08.2024).

²⁶ Заявление Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 30-летием Договора о коллективной безопасности и 20-летием Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-moskve-16-maya-proydet-vstrecha-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-posvyashchennaya-30-letiyu-podpisaniya/ (дата обращения: 05.08.2024).

²⁷ Заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ о подтверждении приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций и укреплении сотрудничества по обеспечению их неукоснительного соблюдения. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-odkb-o-podtverzhdenii-priverzhennosti-prints/> (дата обращения: 05.08.2024).

²⁸ Заявление от имени государств-членов ОДКБ, являющихся участниками Конвенции о запрещении химического оружия, на двадцать пятой сессии Конференции государств-участников. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-ot-imeni-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-yavlyayushch/> (дата обращения: 05.08.2024).

²⁹ Заявление Совета коллективной безопасности ОДКБ о формировании справедливого и устойчивого мироустройства. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-o-form/> (дата обращения: 05.08.2024).

координацию и взаимодействие с целью нести позитивный вклад в дело обеспечение безопасности стабильности и мира... с другими государствами и их объединениями»³⁰. Расшифровку этих объединений в тот же день дал Совет коллективной безопасности Организации – ООН, ШОС, СНГ, т. е. международные объединения, находящиеся вне влияния коллективного Запада.

Отдельно рассмотрим специфику лексической составляющей политического дискурса ОДКБ. По мнению исследователей И.А. Курбакова, Р.Р. Мавлеева, Т.Н. Хомутовой, И.И. Федотова, О.А. Солоповой и др. [Дзюба, Солопова 2024; Курбаков 2019; Мавлеев 2019; Хомутова, Наумова 2017; Мишкурлов 2020; Мошкина 2020; Романова, Ду 2023; Рябова, Каруковец 2026; Федотов 2023], дискурс стоит рассматривать как инструмент, способствующий формированию общественного мнения для достижения своих политических целей. Изучение совместных заявлений ОДКБ показывает, что их тексты имеют свою специфику использования лексических средств. В первую очередь, это широкое использование терминов, применяющихся в различных сферах международно-политических взаимоотношений и активное использование аббревиатур: «...в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН... Конвенции ООН... соблюдение Устава ООН... ОБСЕ... РАТС ШОС... ЕАГ... ОЗХО... ДВЗЯИ... КБТО... ГА ООН... ОМУ» и др. Во-вторых, формулирование точных терминов в текстах документов, позволяющее достичь узкой терминологизации и максимально ограничить двоякость/многозначность понятий: «...наше видение ОБСЕ как регионального общеевропейского форума, действующего на основе правила консенсуса и принципа суверенного государства», «...настойтельно призываем государства-участники ДНЯО, обладающие ядерным оружием, ограничиться его дислокацией на своих территориях без его размещения за рубежом, ликвидировать всю инфраструктуру, позволяющую обеспечить быстрое развертывание этого оружия на территории неядерных государств, воздержаться от проведения учений, связанных с отработкой навыков применения ядерного оружия личным составом вооруженных сил государств, не обладающих такими вооружениями...». В-третьих, в текстах совместных заявлений ОДКБ активно используется ссылки на комму-

³⁰ Заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ по вопросам укрепления архитектуры международной и региональной безопасности и контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/na-sovmestnom-zasedanii-smid-smo-kssb-23-noyabrya-v-erevane-prinyaty-vazhnyepoliticheskie-zayavleni/ (дата обращения: 05.08.2024).

никантов, т. е. участников международной политической деятельности: «...государства-члены ОДКБ... мы, министры иностранных дел... мы, секретари советов безопасности... мы, члены Совета коллективной безопасности ОДКБ... генеральный секретарь ОДКБ... министры обороны государств-членов ОДКБ...». В-четвертых, совместные заявления государств-членов ОДКБ насыщены клише и штампами международно-политической лексики, что в целом является нормой для международных политических коммуникаций: «...признавая общую заинтересованность... отмечая значимость... будучи обеспокоены... подтверждая приверженность...» и т. д. В документах Организации используются штампы как положительный окраски – «... в тесном взаимодействии... проявляя солидарность», так и отрицательной – «...выражаем несогласие... решительно осуждаем», и эмоционально нейтральной – «...договорились... согласились... считаем целесообразным». Но при этом, в-пятых, в ряде документов используются эмоционально ярко окрашенные слова, не присущие «языку дипломатии»: «...кощунственные... циничные... политическая эрозия... бесчеловечные деяния... беззаветная самоотверженность».

В целом лингвистический анализ международных политических коммуникаций ОДКБ показывает, что в них активно используются различные виды лексики – специализированная, терминологическая, общеупотребительная и другие, которые соответствуют форме и уровню этих коммуникаций.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что основной внешнеполитической координации и солидарности государств-членов ОДКБ можно назвать их совместные заявления. Заявления принимаются на нескольких уровнях. Высший – заявления глав государств-членов Организации. За время существования ОДКБ до апреля 2024 г. руководителями стран принято 49 совместных заявлений и деклараций как по вопросам деятельности самой Организации, так и по наиболее актуальным международным проблемам. Например: о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению СНВ (май 2010 г.), о проблеме наркоугрозы, исходящей из Афганистана (февраль 2011 г.), о ситуации в Сирии и вокруг нее (сентябрь 2013 г. и ноябрь 2017 г.), о противодействии международному терроризму (декабрь 2015 г.) и др. Наиболее значительное число совместных заявлений принято Советом министров иностранных дел ОДКБ – 72. Двадцать совместных заявлений сделал

Комитет секретарей советов безопасности, 54 – Постоянные и Полномочные представители государств-членов ОДКБ. В активную практику введены совместные заявления делегаций, Постоянных представителей государств-членов ОДКБ на площадках других международных организаций – ООН (22 заявления), ОБСЕ (12 заявлений) и даже НАТО (3 заявления). В целом на апрель 2024 г. в открытом информационном банке ОДКБ 185 заявлений Организации. Подобный инструмент коллективной коммуникации вызывает особый интерес СМИ, экспертов, партнеров и других целевых аудиторий. Учитывая актуальность тем, по которым формируются заявления, их политический уровень – главы государств, министры иностранных дел и обороны, коллективность позиции, информация становится значимой не только для названных целевых аудиторий, но и для широкой общественности. Значительно расширяется и число каналов коммуникации, так как к пулу ОДКБ автоматически присоединяются президентские пулы, пулы глав МИД, Минобороны, советов безопасности и т. д., что, естественно, дает существенное увеличение аудитории.

Таким образом, совместные заявления стали значимым инструментом в деятельности ОДКБ, в ее позиционировании по важнейшим вопросам безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне.

Литература

- Албогачиев, Хаматханова, Гандолоев 2020 – *Албогачиев А.А., Хаматханова М.М., Гандолоев Р.Б.* Политические коммуникации в современной системе государственного управления // Современная наука и инновации. 2020. № 4 (32). С. 130–141.
- Белозёров 2020 – *Белозёров В.К.* Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 177–194.
- Большаков, Храмова 2023 – *Большаков А.Г., Храмова Е.В.* Политическая коммуникация в период международных бифуркаций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2023. № 2. С. 96–104.
- Дзюба, Солопова 2024 – *Дзюба Е.В., Солопова О.А.* Язык политики в многополярном мире // Россия в глобальном мире. 2024. № 3. С. 181–195.
- Курбаков 2019 – *Курбаков И.А.* Военно-политический дискурс как гибридный тип дискурса // Достижения науки в контексте повышения качества жизни и устойчивого развития общества: Сб. науч. статей международной научно-практической конференции и IV Всероссийской (с международным участием)

- конференции, Алматы, 29 апреля 2019 г. / под общ. ред. А.А. Арупова. Алматы: Национальный исследовательский ин-т мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 2019. Т. 3. С. 210–217.
- Мавлеев 2019 – *Мавлеев Р.Р.* Военно-политический дискурс: социально-коммуникативные, лингвокогнитивные и переводческие аспекты (на материале китайского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук; Военный университет. М., 2019. 246 с.
- Мишкурин 2020 – *Мишкурин Э.Н.* Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
- Мошкина 2020 – *Мошкина Ю.В.* Структурно-содержательные особенности военно-политического дискурса: теоретические аспекты // Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований поликультурного военного и политического дискурса / под науч. ред. В.Н. Бабаяна; Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны. Ярославль: Цифровая типография, 2020. С. 123–131.
- Петрищев 2021 – *Петрищев Е.В.* Развитие международных политических коммуникаций на постсоветском пространстве: тенденции и особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2 (843). С. 116–128.
- Романова, Ду 2023 – *Романова Ю.Г., Ду Х.* Международная коммуникация в сфере бизнеса и права: особенности перевода политического дискурса // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. С. 119–122.
- Рябова, Каруковец 2026 – *Рябова М.Ю., Каруковец Н.С.* Лингвокультурная специфика текстов дипломатического дискурса // СибСкрипт. 2026. Т. 28. № 1. С. 55–68.
- Рязанов, Охрименко 2016 – *Рязанов Д.С., Охрименко А.В.* Терроризм в постсоветских государствах: общее и особенное (по материалам анализа электронных баз данных терроризма) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 219–229.
- Сучков 2022 – *Сучков М.А.* Трансформация политической коммуникации в современной системе международных отношений // Актуальные проблемы социально-политических коммуникаций в современном обществе: сб. материалов региональной научно-практической конференции; Пятигорский государственный ун-т, Ин-т международных отношений, кафедра журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью. М.: ООО «Издат. дом КДУ», 2022. С. 32–36.
- Тормошева 2013 – *Тормошева В.С.* Социально-философское измерение понятия «международная коммуникация» // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4. С. 7–13.
- Тормошева 2016 – *Тормошева В.С.* Международная коммуникация в политической мысли постмодерна: теоретический аспект // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 3. С. 76–94.

- Федотов 2023 – *Федотов И.И.* Лингвистические характеристики военно-политического дискурса международных организаций (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук; Военный университет. М., 2023. 272 с.
- Хомутова, Наумова 2017 – *Хомутова Т.Н., Наумова К.А.* Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2017. № 3. С. 49–53.
- Цыбаков 2021a – *Цыбаков Д.Л.* Развитие международных политических коммуникаций в целях укрепления коллективной безопасности ОДКБ // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 155–163.
- Цыбаков 2021b – *Цыбаков Д.Л.* Фактор политических коммуникаций в процессе милитаризации постсоветского пространства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 3. С. 98–111.
- Чегодарь 2023 – *Чегодарь Н.Д.* Политическая коммуникация в современных международных отношениях на примере Европейского союза // Вопросы политологии. 2023. № 3 (91). С. 1332–1340.

References

- Albogachiev, A.A., Khamatkhanova, M.M., and Gandoloev, R.B. (2020), “Political communications in the modern system of public administration”, *Sovremennaya nauka i innovatsii*, vol. 32, no. 4, pp. 130–141.
- Belozarov, V.K. (2023), “International political communication in the context of digitalization of world development”, *Outlines of Global Transformations*, vol. 13, no. 2, pp. 177–194.
- Bolshakov, A.G. and Khramova, E.V. (2023), “Political communication in the period of international bifurcations”, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 96–104.
- Chegodar, N.D. (2023), “Political communication in modern international relations on the example of the European Union”, *Voprosy politologii*, vol. 91, no. 3, pp. 1332–1340.
- Dzyuba, E.V. and Solopova, O.A. (2024), The language of politics in a multipolar world, *Rossiya v global'nom mire*, no. 3, pp. 181–195.
- Fedotov I.I. (2023), *Linguistic Characteristics of the Military-Political Discourse of International Organizations (based on the English and Russian Languages)* [Lingvisticheskie kharakteristiki voenno-politicheskogo diskursa mezhdunarodnykh organizatsii (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov)], PhD. Thesis, Military University, Moscow, 2023.
- Khomutova, T.N. and Naumova, K.A. (2017), Military-Political Discourse as a Special Type of Discourse, *Bulletin of the South Ural State University. Series “Linguistics”*, vol. 14, no. 3, pp. 49–53.

- Kurbakov, I.A. (2019), "Military-political discourse as a hybrid type of discourse", in Arupov, A.A., ed., *Dostizheniya nauki v kontekste povysheniya kachestva zhizni i ustoichivogo razvitiya obshchestva: Sbornik nauchnykh statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii i IV Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii, Almaty, 29 aprelya 2019 g.* [Achievements of science in the context of improving the quality of life and sustainable development of society. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference and IV All-Russian (with international participation) Conference, Almaty, April 29, 2019], Natsional'nyi issledovatel'skii institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii imeni E.M. Primakova RAN, Almaty, Kazakhstan, pp. 210–217.
- Mavleev, R.R. (2019), *Voenno-politicheskii diskurs: sotsial'no-kommunikativnye, lingvokognitivnye i perevodcheskie aspekty (na materiale kitaiskogo i russkogo yazykov)* [Military-political discourse: Socio-communicative, linguocognitive, and translation aspects (based on the Chinese and Russian languages)], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow, Russia, 2019.
- Mishkurov, E.N. (2020), "Modern military-political discourse: nomination, functions, language deviation, translation", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda*, no. 2, pp. 88–105.
- Moshkina, Yu.V. (2019), "Structural and content features of military and political discourse: Theoretical aspects", in Babayan, V.N., ed., *Antropotsentricheskaya napravlennost' lingvisticheskikh issledovaniy polikul'turnogo voennogo i politicheskogo diskursa* [Anthropocentric focus of linguistic research on multicultural military and political discourse], Tsifrovaya tipografiya, Yaroslavl', Russia, pp. 123–131.
- Petrishchev, E.V. (2021), "Development of international political communications in the post-soviet space: trends and features", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, vol. 843, no. 2, pp. 116–128.
- Romanova, Yu.G. and Du, H. (2023), "International communication in the field of business and law: features of the translation of political discourse", *Philological Sciences Bulletin*, vol. 3, no. 3, pp. 119–122.
- Ryabova M.Yu. and Karukovets N.S. (2026), "Linguocultural specificity of diplomatic discourse texts", *SibScript*, vol. 28, no. 1, pp. 55–68.
- Ryazanov, D.S. and Okhrimenko, O.V. (2016), "Terrorism in the post-Soviet states: General and specific (based on the analysis of electronic databases of terrorism)", *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, vol. 5, no. 5A, pp. 219–229.
- Suchkov, M.A. (2022), "Transformation of political communication in the modern system of international relations", in *Aktual'nye problemy sotsial'no-politicheskikh kommunikatsii v sovremennom obshchestve: sbornik materialov regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of socio-political communications in modern society. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference], ООО "Izdatel'skii dom KDU", Moscow, Russia, pp. 32–36.
- Tormosheva, V.S. (2013), "Social and philosophical dimension of the concept of international communication", *Central Russian Journal of Social Sciences*, no. 4, pp. 7–13.

- Tormosheva, V.S. (2016), "International communication in postmodern political thought: A theoretical aspect", *Perm University Herald. Political Science*, no. 3, pp. 76–94.
- Tsybakov, D.L. (2021), "Development of international political communications in order to strengthen the collective security of the CSTO", *Central Russian Journal of Social Sciences*, vol. 16, no. 2, pp. 155–163.
- Tsybakov, D.L. (2021), "The factor of political communications in the process of militarization of the post-Soviet space", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, no. 3, pp. 98–111.

Информация об авторе

Виталий М. Струговец, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; strugvec@rambler.ru
SPIN-код 6817-5057
ORCID 0009-0009-2399-0493

Information about the author

Vitalii M. Strugovets, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; strugvec@rambler.ru
SPIN code 6817-5057
ORCID 0009-0009-2399-0493

Эффективность миротворческой миссии России
в Нагорном Карабахе
в контексте формирования системы
региональной безопасности на Южном Кавказе

Владислав В. Зайковский

АО «Альфа-Банк», Москва, Россия, zaikoffsky@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается российская миротворческая миссия в Нагорном Карабахе в 2020–2024 гг. как пример регионального миротворчества и инструмента обеспечения безопасности на постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется институциональной эффективности миссии, анализируется ее структура, правовая база и взаимодействие с конфликтующими сторонами. Исследование опирается на комплексный подход, включающий военные, политико-дипломатические, гуманитарные и международно-правовые критерии оценки. В теоретической части кратко излагаются исторические предпосылки конфликта и современные концепции миротворчества, а также рассматриваются подходы к оценке эффективности операций различного типа. В аналитической части исследуется деятельность российского контингента, развернутого вдоль линии соприкосновения и в Лачинском коридоре, оценивается выполнение поставленных задач по прекращению огня, защите гражданского населения, координации гуманитарных действий и взаимодействию с международными структурами. Выявлены ограничения институциональной устойчивости миссии, обусловленные отсутствием международного мандата и политической зависимостью от сторон конфликта. Представленные выводы имеют практическую значимость для совершенствования механизмов регионального миротворчества и планирования будущих операций России на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: миротворческая миссия, Нагорный Карабах, институциональная эффективность, региональная безопасность, российская модель миротворчества, международно-правовой мандат, конфликтное урегулирование

Для цитирования: Зайковский В.В. Эффективность миротворческой миссии России в Нагорном Карабахе в контексте формирования системы региональной безопасности на Южном Кавказе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 173–192. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-173-192

© Зайковский В.В., 2026

The effectiveness of Russia's peacekeeping mission
in Nagorno-Karabakh
in the context of the formation
of the regional security system in the South Caucasus

Vladislav V. Zaykovsky

AO "Alfa-Bank", Moscow, Russia, zaikoffsky@gmail.com

Abstract. The article examines the Russian peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh in 2020–2024 as a case of regional peacekeeping and an instrument for ensuring security in the post-Soviet space. The study focuses on the institutional effectiveness of the mission, analyzing its structure, legal framework, and interaction with the conflicting parties. A comprehensive approach is applied, including military, political-diplomatic, humanitarian, and international-legal criteria for assessing effectiveness. The theoretical section briefly outlines the historical background of the conflict and modern peacekeeping concepts, as well as approaches to evaluating the performance of various types of operations. The analytical part examines the activities of the Russian contingent deployed along the line of contact and the Lachin corridor, evaluating the achievement of tasks related to ceasefire enforcement, civilian protection, humanitarian coordination, and cooperation with international organizations. Limitations in institutional sustainability were identified, caused by the absence of an international mandate and political dependence on the parties involved. The findings have practical significance for improving regional peacekeeping mechanisms and planning future Russian operations in the post-Soviet space.

Keywords: peacekeeping mission, Nagorno-Karabakh, institutional effectiveness, regional security, Russian peacekeeping model, international legal mandate, conflict resolution

For citation: Zaykovsky, V.V. (2026), "The effectiveness of Russia's peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh in the context of the formation of the regional security system in the South Caucasus", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 173–192, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-173-192

Введение

Актуальность исследования определяется возросшей ролью миротворческих миссий как инструмента обеспечения международной и региональной безопасности в условиях трансформации системы международных отношений. Конфликт в Нагорном Карабахе, являвшийся одной из наиболее острых точек постсоветского

пространства, обострился осенью 2020 г., что потребовало оперативного вмешательства внешних акторов. Миротворческая миссия Российской Федерации, начавшая деятельность 10 ноября 2020 г. на основании трехстороннего заявления лидеров России, Азербайджана и Армении, стала одним из ключевых факторов прекращения активных боевых действий и поддержания режима прекращения огня. Задачи миссии включали обеспечение безопасности мирного населения, контроль за соблюдением договоренностей, содействие гуманитарным операциям и восстановлению коммуникаций.

Тем не менее уже к 2023–2024 гг. обозначились существенные противоречия между заявленными целями и достигнутыми результатами. Отсутствие международного мандата, ограниченность взаимодействия с местными структурами и изменение геополитического контекста привели к снижению эффективности российской миссии и ее досрочному завершению весной 2024 г. Это обусловило необходимость научного осмысления опыта российского миротворчества в Карабахе – не только как конкретной операции, но и как проявления стратегии России в обеспечении безопасности на Южном Кавказе.

Согласно современным научным подходам эффективность миротворческой миссии определяется совокупностью политических, институциональных, военных, гуманитарных и правовых параметров. В рамках данного исследования эффективность рассматривается как степень соответствия между заявленными целями миссии и достигнутыми результатами в контексте региональной стабильности. В аналитической части работы выделяются следующие критерии оценки эффективности: институциональная состоятельность (наличие устойчивой системы командования, взаимодействия и отчетности); легитимность миссии в глазах основных участников конфликта и международных акторов; способность к предотвращению возобновления боевых действий; обеспечение безопасности гражданского населения и гуманитарного доступа; а также устойчивость правового и дипломатического статуса миссии на международной арене. Такой подход позволяет комплексно оценить миссию не только как военно-политический инструмент, но и как форму реализации российской внешнеполитической стратегии в постсоветском пространстве.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что анализ эффективности российской миротворческой миссии позволяет выявить универсальные закономерности функционирования подобных операций на постсоветском пространстве и определить возможные направления оптимизации механизмов миротворчества, включая юридическое оформление мандатов,

взаимодействие с международными институтами и совершенствование гуманитарных аспектов. Полученные выводы могут быть использованы при разработке концепций внешней политики, военной доктрины и при подготовке кадров для миротворческих подразделений.

Степень научной разработанности темы остается ограниченной. Проблематика постсоветского миротворчества России рассматривалась в ряде исследований, однако именно карабахская миссия после 2020 г. получила лишь фрагментарное отражение [Борисов 2023]. Так, в работе Д.В. Малышева предпринята попытка систематизировать опыт миротворчества России на пространстве СНГ. Автор отмечает, что российская миссия в Карабахе продемонстрировала как высокий уровень оперативной готовности, так и отсутствие институциональной опоры, характерной для операций под эгидой ООН, что снижает их устойчивость и воспринимаемую легитимность [Малышев 2022].

Исследование В.А. Чолахяна посвящено международному участию в разрешении карабахского конфликта. Ученый приходит к выводу, что российская инициатива 2020 г. была вынужденным компромиссом, позволившим временно стабилизировать ситуацию, но не обеспечившим формирования устойчивого мирного порядка. Особое внимание он уделяет юридической стороне вопроса, указывая на неопределенность статуса российского контингента в отсутствие решения Совета Безопасности ООН [Чолахян 2021]. В ряде исследований внимание сосредоточено на геополитических и институциональных последствиях войны 2020 г. Е. Давтян анализирует влияние процессов внешнеполитического обучения и восприятия прошлых конфликтов на принятие решений политическими элитами, которые могут способствовать военной эскалации [Davtyan 2024]. В свою очередь, Н. Сукиасян и Е. Давтян рассматривают трансформацию регионального порядка на Южном Кавказе после войны 2020 г., отмечая изменение баланса сил и формирование новой конфигурации безопасности [Sukiasyan, Davtyan 2025].

Значительный вклад в исследование внешнеполитического контекста внесла З. Манукян, которая рассматривает миссию как часть более широкой стратегии России по восстановлению своего влияния в Южном Кавказе. По ее мнению, миротворчество в Карабахе стало не только инструментом урегулирования конфликта, но и способом сдерживания внешних конкурентов – прежде всего Турции, активно укреплявшей позиции в Азербайджане [Manukyan 2024]. Существенное внимание уделяется долгосрочной динамике конфликта. В частности, Л. Броерс рассматривает карабахское противостояние как устойчивое соперничество,

выходящее за рамки концепции «замороженного конфликта», подчеркивая институционализацию противоборства и устойчивость политических нарративов сторон [Broers 2015]. Отдельное направление исследований связано с анализом политических дискурсов и нарративов вокруг конфликта. Так, Н. Саакян исследует формирование политических рамок интерпретации карабахского конфликта в риторике лидеров Армении, Азербайджана и Турции, показывая, что политическая коммуникация играет важную роль в поддержании конфронтационной повестки. Схожая проблематика затрагивается и в работе Н. Саакян и А. Карташян, где рассматривается эволюция политического дискурса азербайджанского руководства в процессе переговоров по урегулированию конфликта [Sahakyan, Kartashyan 2025].

В свою очередь, М. Вардазарян анализирует влияние второй карабахской войны на армяно-российские отношения и отмечает, что миссия стала для Москвы испытанием союзнических обязательств в рамках ОДКБ. Автор показывает, что ограниченность вмешательства России вызвала критику в армянском обществе и поставила под вопрос традиционные представления о гарантиях безопасности [Vardazaryan 2024]. Аналогичная проблематика раскрывается в работе К. Абушова и А. Бабаева, в которой исследователи изучают подчеркнутый нейтралитет РФ в 2024–2025 гг. и отсутствие стремлений влиять на разворачивающуюся ситуацию силовыми методами [Abushov, Babayev 2025].

Зарубежные исследования также демонстрируют возросший интерес к российской миссии. К. Селим и Г. Түйсюзоглу рассматривают российское присутствие как временный стабилизатор, не устраняющий глубинные причины конфликта, и подчеркивают отсутствие у Москвы долгосрочного плана по трансформации региона [Selim, Tüysüzoglu 2023]. Сходные выводы делает С.Х. Хассан, анализируя международные интервенции в карабахский кризис. Он отмечает, что миссия России рассматривалась другими внешними игроками как часть геополитического соперничества, а не как чисто миротворческая инициатива, что усложнило ее восприятие на международной арене [Hassan 2024]. Наконец, ряд работ посвящены более широким геополитическим аспектам конфликта и его влиянию на региональную безопасность. Исследования Х. Папазяна, например, демонстрируют, что даже такие элементы, как топонимика и исторические карты, могут становиться инструментом политической легитимации и символического соперничества сторон [Papazian 2023]. Этот анализ показывает, каким образом события войны 2020 г. повлияли на восприятие Турции и турецкого фактора в армянском обществе.

Итак, проведенный обзор литературы показывает, что большинство авторов сходятся во мнении о неоднозначности результатов миссии. С одной стороны, она позволила остановить боевые действия и предотвратить гуманитарную катастрофу, с другой – не привела к устойчивому урегулированию и не сформировала международно признанных механизмов контроля. Однако в научной литературе пока отсутствует комплексный анализ эффективности миротворческой операции с точки зрения совокупности военных, политических, правовых и гуманитарных факторов, что определяет направление настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является оценка эффективности миротворческой миссии России в Нагорном Карабахе в 2020–2024 гг., выявление факторов, обусловивших ее ограниченные результаты, а также определение ее роли в формировании новой системы региональной безопасности на Южном Кавказе.

В отличие от существующих исследований, где миссия рассматривается преимущественно как инструмент внешнеполитического влияния, данная работа предлагает оценку ее результативности с позиции функциональной эффективности и институциональной устойчивости. Кроме того, уточняется понятие «российская модель миротворчества», предлагается типология ее ограничений и формулируются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы миротворческой деятельности.

Методологическая основа исследования включает сравнительно-политический и институционально-функциональный подходы, что позволяет рассматривать миссию не как изолированный эпизод, а как часть общей стратегии России в постсоветском пространстве. Для анализа используются методы контент-анализа научных публикаций и структурно-функциональный метод. Эффективность миссии оценивается по степени достижения целей прекращения огня, обеспечения безопасности гражданского населения, функционирования гуманитарных механизмов и укрепления политических каналов взаимодействия между сторонами конфликта.

Историко-политический контекст конфликта и предпосылки миротворческой миссии

Конфликт в Нагорном Карабахе является одним из наиболее сложных этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, корни которого уходят в период позднего СССР. Первые массовые столкновения между армянским и азербайджанским населением региона начались в 1988 г., когда Верховный Совет

Нагорно-Карабахской автономной области обратился к союзному руководству с просьбой о передаче территории из состава Азербайджанской ССР в Армянскую ССР [Broers 2015]. Этот шаг вызвал политический кризис, завершившийся вооруженной фазой конфликта после распада Советского Союза. К началу 1994 г. при посредничестве России и стран Минской группы ОБСЕ стороны подписали Бишкекский протокол, установивший режим прекращения огня [Abbas 2024].

В последующие десятилетия конфликт сохранял «замороженный» характер: периодические обострения, дипломатические провалы и отсутствие компромисса по статусу региона. Россия, будучи ключевым посредником, участвовала в переговорах в рамках Минской группы и поддерживала баланс сил между Ереваном и Баку. Однако формальные механизмы урегулирования не обеспечивали реальной устойчивости, а система безопасности оставалась хрупкой. С 2016 г. участились столкновения вдоль линии соприкосновения, что свидетельствовало о нарастающем кризисе статус-кво [Ferner 2023].

Эскалация осенью 2020 г., получившая название Второй карабахской войны, радикально изменила политическую ситуацию. Военные действия продолжались 44 дня и завершились подписанием 9–10 ноября 2020 г. трехстороннего заявления лидеров России, Азербайджана и Армении [Kazbek 2022]. В соответствии с этим документом на территории конфликта был развернут российский миротворческий контингент численностью около 1960 военнослужащих, оснащенных бронетранспортерами, инженерной техникой и средствами связи.

Целями миссии являлись обеспечение прекращения огня¹, контроль за выполнением соглашения, защита гражданского населения и содействие возвращению вынужденных переселенцев [Anggraeni 2022]. Важным элементом стало развертывание 23 наблюдательных постов вдоль линии соприкосновения и Лачинского коридора, обеспечивающего связь между Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой. Для гуманитарного взаимодействия был создан Центр по контролю за прекращением огня, в котором совместно работали представители России и Турции [Привалов 2023].

¹ Заявление Президента Российской Федерации по итогам переговоров лидеров России, Армении и Азербайджана (9–10 ноября 2020 г.). URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/64381> (дата обращения: 05.10.2025).

С самого начала миссия столкнулась с рядом институциональных проблем. Отсутствие мандата ООН ограничивало ее международно-правовую легитимность, а соглашение между Россией и Азербайджаном предусматривало лишь пятилетний срок пребывания контингента с возможностью продления по обоюдному согласию сторон. Это создавало неопределенность относительно будущего статуса российских сил [Гаспарян, Скаков 2023]. Более того, в 2021–2023 гг. в Азербайджане усилилось восприятие миссии как временного элемента, а не гарантии долгосрочной стабильности, что снижало уровень взаимодействия между сторонами.

С точки зрения армянской стороны, российская миссия рассматривалась как ключевой фактор безопасности и единственный барьер против возможного наступления Азербайджана. Однако внутренние политические процессы в Армении, включая кризис доверия к ОДКБ и колебания во внешнеполитическом курсе, привели к ослаблению опоры на Москву [Тонкошуров, Шигин 2022].

Международный контекст также существенно изменился. Активизация Турции, поддержавшей Азербайджан во время войны, трансформировала региональную архитектуру безопасности². Совместный российско-турецкий центр стал компромиссным решением, но не устранил взаимного недоверия. Западные государства, в первую очередь Франция и США, проявляли ограниченную активность, оставив инициативу Москве, однако по мере эволюции конфликта в 2023–2024 гг. вновь усилили дипломатическое присутствие.

К 2024 г. ситуация резко изменилась: Азербайджан установил полный контроль над территорией Карабаха, а российский контингент, потерявший фактический объект миротворчества, был выведен весной того же года. Это завершение миссии стало предметом широкой дискуссии о ее институциональной эффективности. Одни аналитики рассматривают миссию как успешную с точки зрения предотвращения масштабной гуманитарной катастрофы и временной стабилизации ситуации [Iskandarov 2025], другие подчеркивают ограниченность результатов и отсутствие системных механизмов мирного урегулирования [Vardazaryan 2024].

Таким образом, миссия 2020–2024 гг. может рассматриваться как переходный формат российского миротворчества, продемонстрировавший высокую оперативность при низкой институ-

² TASS: Turkey, Russia sign agreement to set up joint center for monitoring in Karabakh (11.11.2020). URL: <https://tass.com/world/1229873> (дата обращения: 08.10.2025).

циональной устойчивости. Ее изучение позволяет выявить структурные особенности российской модели миротворчества и определить условия, при которых она может быть эффективна в будущем.

Институциональная структура и правовые основы российской миротворческой миссии

Российская миротворческая миссия в Нагорном Карабахе 2020–2024 гг. отличалась от классических операций ООН как по правовому статусу, так и по институциональной организации³. Ее нормативная база формировалась вокруг трехстороннего заявления от 9–10 ноября 2020 г., подписанного президентами России и Азербайджана и премьер-министром Армении. В документе не содержалось отсылок к международным резолюциям или решениям Совета Безопасности ООН, что придавало миссии двусторонне-региональный характер и выводило ее за рамки универсального международного мандата [Abbas 2024].

Согласно условиям соглашения российский контингент численностью 1960 военнослужащих должен был размещаться вдоль линии соприкосновения сторон и в Лачинском коридоре⁴. Мандат миссии предусматривал пятилетний срок пребывания с возможностью продления еще на пять лет при отсутствии возражений одной из сторон. В организационном отношении миссия находилась под управлением Министерства обороны РФ; командующим стал генерал-лейтенант Рустам Мурадов, впоследствии смещенный рядом российских офицеров. Для обеспечения координации действий был создан Совместный российско-турецкий центр по контролю за прекращением огня, расположенный на территории Азербайджана⁵.

Отсутствие международно-правового мандата обусловило ряд институциональных ограничений. Во-первых, миссия не имела доступа к инструментам финансирования и отчетности, характерным

³ Указ Президента РФ № 695 от 10.11.2020 г. «О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011120002> (дата обращения: 08.10.2025).

⁴ Указ Президента РФ / распоряжение от 12–13.11.2020 г. «О порядке работы миротворцев в Нагорном Карабахе». URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2020/5fad0fe59a7947fb1141cc59> (дата обращения: 08.10.2025).

⁵ Jamestown Foundation. Russia's peacekeeping contingent leaves Karabakh. 22 Apr 2024. URL: <https://jamestown.org/program/russias-peacekeeping-contingent-leaves-karabakh/> (дата обращения: 10.10.2025).

для операций ООН. Во-вторых, она не располагала официальным механизмом взаимодействия с международными гуманитарными организациями, что снижало прозрачность гуманитарных операций и уровень доверия местного населения. В-третьих, вопросы статуса российских военных и их юрисдикционной защиты регулировались исключительно двусторонними соглашениями между Москвой и Баку [Тонкошкуров, Шигин 2022].

С точки зрения международного права, миссия представляла собой форму согласованного присутствия третьей стороны на основании межгосударственного договора, что соответствует статье 52 Устава ООН, допускающей региональные меры урегулирования при условии уведомления Совета Безопасности⁶. Российская Федерация действительно информировала ООН о развёртывании контингента, однако не добивалась утверждения мандата, опасаясь блокировки со стороны западных государств. Подобная правовая конструкция, характерная и для других российских операций в СНГ (Приднестровье, Южная Осетия), обеспечивает оперативность и гибкость, но лишает миссию международного статуса и институциональной поддержки.

Организационная структура контингента включала штаб, инженерные и медицинские подразделения, силы разминирования и патрульные группы. При штабе действовали отделы гражданско-военного взаимодействия, занимавшиеся гуманитарной помощью, обеспечением эвакуации и восстановлением инфраструктуры. В первые месяцы миссии российские военные очистили от мин десятки квадратных километров территории, восстановили электроснабжение и дороги в районах Степанакерта и Шуши [Гаспарян, Скаков 2023].

Особое значение имел институт Совместного центра с Турцией [Paparazian 2023]. Он выполнял функцию мониторинга, опираясь на данные беспилотных летательных аппаратов и прямую связь со штабом в Ханкенди. Однако формально центр не имел права вмешиваться в деятельность российских подразделений, что отражало компромисс между Москвой и Анкарой. Для Азербайджана турецкое участие служило гарантией баланса, тогда как для Армении вызывало опасения усиления противника [Привалов 2023].

В целом институциональная структура миссии демонстрировала типичные черты «асимметрического миротворчества»: доми-

⁶ Минобороны раскрыло детали о миротворческой миссии РФ в Карабахе // Известия. 10.11.2020 (пересказ пресс-релиза). URL: <https://iz.ru/1084929/2020-11-10/minoborony-raskrylo-detali-o-mirotvorcheskoi-missii-rf-v-karabakhe> (дата обращения: 12.10.2025).

нирование одной державы-посредника, ограниченный правовой мандат и зависимость от политической воли сторон конфликта. Это обстоятельство во многом предопределило ее эффективность и последующее сворачивание.

Оценка эффективности российской миротворческой миссии

Эффективность миротворческих операций традиционно оценивается по совокупности военных, политико-дипломатических, правовых и гуманитарных критериев [Малышев 2022]. В применении к карабахской миссии ключевыми являются четыре измерения: обеспечение прекращения огня, поддержание политической стабильности, защита населения и институциональная устойчивость.

С точки зрения военной эффективности миссия в первые два года справлялась со своими задачами⁷. После размещения контингента интенсивность вооруженных столкновений резко снизилась; были ликвидированы линии фронта и обеспечен контроль над Лачинским коридором. По данным Министерства обороны РФ, к 2022 г. через территорию, контролируемую российскими военными, безопасно вернулись более 50 тыс. беженцев, восстановлена работа школ и больниц. Этот этап можно оценить как успешный с точки зрения стабилизации обстановки и предотвращения гуманитарной катастрофы.

Политическая эффективность оказалась ограниченной. Миссия не смогла стать устойчивым посредником между Ереваном и Баку, поскольку ее мандат не предусматривал институционализированных переговорных механизмов⁸. Контакты между сторонами осуществлялись преимущественно при посредничестве Москвы, но без формального участия миротворческого штаба. В результате в 2022–2023 гг. возобновились инциденты на линии соприкосновения и блокада Лачинского коридора, что свидетельствовало о снижении доверия к российскому присутствию.

⁷ Специалисты Минобороны РФ разминировали еще 260 га территории в Карабахе. Минобороны РФ. 23.11.2020. URL: <https://iz.ru/1103418/2020-12-23/spetsialisty-minoborony-rf-razminiroyali-eshche-260-ga-territorii-v-karabakhe> (дата обращения: 12.10.2025).

⁸ Foreign Ministry statement on the situation in and around Nagorno-Karabakh. 20.09.2023. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1905169/ (дата обращения: 15.10.2025).

Гуманитарная составляющая миссии первоначально рассматривалась как приоритет. Российский гуманитарный центр обеспечивал доставку продовольствия, медикаментов, а также координировал деятельность инженерных подразделений. Тем не менее в 2023 г. доступ международных организаций, включая Международный комитет Красного Креста, к Карабаху был ограничен, а координация действий с ООН практически отсутствовала⁹. Это усилило критику со стороны армянского населения, видевшего в миссии недостаточную защиту своих интересов.

Юридическая и институциональная эффективность миссии вызывала наибольшие сомнения. Отсутствие международного мандата означало, что деятельность российских военных не была встроена в систему международного контроля и отчетности. Как отмечает З. Манукян, российская модель миротворчества основывается не на институциональной подконтрольности, а на политической целесообразности, что обеспечивает оперативность, но снижает устойчивость миссий. В случае Карабаха это проявилось в зависимости миссии от политических решений Баку, который в 2023 г. неоднократно выражал недовольство деятельностью российского контингента и в итоге отказался от продления мандата [Manukyan 2024].

Сравнение миссии с предыдущими российскими операциями (в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье) показывает, что институциональная стабильность достигается только при наличии долгосрочного статус-кво и наличии внутреннего актора, опирающегося на российское покровительство. В Карабахе же такого субъекта фактически не осталось после осенней операции Азербайджана 2023 г., что сделало присутствие российских сил бессмысленным.

Некоторые авторы отмечают, что миссия была задумана как временный инструмент для фиксации новых политических реалий, а не как механизм урегулирования конфликта. Таким образом, ее ограниченная результативность отражала не просчеты командования, а особенности политического замысла. Россия решала задачу быстрого прекращения боевых действий, но не предполагала формирование международно признанного режима безопасности.

С позиции международного права миссия способствовала реализации норм гуманитарного права – защите гражданского

⁹ Foreign Ministry statement regarding an address by the Prime Minister of the Republic of Armenia, Nikol Pashinyan, and the situation around Nagorno-Karabakh. 25.09.2023. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1906229/ (дата обращения: 15.10.2025).

населения и обеспечению безопасного выхода вооруженных формирований. При этом отсутствие формализованных соглашений с ООН или ОБСЕ ограничило возможности мониторинга и привлечения внешних доноров к восстановлению региона.

В целом институциональная эффективность российской миссии может быть охарактеризована как *оперативно высокая, но стратегически низкая*. Контингент выполнил непосредственные задачи по прекращению войны, однако не создал устойчивых структур поддержания мира. Главной причиной этого стала зависимость миссии от политического контекста и отсутствие правовой универсализации ее мандата.

Региональные и геополитические последствия миссии

Завершение российской миротворческой операции в Карабахе весной 2024 г. имело широкий резонанс, превратившись в символ трансформации российской роли на Южном Кавказе¹⁰. Для Азербайджана вывод контингента стал подтверждением суверенитета и восстановления территориальной целостности. Для Армении – болезненным сигналом ослабления союзнических гарантий и необходимости пересмотра внешнеполитического курса.

Региональные последствия миссии можно рассматривать через призму изменения архитектуры безопасности. Россия на протяжении трех десятилетий выступала основным посредником и гарантом мира в регионе. Однако после 2020 г. ее ресурсы оказались ограничены как внутренними факторами, так и международным давлением. Активизация Турции и появление новых транспортных проектов (Зангезурский коридор) сместили баланс сил, усилив позиции Баку и Анкары.

Многие исследователи указывают, что миссия в Карабахе стала своеобразным поворотным пунктом российской политики в Южном Кавказе. По мнению М. Вардазаряна, после 2020 г. Москва пыталась сохранить контроль над процессом урегулирования, но в условиях растущей конкуренции с Турцией и Западом утратила

¹⁰ Osborn A., Bagirova N. Russian peacekeepers start withdrawing from Azerbaijan's Karabakh region // Reuters. 17 Apr. 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russian-peacekeepers-have-begun-withdrawing-azerbajians-karabakh-says-kremlin-2024-04-17/> (дата обращения: 18.10.2025).

монополию на миротворчество¹¹. В результате Россия оказалась в положении участника, а не арбитра конфликта [Vardazaryan 2024].

Для Армении последствия миссии выражаются в усилении внешнеполитического плюрализма: Ереван активизировал контакты с ЕС, Францией и США, стремясь диверсифицировать источники безопасности. Это свидетельствует о кризисе прежней модели союзничества в рамках ОДКБ, где гарантии безопасности во многом ассоциировались именно с миротворческим потенциалом России [Iskandarov 2025].

С точки зрения международного сообщества, миссия России в Нагорном Карабахе 2020–2024 гг. демонстрировала новые реалии регионального миротворчества, в которых основным фактором является политическая целесообразность действий, а не институциональная универсальность. Анализ зарубежных публикаций показывает, что внешние наблюдатели рассматривают миссию как временный стабилизатор конфликта, способный сдерживать эскалацию, но не формирующий долгосрочный режим безопасности. При этом Россия получила дополнительный опыт координации действий с партнерами в регионе, прежде всего с Турцией, что открывает новые перспективы для совместных миротворческих проектов, но также повышает риски конкуренции за влияние [Selim, Tüysüzoglu 2023].

Влияние миссии на региональный баланс сил проявилось в том, что Баку усилил контроль над стратегически важными транспортными коридорами, а Армения была вынуждена искать новые внешнеполитические опоры. С точки зрения Москвы, миссия позволила сохранить стратегическое присутствие и влияние в регионе, но ограниченные временные рамки и политическая зависимость от сторон конфликта снизили ее долгосрочную институциональную эффективность [Manukyan 2024].

Таким образом, российская миротворческая миссия в Карабахе 2020–2024 гг. стала важным, но ограниченным инструментом обеспечения региональной безопасности. Она продемонстрировала способность России быстро реагировать на кризис, организовывать развертывание контингента и координировать действия с партнерами, однако отсутствие международного мандата и ограниченность институциональных механизмов привели к ограниченному стратегическому эффекту.

¹¹ Ceasefire monitoring centre in Nagorno-Karabakh shuts as Russian peacekeepers withdraw // CaucasusWatch. 26.04.2024. URL: <https://caucasuswatch.de/en/news/turkey-russia-joint-monitoring-centre-in-aghdam-officially-closed.html> (дата обращения: 18.10.2025).

Заключение

Проведенное исследование показало, что миротворческая миссия России в Нагорном Карабахе 2020–2024 гг. была эффективна в оперативной, гуманитарной и частично военной сферах, но не смогла создать устойчивый институциональный механизм урегулирования конфликта. Основными причинами ограниченной эффективности стали отсутствие международного мандата, политическая зависимость от сторон конфликта и недостаточная интеграция в международные структуры.

Институциональная эффективность миссии проявлялась в способности быстро развернуть контингент, обеспечить контроль над линией соприкосновения и Лачинским коридором, а также создать условия для временного возвращения беженцев и восстановления базовой инфраструктуры. В то же время стратегическая эффективность оставалась низкой: миссия не способствовала формированию долгосрочного режима безопасности и не обеспечила устойчивого посредничества между сторонами конфликта.

Фактическое и юридическое прекращение существования Нагорного Карабаха как субъекта, за которым последовала полная интеграция его территории в состав Азербайджана, подвело черту под военной фазой конфликта, однако открыло новый, не менее сложный этап – этап постконфликтного урегулирования. Миротворческая миссия России, выполнившая тактическую задачу по прекращению боевых действий в 2020 г., в новых исторических условиях утратила свое первоначальное содержание. Сегодня регион вступил в фазу «холодного мира», где основная борьба сместилась из военной плоскости в дипломатическую, экономическую и гуманитарную сферы.

Современная ситуация определяется разнонаправленными подходами сторон. Азербайджанская Республика исходит из принципа окончательного разрешения конфликта и настаивает на заключении двустороннего мирного договора с Арменией, предусматривающего взаимное признание территориальной целостности [Iskandarov 2025]. Ключевым условием Баку выступает внесение изменений в конституционно-правовую базу Армении для исключения любых потенциальных территориальных претензий.

Позиция Армении отличается внутренней противоречивостью, обусловленной необходимостью адаптации к последствиям военного поражения и массового исхода армянского населения. Официальный Ереван демонстрирует готовность к делимитации границ и нормализации отношений, однако общественные настроения и политический дискурс характеризуются разочарованием

в эффективности прежних союзнических обязательств и поиском новых внешнеполитических ориентиров [Sukiasyan, Davtyan 2025].

Российская Федерация, утратив механизм прямого военного присутствия в зоне конфликта, стремится сохранить статус переговорной площадки и адаптироваться к усилению роли западных акторов (ЕС, США). Происходит эрозия прежней модели российско-армянского взаимодействия, что снижает потенциал Москвы как гаранта стабильности [Abushov, Babayev 2025]. В числе актуальных проблем, препятствующих окончательной нормализации, выделяются вопросы сохранения армянского культурно-исторического наследия на территории бывшей НКАО, гуманитарное положение и перспективы возвращения беженцев. Например: сообщения о повреждении памятников архитектуры формируют устойчивый фон взаимного недоверия и создают имиджевые риски для Азербайджана на международной арене [Sahakyan, Kartashyan 2025].

Региональные последствия миссии выражаются в изменении баланса сил на Южном Кавказе, усилении роли Турции и ограничении влияния России на процессы урегулирования. Для Армении вывод российских миротворцев стал сигналом необходимости переориентации внешнеполитического курса, а для Азербайджана – подтверждением собственной военной и политической инициативы. В целом миссия 2020–2024 гг. демонстрирует, что российская модель регионального миротворчества способна оперативно стабилизировать кризисные ситуации, но требует более широкого институционального оформления и координации с международными структурами для достижения стратегической эффективности.

Литература

- Борисов 2023 – *Борисов Н.А.* Тридцать лет постсоветских исследований в российской политической науке: тренды и перспективы // Политическая наука. 2023. № 4. С. 15–55. DOI: 10.31249/poln/2023.04.01
- Гаспарян, Скаков 2023 – *Гаспарян Р.Э., Скаков А.Ю.* Российская миротворческая операция в Нагорном Карабахе (анализ 2020–2023) // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3 (9). С. 34–46. DOI: 10.53658/RW2023-3-3(9)-34-46
- Малышев 2022 – *Малышев Д.В.* Миротворчество на постсоветском пространстве: Нагорный Карабах и Казахстан // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3 (56). С. 120–132. DOI: 10.20542/2073-4786-2022-3-120-132
- Привалов 2023 – *Привалов В.А.* Нагорно-Карабахский конфликт: особенности процесса международного урегулирования и участие в нем России (1991–2022) // Государственное управление: Электронный вестник. 2023. № 96. С. 134–147. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-134-147

- Тонкошкур, Шигин 2022 – *Тонкошкур В.П., Шигин А.В.* Нагорный Карабах: российская миротворческая операция // Военная мысль. 2022. № 4. С. 44–50.
- Чолахян 2021 – *Чолахян В.А.* Международное участие в разрешении конфликта в Нагорном Карабахе в 1990–2020 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 365–378. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378
- Abbas 2024 – *Abbas H.* The main stages of the Armenian-Azerbaijani conflict and the consequences of the conflict // Academic Journal of History and Idea. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 63–72. DOI: 10.46868/atdd.2024.648
- Abushov, Babayev 2025 – *Abushova K., Babayev A.* Diminishing justice and third-party intervention: Explaining Russia's impartial stance during the 2020 Karabakh war // Problems of Post-Communism. 2025. Vol. 72. No. 2. P. 177–187. DOI: 10.1080/10758216.2024.2329881
- Anggraeni 2022 – *Anggraeni S.K.* Analyzing Russia's interests in the 2020 Nagorno-Karabakh ceasefire agreement // Journal Hubungan Internasional. 2022. No. 15. P. 338–354. DOI: 10.20473/jhi.v15i2.35864
- Broers 2015 – *Broers L.* From “frozen conflict” to enduring rivalry: Reassessing the Nagorno Karabakh conflict // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43. No. 4. P. 556–576. DOI: 10.1080/00905992.2015.1042852
- Davtyan 2024 – *Davtyan E.* Lessons that lead to war: Foreign policy learning and military escalation in the Nagorno-Karabakh conflict // Problems of Post-Communism. 2024. Vol. 71. No. 1. P. 26–36. DOI: 10.1080/10758216.2023.2183410
- Ferner 2023 – *Ferner P.* Peace unwanted? The frozen conflict of Nagorno-Karabakh revisited // Global South Review. 2023. Vol. 2. No. 1. P. 37–50. DOI: 10.22146/globalsouth.28850
- Hassan 2024 – *Hassan S.H.* Regional and international interventions in the Nagorno-Karabakh crisis // The International and Political Journal. 2024. No. 64. P. 441–458. DOI: 10.31272/ipj.i64.498
- Iskandarov 2025 – *Iskandarov K.* The military diplomacy and conflict resolution: Negotiation dynamics in the Second Karabakh War // Social Development and Security. 2025. No. 3. P. 1–10. DOI: 10.33445/sds.2025.15.3.1
- Kazbek 2022 – *Kazbek B.* The 2020 Russian peacekeeping: Geopolitical implications for the South Caucasus' // Defence Horizon Journal. 2022. March 14. URL: <https://tdhj.org/blog/post/russian-peacekeeping-gabala-2020/> (дата обращения 16.10.2025).
- Manukyan 2024 – *Manukyan Zh.* Russia's foreign policy in the South Caucasus in the context of increasing new regional competition // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. 2024. Vol. 3. No. 8. P. 28–41. DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.8.028
- Papazian 2023 – *Papazian H.* Turkey and “Turks” in postwar Armenia: Anxieties, meanings, and politics after the 2020 Karabakh war // Ethnopolitics. Vol. 23. No. 828. P. 1–22. DOI: 10.1080/17449057.2023.2176587

- Sahakyan, Kartashyan 2025 – *Sahakyan N., Kartashyan A.* Shifts in Azerbaijani discourse: Heydar Aliyev's rhetorical transformation in the Nagorno-Karabakh conflict negotiation process // *Small Wars & Insurgencies*. 2025. Vol. 36. No. 3. P. 529–551. DOI: 10.1080/09592318.2024.2443297
- Selim, Tüysüzöğlu 2023 – *Selim K., Tüysüzöğlu G.* Is Nagorno-Karabakh no longer a frozen conflict zone after the 2020 war? // *International Journal Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2023. Vol. 78. No. 1–2. DOI: 10.1177/00207020231179048
- Sukiasyan, Davtyan 2025 – *Sukiasyan N., Davtyan E.* The South Caucasus reconstructed: Polarity and regional security order after the Nagorno-Karabakh war in 2020 // *The International Spectator*. Vol. 60. No. 4. P. 120–137. DOI: 10.1080/03932729.2025.2500407
- Vardazaryan 2024 – *Vardazaryan M.* The Second Karabakh War and the dynamics of relations between the Republic of Armenia and the Russian Federation // *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*. 2024. Vol. 3. No. 7. P. 24–36. DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.7.024

References

- Abbas, H. (2024), “The main stages of the Armenian-Azerbaijani conflict and the consequences of the conflict”, *Academic Journal of History and Idea*, vol. 11, no. 1, pp. 63–72, DOI: 10.46868/atdd.2024.648
- Abushov, K. and Babayev, A. (2025), “Diminishing justice and third-party intervention: Explaining Russia's impartial stance during the 2020 Karabakh war”, *Problems of Post-Communism*, vol. 72, no. 2, pp. 177–187, DOI: 10.1080/10758216.2024.2329881
- Anggraeni, S.K. (2022), “Analyzing Russia's interests in the 2020 Nagorno-Karabakh ceasefire agreement”, *Journal Hubungan Internasional*, no. 15, pp. 338–354, DOI: 10.20473/jhi.v15i2.35864
- Borisov, N.A. (2023), “Thirty years of post-Soviet research in Russian political science: trends and prospects”, *Politicheskaya nauka*, no. 4, pp. 15–55, DOI: 10.31249/poln/2023.04.01
- Broers, L. (2015), “From ‘frozen conflict’ to enduring rivalry: Reassessing the Nagorny Karabakh conflict”, *Nationalities Papers*, vol. 43, no. 4, pp. 556–576, DOI: 10.1080/00905992.2015.1042852s
- Cholakhyan, V.A. (2021), “International participation in the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict in 1990–2020”, *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 21, no. 3, pp. 365–378, DOI 10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378
- Davtyan, E. (2024), “Lessons that lead to war: Foreign policy learning and military escalation in the Nagorno-Karabakh conflict”, *Problems of Post-Communism*, vol. 71, no. 1, pp. 26–36, DOI: 10.1080/10758216.2023.2183410

- Ferner, P. (2023), "Peace unwanted? The frozen conflict of Nagorno-Karabakh revisited", *Global South Review*, vol. 2, no. 1, pp. 37–50, DOI: 10.22146/global-south.28850
- Gasparyan, R.E. and Skakov, A.Yu. (2023), "Russian peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh (2020–2023)", *Russia and World: Scientific Dialogue*, vol. 9, no. 3, pp. 34–46. DOI: 10.53658/RW2023-3-3(9)-34-46
- Hassan, S.H. (2024), "Regional and international interventions in the Nagorno-Karabakh crisis", *The International and Political Journal*, no. 64, pp. 441–458, DOI: 10.31272/ipj.i64.498
- Iskandarov, K. (2025), "The military diplomacy and conflict resolution: Negotiation dynamics in the Second Karabakh War", *Social Development and Security*, no. 3, pp. 1–10, DOI: 10.33445/sds.2025.15.3.1
- Kazbek, B. (2022), "The 2020 Russian peacekeeping: Geopolitical implications for the South Caucasus", *Defence Horizon Journal*, March 14, available at: <https://tdhj.org/blog/post/russian-peacekeeping-gabala-2020/> (Accessed 16 Oct. 2025).
- Malyshev, D.V. (2022), "Peacekeeping in the post-Soviet space: Nagorno-Karabakh and Kazakhstan", *Russia and New States of Eurasia*, vol. 56, no. 3, pp. 120–132, DOI: 10.20542/2073-4786-2022-3-120-132
- Manukyan, Zh. (2024), "Russia's foreign policy in the South Caucasus in the context of increasing new regional competition", *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*, vol. 3, no. 8, pp. 28–41, DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.8.028
- Papazian, H. (2023), "Turkey and 'Turks' in postwar Armenia: Anxieties, meanings, and politics after the 2020 Karabakh war", *Ethnopolitics*, vol. 23, no. 828, pp. 1–22, DOI: 10.1080/17449057.2023.2176587
- Privalov, V.A. (2023), "The Nagorno-Karabakh conflict: Particularities of international settlement process and Russia's involvement in it (1991–2022)", *Public Administration. E-journal*, no. 96, pp. 134–147, DOI: 10.24412/2070-1381-2023-96-134-147
- Sahakyan, N. and Kartashyan, A. (2025), "Shifts in Azerbaijani discourse: Heydar Aliyev's rhetorical transformation in the Nagorno-Karabakh conflict negotiation process", *Small Wars & Insurgencies*, vol. 36, no. 3, pp. 529–551, DOI: 10.1080/09592318.2024.2443297
- Selim, K. and Tüysüzöğlu, G. (2023), "Is Nagorno-Karabakh no longer a frozen conflict zone after the 2020 war?", *International Journal Canada's Journal of Global Policy Analysis*, vol. 78, no. 1–2, DOI: 10.1177/00207020231179048
- Sukiasyan, N. and Davtyan, E. (2025), "The South Caucasus reconstructed: Polarity and regional security order after the Nagorno-Karabakh war in 2020", *The International Spectator*, vol. 60, no. 4, pp. 120–137, DOI: 10.1080/03932729.2025.2500407
- Tonkoshkurov, V.P. and Shigin, A.V. (2022), "Nagorny Karabakh: the Russian peacekeeping operation", *Voennaya mysl*, no. 4, pp. 44–50.
- Vardazaryan, M. (2024), "The Second Karabakh War and the dynamics of relations between the Republic of Armenia and the Russian Federation", *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*, vol. 3, no. 7, pp. 24–36, DOI: 10.46991/JOPS/2024.3.7.024

Информация об авторе

Владислав В. Зайковский, АО «Альфа-Банк», Москва, Россия; 115432, Россия, Москва, пр-кт Андропова, д. 18; zaikoffsky@gmail.com

Information about the author

Vladislav V. Zaykovsky, AO "Alfa-Bank", Moscow, Russia; 18, Andropova Av., Moscow, Russia, 115432; zaikoffsky@gmail.com

Политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 323.1:304(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-193-207

Перспективы применения социальной архитектуры в сфере межнациональных отношений в России

Дмитрий М. Погорельский

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, dpogorelskiy@gmail.com*

Аннотация. Институционализация социальной архитектуры и научное изучение данного феномена находятся в процессе становления. Это обуславливает новизну работы, которая заключается в рассмотрении потенциала социальной архитектуры при реализации отраслевых политик. Статья посвящена изучению применения возможностей социальной архитектуры, как нового направления социально-политической деятельности, в сфере межнациональных отношений в России. Придерживаясь проектного подхода к формированию и реализации государственной политики и опираясь на актуальные экспертные дискуссии о месте и роли социальной архитектуры, автор предпринимает попытку определить круг тех задач, при решении которых она могла бы быть востребована. Среди них указываются междисциплинарные задачи, находящиеся на пересечении с государственной культурной политикой, государственной политикой в области исторического просвещения и другими отраслевыми политиками. В качестве конкретных направлений работы автор считает обоснованным выделять проектирование новых форматов межгруппового межэтнического взаимодействия, построение устойчивых местных сообществ, брендинг регионов. Особое внимание также уделяется ограничениям, которые целесообразно учитывать при реализации общественных проектов. Эти ограничения связаны с характером работы профильных органов публичной власти и потребностью адаптации социальной архитектуры к существующим управленческим процессам.

Ключевые слова: конструктивизм, социальная архитектура, социальные технологии, политическое проектирование, этнополитический процесс, государственная национальная политика, гражданское общество, межэтническое согласие

© Погорельский Д.М., 2026

Для цитирования: Погорельский Д.М. Перспективы применения социальной архитектуры в сфере межнациональных отношений в России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 193–207. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-193-207

Prospects for the application of social architecture in the field of interethnic relations in Russia

Dmitrii M. Pogorelskii

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, dpogorelskiy@gmail.com*

Abstract. Institutionalization of social architecture and scientific study of this phenomenon are in the process of formation. The article deals with the potential of social architecture in implementing sectoral policies. The author's purpose is to study the application of the possibilities of social architecture as a new direction of socio-political activity in the interethnic relations field in Russia. The author adheres to a project approach to the formation and implementation of state policy and relies on current expert discussions about the place and role of social architecture. On their basis, the author attempts to determine the range of tasks for which it could be used. Among them are interdisciplinary tasks that intersect with state cultural policy, state policy in the field of historical education and other sectoral policies. The author considers it appropriate to highlight the design of new formats of intergroup interethnic interaction, the construction of sustainable local communities, regional branding as specific areas of work. Particular attention is also paid to the limitations that should be taken into account when implementing social projects. These limitations are related to the nature of activities of authorities and the need to adapt the social architecture to existing management processes.

Keywords: constructivism, social architecture, social technologies, political projection, ethnopolitical process, nationalities policy, civil society, interethnic harmony

For citation: Pogorelskii, D.M. (2026), "Prospects for the application of social architecture in the field of interethnic relations in Russia", *RSUH/RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 193–207, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-193-207

Введение

В настоящее время в профессиональном и академическом сообществе, таких площадках, как Петербургский международ-

ный экономический форум и Восточный экономический форум, ведутся активные дискуссии о месте социальной архитектуры, ее содержании и миссии¹. Участники обсуждений подчеркивают объективный характер ее появления, обусловленный увеличением числа участников выработки и реализации политики, недоверием общества к формальным институтам, развитием социального капитала. По их мнению, выделение социальной архитектуры в качестве нового направления прикладной работы обосновано развитием российской политической системы, наличием запроса на реализацию социально значимых проектов, потребностью в формировании и корректировке образа будущего². Экспертами приводится ряд связанных с этим факторов, среди которых социальные сдвиги, проявляющиеся вследствие экономических изменений; ускоренное разрушение социальных институтов и ценностей; демографический переход и другие³. Также начался процесс институционализации социальной архитектуры как программы обучения в университетах⁴, что может свидетельствовать о ее дальнейшем теоретико-методологическом развитии. В связи с этим, учитывая многообразие общественных отношений и неспособность централизованных и высоко иерархичных структур к быстрой адаптации к изменениям среды, социальная архитектура имеет потенциал для удовлетворения потребности негосударственных акторов в диалоге и разнообразных формах взаимодействия с государством в процессе исполнения им его функций.

¹ Социальная архитектура – новое слово социогуманитарных исследований. URL: <https://www.rsuh.ru/news/indexpage/sotsialnaya-arkhitektura-novoe-slovo-sotsiogumanitarnykh-issledovaniy> (дата обращения: 09.08.2025); Социальная архитектура: практики взаимодействия власти, бизнеса и граждан для решения общественно значимых задач регионов. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2025-delovaya-programma-sotsialnaya-arkhitektura-praktiki-vzaimodeystvie-vlasti-biznesa-i-grazhdan-dlya-reshenii-obshchestve/about> (дата обращения: 09.08.2025).

² «Социальная архитектура – профессия будущего»: в Севастополе обсудили подготовку управленцев нового типа. URL: <https://eissr.ru/news-and-announcements/sotsialnaya-arkhitektura-professiya-budushchego> (дата обращения: 09.08.2025).

³ Социальная архитектура: что это такое и зачем нам это нужно? URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/socialnaja-arkhitektura-cto-eto-takoe-i-zachem-nam-eto-nuzhno> (дата обращения: 09.08.2025).

⁴ Российские вузы займутся подготовкой «социальных архитекторов». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7801486> (дата обращения: 09.08.2025).

Национальная политика и социальная архитектура: точки сопряжения

Анализируя ход текущих обсуждений, можно заключить, что социальная архитектура имеет ряд сходств и различий с традиционными политическими технологиями. Как и последние, она может быть использована при исследовании и прогнозировании социально-политических процессов; анализе общественного мнения; выстраивании и поддержании коммуникации между властью, бизнесом и обществом; предотвращении и профилактике конфликтных ситуаций; адаптации институтов к скорости социальных изменений. Однако социальная архитектура позиционируется в качестве метода управления общественными проектами, «при котором локальные сообщества рассматриваются не просто как выгодоприобретатели, а именно как соавторы и соучастники позитивных изменений»⁵. Экспертами подчеркивается ее социальная направленность, состоящая в возможности запускать устойчивые и долгосрочные изменения в целях решения актуальных проблем «на земле» и, как итог, повышать уровень жизни граждан. Ввиду этого важной теоретической и практической задачей становится интеграция социальной архитектуры как направления профессиональной деятельности в процесс реализации отдельных отраслевых политик, в частности государственной национальной политики.

Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации ее приоритетными направлениями являются укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных духовно-нравственных ценностей; сохранение этнокультурного и языкового многообразия России; обеспечение межнационального и межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму и возникновению конфликтов на национальной и религиозной почве и т. д. Исходя из этого неполного списка, можно заключить, что реализация национальной политики выходит далеко за рамки политических технологий, требует применения широкого спектра социальных технологий, направленных на достижение общественного блага и имеющих долгосрочный характер. Среди требующих постоянного внимания задач можно назвать: реагирование на кризисные ситуации в СМИ и социальных сетях, разрешение конфликтов, противодействие попыткам деструктивного внешнего воздействия, работу с исторической

⁵ Социальная архитектура как технология акселерации развития среды российских регионов. URL: https://raso.ru/social_architecture/1 (дата обращения: 09.08.2025).

памятью народов России⁶. С различной степенью эффективности они уже решаются работой с политическими мифами и символами, в том числе ритуалами, праздниками, образами, инструментарием политических технологий, которые обеспечивают консолидацию многонационального народа России и эффективное взаимодействие с обществом [Нигматуллина 2021, с. 24].

С точки зрения целеполагания и формулирования стратегических ориентиров национальная политика имеет политический характер, касается вопросов достижения и удержания власти, ее легитимации. В свою очередь, на прикладном уровне она включает в свой состав конкретные мероприятия и измеримые индикаторы, зафиксированные в государственных программах и других подобных документах. Именно на этом уровне реализуются те или иные проекты и инициативы. Существованием этих двух уровней обусловлена потребность в нахождении точек соприкосновения между социальной архитектурой, преимущественно развивающейся в рамках предметного поля политической науки, и самой национальной политикой.

Последняя может определяться не только в качестве одной из отраслевых государственных политик, но и как политика, выходящая за пределы сферы межнациональных отношений и воздействующая на процессы, протекающие в политической и духовной сферах. Это обусловлено тем, что формируемые и реализуемые в рамках национальной политики приоритеты и принципы становятся особыми элементами государственной политики и по другим направлениям. В связи с этим особую востребованность социальная архитектура может приобрести за пределами национальной политики как отраслевой политики, в пространстве ее сопряжения с другими смежными политиками, а именно государственной культурной политикой, государственной молодежной политикой, государственной политикой в области исторического просвещения, государственной политикой по сохранению и укреплению традиционных ценностей и некоторых других.

Примером подобной междисциплинарной и сложной задачи выступает разработка общероссийского исторического нарратива и согласование его с образом будущего. Дело в том, что, несмотря на многочисленные усилия органов государственной власти и институтов гражданского общества, уровень разработанности истории межэтнических взаимоотношений на всем протяжении

⁶ Реализация государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации: сб. справочно-методических материалов / ред. А.Ю. Полунув, В.А. Сажина. М.: Изд-во Дубровин С.В., 2023.

существования и развития России достаточно низок [Полунов 2023]. Это ведет к недостаточно эффективному использованию его положительного потенциала, ограничению ресурсов укрепления гражданского самосознания и просвещения. Поскольку российское общество представляет собой не исключительно гражданское и надэтническое сообщество, но также опирается на этнокультурную основу, другой задачей может стать планирование и реализация инициатив, направленных на укрепление российского цивилизационного проекта и согласование его с потребностями российской гражданской нации.

Можно говорить и о роли национальной политики во внешне-политическом целеполагании, которое включает вопросы гуманитарного взаимодействия, межкультурной коммуникации [Коньков 2023, с. 315]. Наследие многонационального народа России и сама модель российского полиэтноконфессионального общества стали компонентами «мягкой силы», описанными в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Это предполагает использование инструментов поддержания гармоничного состояния межнациональных и межконфессиональных отношений на внешнем контуре, что также может стать предметом работы социальной архитектуры.

Социальная архитектура и межэтнические отношения: возможности и ограничения

Если понимать под ней не просто совокупность политических и социальных технологий, использующих достижения в области коммуникаций, психологии и маркетинга, а качественно новый подход к проектированию общественно-политических процессов, то может быть сформулирован ряд перспективных задач. Учитывая, что основными факторами конфликтогенности этнополитического процесса все чаще выступают не социокультурные, а социально-экономические и политико-экономические факторы [Цыбаков 2024, с. 44], в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений подход социальной архитектуры, по мнению автора, был бы более востребован при достижении нетривиальных и междисциплинарных целей. Так, она могла бы предложить качественно новые решения при проектировании форматов межгруппового межэтнического взаимодействия, построении моделей устойчивых к внешним и внутренним вызовам сообществ. Полем для работы должны выступить крупные города, поскольку, как показывают исследования, пока слабо разработана этнополитическая проблема-

тика этих пространств, связанная с концентрацией в них мигрантов, управлением культурным разнообразием и работой с низовой гражданской активностью [Паин 2024, с. 370–371]. Также возможным направлением выступает брендинг регионов, в котором принимают участие органы власти, бизнес, СМИ, общественные организации и само население. При этом брендинг способствует укреплению не только региональной, но и общероссийской гражданской идентичности, является механизмом поддержания консолидации социума [Киреева, Куква, Шадже 2024].

Социальная архитектура могла бы стать дополнением к механизму межсекторного социального партнерства, в рамках которого органы власти, бизнес-сектор и институты гражданского общества разрабатывают и реализуют совместные мероприятия и акции локального и регионального уровня, нацеленные на решение социально значимой проблемы или удовлетворение определенной потребности. Таким образом может быть разработана платформа для обмена лучшими практиками, механизм их масштабирования и адаптации к различным условиям. Для этого целесообразна более глубокая интеграция достижений современных этнополитологии и этносоциологии в процесс проектирования социальных процессов, поскольку работа в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, реализация проектов этнокультурной направленности требуют высокого уровня подготовки в области истории, конфликтологии и ряда других отраслей знания.

При этом стоит отметить наличие ограничения, налагаемого на возможности применения социальной архитектуры. Последняя непосредственно связана с понятиями «политический проект» и «политическое проектирование». Эти термины могут быть концептуализированы различным образом в зависимости от избранной исследователем теоретико-методологической рамки [Грачев и др. 2013]. В контексте настоящей статьи стоит отметить, что проект существует как на идейном, так и на практическом уровне [Горбачев 2020, с. 27]. Первый из них представляет набор идей и ценностей, а второй включает инструментарий, привлекаемый для решения проблемы. Иными словами, неотъемлемыми частями проекта выступают как образ социально-политических изменений, так и комплекс конкретных целей, задач, принципов и т. д. [Гаджиев, Шушпанова 2023, с. 157]. Применение наработок социальной архитектуры не должно вести к уверенности в неограниченном проектировании идей и ценностей, радикальному конструктивизму. Национальная политика преследует цель укрепления российской гражданской идентичности и единства российской нации, но также стремится сохранять и поддерживать уникальное этнокультурное

и языковое многообразие России. Имеет место сосуществование подходов к пониманию России как нации и как цивилизации [Тишков 2023, с. 66], в состав которой входят исторические сложившиеся этнические общности. Попытки воздействия на эти объекты, сформированные в рамках примордиалистской парадигмы, могут привести к их отвержению и конфликтам.

Поскольку социальная архитектура делает особый акцент на важности низовой инициативы и привлечения корпоративных структур и гражданского общества, она соответствует ценностям публичной политики. В ее рамках государственные и негосударственные субъекты совместно формируют публичную сферу и участвуют в реализации интересов различных групп. Соответственно, для раскрытия возможностей социальной архитектуры потребуются изменения характера работы профильных органов власти, которые нивелируют или хотя бы снизят существующие препятствия и ограничения. Многие из них подробно описаны в литературе [Бахлов, Бахлова 2019; Волков, Денисова, Лубский 2017; Знаменский, Воробьев 2024]. Среди них можно упомянуть слабые каналы получения обратной связи от гражданского общества; частое реактивное принятие решений в режиме ручного управления; ориентация на учет количественных показателей в ущерб качественным; низкий уровень отдельных управленческих процессов (прогнозирование, управление рисками); недостаточный уровень компетентности государственных и муниципальных служащих.

Несмотря на эти ограничения, стоит отметить, что в России существуют как организационно-правовые и экономические условия для реализации проектов, так и необходимая инфраструктура, которую образует сеть организаций этнокультурного сектора (этномедиа, национально-культурные автономии различного уровня и иные НКО) и государственных и муниципальных учреждений. В контексте проектирования долгосрочных изменений и их дальнейшей поддержки особую роль также должны сыграть общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные советы и другие консультативные органы при органах публичной власти всех уровней, а также научное и экспертное сообщество. Каждый из этих субъектов обладает своими ресурсами: человеческими (специалисты НКО с их опытом работы «на земле»), социальными (практики горизонтального сотрудничества), культурными (практики и нормы сотрудничества), интеллектуальными (знания) и другими. Эти ресурсы позволяют им претворять в жизнь собственные проекты и акции или поддерживать инициативы государства. Со своей стороны, оно оказывает финансовую поддержку через Фонд президентских грантов, Президентский фонд культурных инициа-

тив, грантовые конкурсы регионального и муниципального уровня. Так, одним из направлений конкурса, проводимых Фондом президентских грантов, выступает «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия». Победителями его первого конкурса 2025 г. стали семнадцать проектов, сумма поддержки составила более 79 млн рублей⁷.

Реализуя совместные проекты, вступая в иные интеракции, субъекты обмениваются требуемыми ресурсами в целях получения конкретных выгод. Виды подобных взаимодействий государственных и негосударственных субъектов по вопросам межнациональных отношений весьма разнообразны, активно появляются новые площадки взаимодействия, на которых заинтересованные стороны могут участвовать в политическом процессе. Так, с 2020 г. работает ФГБУ «Дом народов России», учредителем которого выступает Федеральное агентство по делам национальностей. Направлениями деятельности этого учреждения выступают содействие всестороннему участию НКО в осуществлении государственной национальной политики, проведение мероприятий, формирование и реализация проектов в сфере этнокультурного развития и другие⁸.

Другими важными компонентами описываемой инфраструктуры являются общероссийская общественно-государственная организация «Ассамблея народов России», созданная во исполнение соответствующего указа Президента РФ⁹, и Ресурсный центр в сфере национальных отношений. Последний выступает «базой по обеспечению сетевой связи между социально ориентированными НКО» и «механизмом распространения передового опыта в сфере этнокультурного сотрудничества, гармонизации межнациональных отношений, реализации государственной национальной и миграционной политики РФ»¹⁰. Примечательно, что одной из задач,

⁷ Подведены итоги первого в 2025 г. конкурса Фонда президентских грантов. URL: <https://nazaccent.ru/content/43420-podvedeny-itogi-pervogo-v-2025-godu-konkursa-fonda-prezidentskih-grantov/> (дата обращения: 09.08.2025).

⁸ Устав ФГБУ «Дом Народов России». URL: <https://domnarodov.ru/documents> (дата обращения: 09.08.2025).

⁹ Указ Президента РФ № 701 от 13 ноября 2020 г. «О создании Общероссийской общественно-государственной организации “Ассамблея народов России”». URL: <http://kremlin.ru/acts/news/64412> (дата обращения: 09.08.2025).

¹⁰ Положение о Ресурсном центре в сфере национальных отношений. URL: <https://ресурсныйцентр-анр.рф/russian-federation/polozhenie-o-centre> (дата обращения: 09.08.2025).

поставленной перед этой организацией, выступает обучение специалистов этнокультурного сектора технологиям социокультурного проектирования. Эта работа ведется в форматах семинаров и деловых игр, посвященных технологиям управления конфликтами, использованию информационных технологий, PR-сопровождению проектов. На основании изложенного можно констатировать, что в России сформировалась необходимая инфраструктура, способствующая активизации межсекторного взаимодействия, развитию диалоговых механизмов, повышению роли институтов гражданского общества.

Именно эти факторы являются решающими в контексте внедрения социальной архитектуры как специфического метода управления общественными проектами, основанного на внутреннем политическом проектировании. Отличие между внутренним и внешним типами проектирования заключается в их ориентации. В случае внешнего проектирования создается и описывается прообраз объекта, после чего осуществляется его имплементация. При внутреннем, субъектно ориентированном проектировании «конструирование политического объекта осуществляется при непосредственном участии тех, кто своими действиями должен воспроизводить, обеспечивать» его функционирование. Среди прочего в основе этого подхода лежит понимание возможности социальных или политических изменений не в результате воздействия «сверху», но и «снизу». В данном подходе активно используются такие формы совместного конструирования объекта, как совместное творчество, согласование позиций, взаимное убеждение [Пушкарева 2025, с. 174–177].

С потребностью выхода за упомянутые выше ограничения, их преодоления непосредственно связаны потенциальные критерии оценки эффективности социальной архитектуры в сфере межнациональных отношений. Дело в том, что механизм оценки применения того или иного инструментария выполняет ряд функций. Одна из важнейших заключается в создании и поддержании механизма обратной связи, при которой инициатор проекта и другие заинтересованные стороны получают информацию о неполадках и могут решать похожие проблемы в будущем, что в конечном итоге ведет к достижению поставленных целей. Как и в случае оценки эффективности государственных программ [Марголин 2018], критерии оценки эффективности применения социальной архитектуры при реализации проектов могут быть различны. По мнению автора, в данном случае должен быть соблюден баланс между оценкой прямых, краткосрочных результатов (output evaluation) и анализом полученных долгосрочных эффектов (outcome evaluation).

С одной стороны, проект как результат применения технологии и материальных ресурсов в существующем контексте и на конкретном уровне должен оцениваться с точки зрения полученного результата, т. е. отношения полученных количественных показателей к плановым. С другой стороны, инициативы, которые могут быть реализованы с использованием подхода социальной архитектуры, имеют социальную направленность. Они обладают ценностными основаниями, заложенными реализующими их субъектами, а потому могут оцениваться с точки зрения соответствия тем или иным политическим целям, приоритетам, нарративам. Следовательно, главным критерием к оценке реализуемых проектов должна выступать степень их соответствия целям и задачам национальной политики и содействия повышению целевых показателей, приведенных в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Среди них: уровень общероссийской гражданской идентичности; доля граждан, положительно оценивающих отношения между представителями различных национальностей в месте своего проживания; доля граждан, удовлетворенных качеством обеспечения своих национально-культурных потребностей, и другие¹¹. Также можно указать ряд качественных критериев оценки проектов, разработанных с использованием возможностей социальной архитектуры:

1. Уровень инновационности проекта.
2. Комплексность подхода и степень учета межотраслевого характера государственной национальной политики.
3. Наличие ориентации на долгосрочный характер изменений.
4. Характер обратной связи, поступающей от локальных сообществ, затронутых изменениями.
5. Степень участия институтов гражданского общества, в том числе организаций этнокультурного сектора.

Заключение

Активное использование достижений общественных наук в политике – объективный процесс. Одним из его проявлений в Рос-

¹¹ Указ Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 09.08.2025); Указ Президента РФ № 858 от 25 ноября 2025 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615> (дата обращения: 28.05.2025).

сии выступает феномен социальной архитектуры, стремительное развитие которой было поддержано государством и значительной частью профессионального сообщества. В связи с этим главным вопросом становится включение социальной архитектуры в процессы достижения стратегических приоритетов России и реализации государственной политики и отдельных отраслевых политик. Таким образом, проведенный анализ, не носящий исчерпывающего характера, показывает наличие широкого поля для ее деятельности в сфере межнациональных отношений. Однако для достижения результатов социальной архитектуре, находящейся лишь на начальном этапе развития, необходимо преодолеть ряд методологических, практических и иных ограничений.

По мнению автора, ключевым фактором станет интеграция ее наработок в уже сложившуюся в сфере межнациональных отношений систему реализации проектов и инициатив и эффективное использование имеющегося социального капитала. При этом важно отметить, что сделанные выводы потребуют дальнейшего подтверждения по мере институционализации социальной архитектуры и накопления эмпирических данных.

Литература

- Бахлов, Бахлова 2019 – *Бахлов И.В., Бахлова О.В.* Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в финно-угорских республиках – субъектах РФ: эволюция подходов и практик (2000–2018) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 3. С. 301–324.
- Волков, Денисова, Лубский 2017 – *Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В.* Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России // Власть. 2017. Т. 25. № 7. С. 13–22.
- Гаджиев, Шушпанова 2023 – *Гаджиев Х.А., Шушпанова И.С.* Политическое проектирование образа будущего как фактор социально-политической стабильности России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 154–169.
- Грачев и др. 2013 – *Грачев М.Н., Ирхин Ю.В., Борисов Н.А. и др.* Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии: Материалы «круглого стола» (10 апреля 2013 г., Российский государственный гуманитарный университет и Российский университет дружбы народов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 117–149.
- Горбачев 2020 – *Горбачев М.В.* Цивилизационные основания политических проектов. М.: Изд-во МГУ, 2020. 492 с. (Библиотека факультета политологии МГУ)

- Знаменский, Воробьев 2024 – *Знаменский Д.Ю., Воробьев А.П.* Результативность государственной национальной политики современной России: анализ экспертных оценок // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 48. С. 7–17.
- Киреева, Куква, Шадже 2024 – *Киреева И.В., Куква Е.С., Шадже А.Ю.* Брендинг регионов в укреплении российской национальной идентичности: эмпирический вызов и экспертный ответ // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 1. С. 91–113.
- Коньков 2023 – *Коньков А.Е.* Стратегическое планирование государственной национальной политики в контексте политических приоритетов РФ // Россия: единство и многообразие: К 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16–17 ноября 2022 г.) / редкол.: М.М. Магомедов, В.Н. Фальков, И.В. Баринов и др. М.: РГГУ, 2023. С. 315–321.
- Марголин 2018 – *Марголин А.М.* Пути совершенствования методов оценки эффективности государственных программ // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 54–81.
- Нигматуллина 2021 – *Нигматуллина Т.А.* Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности. М.: Nota Bene, 2021. 207 с.
- Паин 2024 – *Паин Э.А.* Обновление концептуальных основ национальной политики: приживется ли в России интеркультурализм? // Россия реформирующаяся / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 22. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 357–374.
- Полунов 2023 – *Полунов А.Ю.* Содержательные аспекты общероссийской гражданской идентичности: проблемы и перспективы развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 4. С. 610–618.
- Пушкарева 2025 – *Пушкарева Г.В.* Политическое проектирование: проблемы методологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 171–180.
- Тишков 2023 – *Тишков В.А.* Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023. 69 с.
- Цыбаков 2024 – *Цыбаков Д.Л.* Факторы конфликтогенности этнополитического процесса в России XXI столетия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 39–46.

References

- Bakhlov, I.V. and Bakhlova, O.V. (2019), “Implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Finno-Ugric Republics, the subjects of the Russian Federation: evolution of approaches and practices (2000–2018)”, *Finno-Ugric World*, vol. 11, no. 3, pp. 301–324.

- Gadzhiev, Kh.A. and Shushpanova, I.S. (2023), "Political image of the future projection as a factor of Russia's socio-political stability", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 154–169.
- Gorbachev, M.V. (2020), *Tsivilizatsionnye osnovaniya politicheskikh proektov* [Civilization foundations of political projects], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia. (*Biblioteka fakul'teta politologii MGU*)
- Grachev, M.N., Irkhin Yu.V., Borisov N.A. et al. (2013), "Political projecting in the space of social communications: theory and technology. Proceedings of the Conference (10 Apr. 2013, RSUH, RUDN)", *RUDN Journal of Political Science*, no. 3, pp. 117–149.
- Kireeva I.V., Kukva, E.S. and Shadzhe, A.Yu. (2024), "Regional branding in strengthening Russian national identity: empirical challenge and expert response", *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 15, no. 1, pp. 91–113.
- Kon'kov, A.E. (2023), "Strategic planning of state national policy in the context of political priorities of the Russian Federation", in Magomedov, M.M., Fal'kov, V.N., Barinov, I.V. et al., eds. *Rossiya: edinstvo i mnogoobrazie: K 10-letiyu obrazovaniya Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po mezhnatsional'nym otnosheniyam* [Russia: unity and diversity: On the 10th anniversary of the formation of the Council under the President of the Russian Federation on interethnic relations. Proceedings of the All-Russian scientific and Practical Conference, Moscow, Russia, Nov. 16–17, 2022], RGGU, Moscow, Russia, pp. 315–321.
- Margolin, A.M. (2018), "Why government program evaluation methodologies require improvement", *Ekonomicheskaya politika*, vol. 13, no. 6, pp. 54–81.
- Nigmatullina, T.A. (2021), *Ehtnokul'turnaya kodifikatsiya mnozhestvennoi regional'noi identichnosti* [Ethnocultural codification of multiple regional identities], Nota Bene, Moscow, Russia.
- Pain, E.A. (2024), "Updating the conceptual basis of national policy: will interculturalism take root in Russia?", in Gorshkov, M.K., ed., *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia Reforming: Yearbook], iss. 22, FNISTS RAN, Moscow, Russia, pp. 357–374.
- Polunov, A.Yu. (2023), "Content aspects of all-Russian civil identity: problems and development prospects", *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, vol. 19, no. 4, pp. 610–618.
- Pushkareva, G.V. (2025), "Political design: methodological problems", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 86, pp. 171–180.
- Tishkov, V.A. (2023), *Natsiya natsii: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii* [Nation of nations: on approaches to understanding Russia], IEA RAN, Moscow, Russia.
- Tsybakov, D.L. (2024), "Factors of conflictogenicity of the ethno-political process in Russia of the 21st century", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, vol. 855, iss. 2, pp. 39–46.
- Volkov, Yu.G., Denisova, G.S. and Lubskii, A.V. (2017), "Regulation of inter-ethnic relations: the formation of value policy and regional practices of management in modern Russia", *Vlast'*, vol. 25, no. 7, pp. 13–22.

Znamenskii, D.Yu. and Vorob'ev, A.P. (2024), "The effectiveness of state national policy in modern Russia: analysis of expert assessments", *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, vol. 48, pp. 7–17.

Информация об авторе

Дмитрий М. Погорельский, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; dpogorelskiy@gmail.com

Information about the author

Dmitrii M. Pogorelskii, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991, dpogorelskiy@gmail.com

Сетевая активность противоправных сообществ
в мессенджере Telegram:
структура и методы противодействия
распространению деструктивных идей

Владислав Б. Наумов

*Главный радиочастотный центр, Москва, Россия,
naumov386@gmail.com*

Аннотация. Работа посвящена изучению структуры связей противоправных сообществ в мессенджере Телеграм в рамках российского медиапространства. Исследование строится с использованием методики и методов сетевого графа. Использование социальных графов позволяет определить узлы и ребра в информационном хабе запрещенного контента. Методика позволяет сформировать представления о том, как распространяется запрещенный контент: происходит ли данный процесс централизованно или децентрализованно, хаотично или управляемо. Характер структуры взаимных упоминаний между Telegram-каналами определяет степень того, как в тематических противоправных ресурсах создается информационный пузырь и сеть влияния на медиаповестку и дискурс национального медиапространства. В контексте исследования речь идет про негативный противоправный политический дискурс для мобилизации пользователей и вовлечение их в дестабилизацию социально-политической обстановки РФ. При определении характера распространения запрещенной информации, установлении понимания того, каким образом недружественные силы влияют на медиаповестку и умы пользователей органы государственной власти Российской Федерации способны наиболее эффективно противодействовать цифровым рискам, увеличивать число удаленных или заблокированных единиц контента. А также начать работать не только директивными формами противодействия запрещенной информации, а также с использованием способов и методов контрдискурсивной работы.

Ключевые слова: Специальная военная операция, запрещенная информация, социальные графы, дестабилизация социально-политической обстановки РФ

Для цитирования: Наумов В.Б. Сетевая активность противоправных сообществ в мессенджере Telegram: структура и методы противодействия распространению деструктивных идей // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 208–222. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-208-222

Online activity of illegal communities
in the Telegram messenger:
structure and methods of countering the spread
of destructive ideas

Vladislav B. Naumov

*General Radio Frequency Centre, Moscow, Russia,
naumov386@gmail.com*

Abstract. The work is devoted to the study of the structure of connections of illegal communities in the Telegram messenger within the Russian media space. The research is based on the network graph methodology and methods. Using social graphs allows you to identify nodes and edges in the information hub of prohibited content. The methodology allows us to form ideas about how the prohibited content is distributed: whether this process is centralized or decentralized, chaotic or controlled. The nature of the structure of mutual mentions between Telegram channels determines the extent to which an information bubble is created in thematic illegal resources and a network of influence on the media message and discourse of the national media space. In the context of the study, we are talking about negative illegal political discourse to mobilize users and involve them in the destabilization of the socio-political situation in the Russian Federation. When determining the nature of the dissemination of prohibited information and establishing an understanding of how unfriendly forces influence the media message and the minds of users, the state authorities of the Russian Federation can most effectively counteract digital risks and increase the number of deleted or blocked pieces of content. And, to start working not only with directive forms of countering prohibited information, but also using ways and methods of counter-discursive work.

Keywords: Special Military Operation, prohibited information, social graphs, destabilization of the socio-political situation of the Russian Federation

For citation: Naumov, V.B. (2026), "Online activity of illegal communities in the Telegram messenger: structure and methods of countering the spread of destructive ideas", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 208–222, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-208-222

Введение

С началом проведения Специальной военной операции на Украине российское информационное пространство сталкивается

с ростом цифровых угроз со стороны недружественных стран¹. Для дестабилизации социально-политической обстановки в Российской Федерации используются различные технологии информационных войн, которые направлены на рядовых пользователей. Деструктивные сообщества стараются влиять на умы граждан РФ для дискредитации институтов органов государственной власти и вовлечения пользователей в противоправную онлайн-деятельность. Недружественные силы работают как с обычными пользователями, так и с радикальными последователями, так как итоговая задача данных технологий вовлечь в негативный политический дискурс по отношению к государству как можно больше людей. Ядром таких действий является вербовка и мобилизация радикально-настроенных пользователей для совершения противоправных действий в реальной жизни, в частности диверсии, террористические и экстремистские действия [Магдилова, Яхьяев 2023, с. 88]. А успешность противодействия цифровым рискам зависит от успешности кооперации субъектов политики (органов государственной власти, институтов гражданского общества и других акторов) [Быстрова, Бидова, Заптиева 2025, с. 226].

Обзор литературы

Различные сообщества и группы вовлекают пользователей в собственную информационную повестку. По мнению В.Д. Никишина [Никишин 2022, с. 137] вовлечение в противоправный контент состоит из 4 уровней: привлечение внимания, формирование интереса, культивация желаний, мотивация к действиям². В рамках мотивации к действиям стоит учитывать сетевую структуру сообществ, которые распространяют контент [Домбровская, Парма, Азаров 2021, с. 163]. Изучение узлов (сообществ) и ребер (связей между ними) позволяет провести анализ, на сколько целенаправленно распространяется тот или иной смысл, что пытаются внедрить в головы пользователей. Наиболее деструктивная

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 400 от 02.07.2021 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.10.2025).

² Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 20.10.2025).

стратегия со стороны недружественных сил для распространения противоправных идей заключается в создании сетей сообществ в социальных сетях и мессенджерах, популярных у российской интернет-аудитории [Цимбал 2022, с. 270]. Порядок действий состоит в создании ресурсов и вовлечение в них пользователей с постоянной дискурс-переадресацией для формирования информационного пузыря [Тесленко 2023, с. 56]. Каждая группа сообществ вовлекает в противоправную деятельность, например, фокусом влияния могут быть школьники [Рыжова и др. 2025, с. 405] или оппозиционные интернет-пользователи [Кириленко, Хлутков, Алексеев 2023, с. 34], обработка которых идет уже не на формирование установок или убеждений, а вовлечение в противоправную деятельность. В технологическом аспекте используются технологии создания фейк-ньюс (ложных новостей), которые способны причинять вред социально-политической стабильности государства [Шумов, Веденеева 2023, с. 198]. А также запрещенные материалы с признаками нарушений по тематикам экстремизма и терроризма, так как они обладают наибольшей опасностью [Пачина, Касенов 2024, с. 40]. Риски заключаются в том, что мобилизация радикальных сторонников в интернете приводит к совершению противоправных действий в реальной жизни. Задача недружественных сил строится на построении хаоса и общественной дестабилизации [Антонова 2023, с. 255]. Определение противоправной информации опирается на законодательство РФ [Соколов 2024, с. 24].

Для реализации противоправных действий используется самый популярный мессенджер российского медиаландшафта – Telegram по данным Brand Analytics³ ежемесячное число публикаций в социальном мессенджере достигает 1 млрд сообщений, а 25% все авторов российского медиаландшафта ведут публикационную активность здесь. Также данный мессенджер использует по причине того, что администрация ресурса выборочно исполняет требование российского законодательства. Часть выбранных для анализа сообществ находятся в Реестрах запрещенной информации, но до сих пор не являются удаленными или заблокированными, на них отсутствуют и региональные ограничения, пользователи РФ могут зайти на данные ресурсы. Отдельные исследования [Хачидогов 2022, с. 162] в рамках проблематики исследования процессов обнаружения медиаконтента отмечают, что в данном процессе необходимо использовать современные инструменты социально-медийной

³ Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2025 // Brand Analytics. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025> (дата обращения: 27.10.2025).

аналитики, которые включают технологии по анализу больших данных и OCR (для перевода текста с изображений для анализа, например, регулярными выражениями). Направления и векторы действия по работе в стратегиях противодействия запрещенной информации разрабатываются органами государственной власти [Кикнадзе 2022, с. 27]. Создание условий цифровой стабильности в интернете позволяет повышать уровень цифрового доверия и согласия [Воробьева 2025, с. 17] не только на федеральном, но и на региональном уровне власти.

Методология и методика

В рамках исследования фокус исследования будет сделан на изучении сетевой структуры противоправных сообществ по тематикам экстремизма [Дружинин 2025, с. 180], так как именно они несут наибольшие опасности для социально-политической стабильности государства. По тематикам экстремизма были выделены три тематики нарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации: призывы к нарушению территориальной целостности РФ, призывы к террористической деятельности и возбуждение национальной розни/продвижение идей неонацизма.

На каждую из тематик нарушения было выбрано по 10 тематических телеграм-каналов. Критерии отбора сообществ были следующие: число подписчиков в районе 1000 пользователей или выше, открытые реакции и комментарии, соответствие тематики, деструктивная активность ресурсов с 2022 г., вовлечение и вербовка пользователей для совершения противоправных действий и/или распространение противоправных экстремистских идей. Данные сообщества ведут свою деятельность не только для вовлечения пользователей в деструктивный дискурс, но и для совершения противоправных действий на территории РФ. Что является опасностью, так как пользователи перестают распространять противоправные идеи и выходят для совершения преступлений в реальной жизни. По итогам рассмотрения сообществ была получена выборка каналов с суммарной аудиторией более 254 тыс. подписчиков, среднее количество подписчиков на ресурс – более 8,5 тыс. пользователей. Если учитывать на тематическое разделение, то получается следующая картина: призывы к нарушению территориальной целостности РФ – среднее число подписчиков в группе сообществ составляет 2,25 тыс. пользователей; призывы к террористической деятельности – среднее число подписчиков в группе сообществ составляет 14,64 тыс. пользователей; возбуждение национальной

розни/продвижение идей неонацизма – среднее число подписчиков в группе сообществ составляет 11,5 тыс. пользователей. Также в число сообществ входят ресурсы, что признаны террористическими или нежелательными организациями на территории Российской Федерации или являются иностранными агентами.

Целью исследования является определить, как существуют в Телеграме противоправные сообщества, связаны ли они между собой, какова структура распространения деструктивных идей и есть ли она. И самое главное, как с помощью методологии сетевого подхода противодействовать распространению запрещенной информации.

Исследование строится с опорой на методологию сетевого подхода, так как в фокусе изучения находятся неуправляемые цифровые риски и централизованные возможности противодействовать со стороны органов государственной власти. Методом исследования сетевой структуры сообществ является метод социальный граф [Чеповский 2023, с. 77]. Он нужен для построения моделей упоминания сообществ друг другом и визуализации того, как существует в Telegram пул выбранных сообществ. Для сбора числа упоминаний используется следующий программный продукт – TgStat. Для построения социальных графов используется программное обеспечение Gephi.

Задачами исследования являются следующие: определить и выделить 30 противоправных тематических сообществ в мессенджере Telegram, проанализировать характер связей между выбранными сообществами, сформировать представление о том, как распространяется запрещенная информация между сообществами: целенаправленно или хаотично. Также необходимо сделать выводы о том, что характера распространения запрещенной информации органы государственной власти РФ должны учитывать в деятельности по противодействию цифровым рискам деструктивного контента [Синявская, Панкова 2022, с. 112].

После проведения исследования структур и упоминаний 30 противоправных сообществ между собой было получено, что они упоминают друг друга более 10 тыс. раз, что говорит о высокой плотности связи между противоправными сообществами. При переходе к визуализации полученных данных были составлены два файла для программного обеспечения Gephi с кодировкой сообществ на язык программного продукта.

Первый файл: в колонке “id” указано имя деструктивного сообщества, в колонке “label” его номер, машинное имя, которое будет связано с сообществом. В данном случае происходит кодировка узлов в инструментарии метода социальных графов (рис. 1).

id	label
Форум Свободных Государств ПостРоссии Free Nations of PostRussia Forum	1
Белгородская Народная Республика	2
IDELURAL NEWS	3
ДВИЖЕНИЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ САХА «СОПРОТИВЛЕНИЕ»	4

*Рис. 1. Кодировка экстремистских сообществ (узлов) в языке Gephi
(составлено автором)*

Второй файл состоит уже из упоминаний сообществ. Колонка «Source» обозначает сообщество, конкретно его “label”. Колонка “Target” обозначает то, на какое сообщество ссылается сообщество из “Source”. На примере продемонстрировано, как первое сообщество ссылается на 4. По таблице ниже происходит кодировка узлов, т. е. число связей между узлами (рис. 2).

Source	Target
1	4
1	4
1	4
1	4
1	4
1	4
1	4

*Рис. 2. Кодировка связи между экстремистскими сообществами
(ребрами) в языке Gephi (создано автором)*

Плотность связей между ресурсами определяется на основании частоты упоминаний, чем толще линия – тем выше частота связей между ресурсами, система позволяет автоматически придавать весовые доли ребрам между узлами. После загрузки необходимых файлов в Gephi получаем следующую графическую интерпретации связи между сообществами (рис. 3).

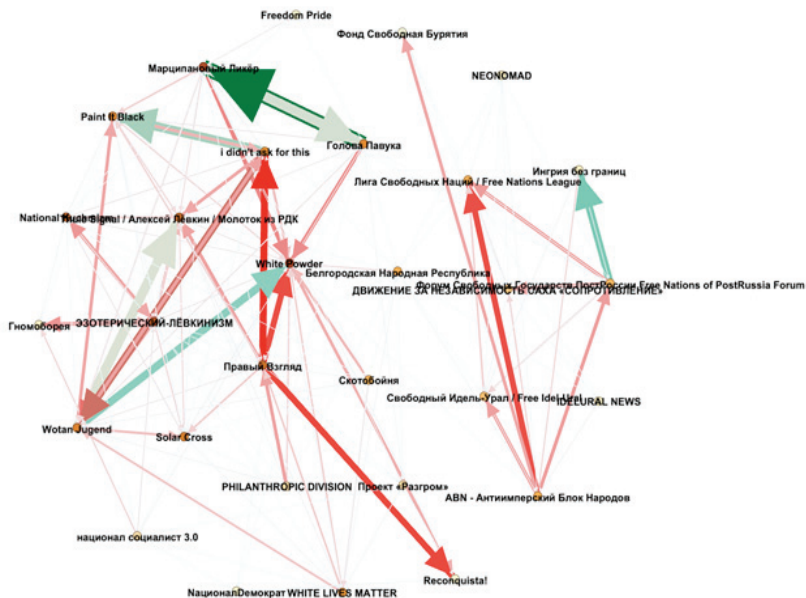

Рис. 3. Связи между деструктивными сообществами (конфигурация узлов и ребер (составлено автором))

Результаты и обсуждение

По анализу плотности связей есть возможность определить сетку деструктивных ресурсов, а также выявить ряд одиночных деструктивных сообществ. Каналы живут в формате сеток или сообществами-одиночками с редкими упоминаниями, что собрать вокруг себя ядерный костяк аудитории. Но ресурсы стремятся по итогу превратиться в одну плотную сеть для укрепления влияния экстремистской идеологии в информационном пространстве.

Сразу можно отметить, что есть сообщества, весовые доли по упоминаниям между которыми выше, чем по другим. Именно

они становятся информационными хабами и основными точками распространения запрещенной информации, т. е. теми, на кого ссылаются, куда пытаются перевести пользователя для дальнейшего влияния на него экстремистских идей. Число упоминаний позволяет определить сообществ, деструктивное влияние которых выше (рис. 4, 5). Вместе с данным фактором через изучение структуры упоминаний в системе TgStat можно найти и другие ресурсы, что входят в сеть противоправных сообществ. Главная задача информационного хаба вовлечь подписчиков в потребление информации из деструктивного информационного пузыря [Грачев 2023, с. 47–48] посредством огруппления мышления. Пользователи в данных сообществах должны быть уверены в правоте потребляемого контента, не сомневаться в выбранном курсе и привлекать в дальнейшем новых подписчиков.

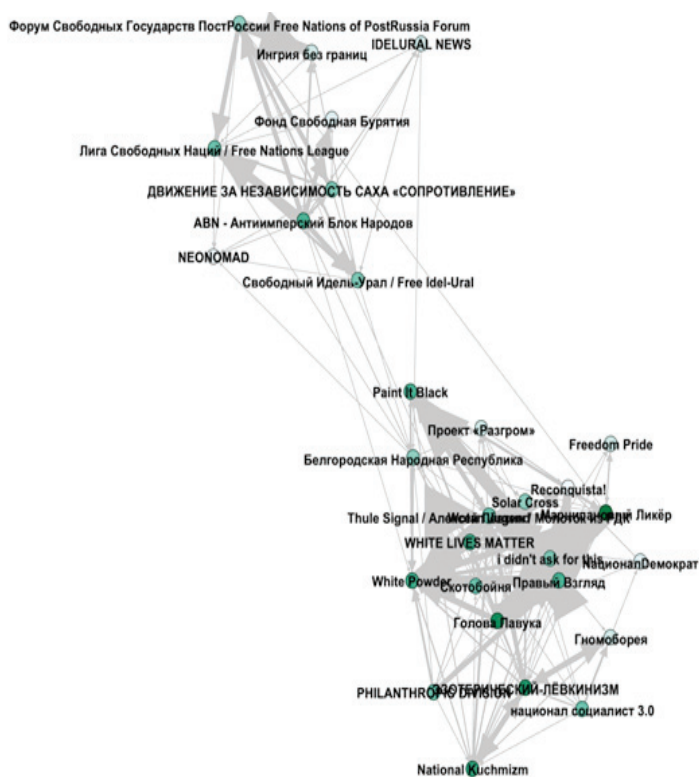

Рис. 4. Кластеры деструктивных сообществ, визуализация с упором на узлы (составлено автором)

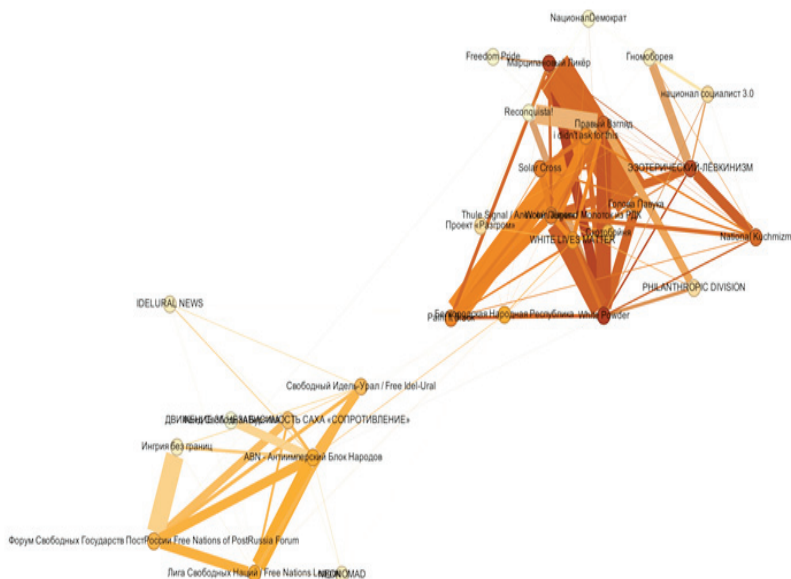

Рис. 5. Кластеры деструктивных сообществ, визуализация с упором на ребра
(составлено автором)

По итогам проведения автоматической кластеризации плотности связей ПО выделило две группы узлов, которые плотно взаимодействуют между собой и цитируют друг друга. Первый хаб состоит из сообществ-сепаратистов, второй – из ряда каналов по тематикам терроризма и возбуждения национальной розни/неонацизма. Второй более плотный, он состоит из постоянного цитирования сообществ сетки друг другом. Можно сделать вывод, что к сетке терроризма переходят пользователи, что уже долгое время сидят в сообществе неонацизма для дальнейшей реализации противоправных действий в реальной жизни. Информационная сетка данной направленности монолитна, постоянно втягивает новых пользователей для распространения экстремистских идей. Частая переадресация сообществ между собой позволяет создавать сеть сторонников, что будут верны деструктивным убеждениям. Стратегический план данного характера – продвигать в более широкие слои оппозиционных пользователей экстремистскую идеологию в рамках проведения Специальной военной операции.

В кластере по тематике с призывами к нарушению территориальной целостности России связи менее плотные, чем в другом кластере. Наблюдается выпавших источников из общей паутиной сети. Единичные связи влияют на характер плотности и природу распространения деструктивного контента. Число подписчиков в данных сообществах не подвергается росту, аудитория между каналами пересекается, создается плотный информационный пузырь сторонников сепаратистских настроений, новые пользователи приходят реже.

Выводы

По итогам анализа упоминаний противоправных сообществ друг другом можно сделать вывод, что деструктивные сообщества существуют в формате сеток, которые формируют информационные хабы. Пользователи попадают в информационные пузыри противоправного влияния, созданные целенаправленно недружественными силами для влияния на российскую аудиторию. По каждой тематике нарушений каналы создают сети для того, чтобы удерживать пользователей в деструктивном дискурсе и создавать сторонников, что будут потреблять деструктивный контент дальше и будут готовы совершать противоправные действия не только в онлайн-пространстве, но и в реальной жизни.

Данные сетки создают целенаправленно и системно для дестабилизации социально-политической обстановки в России. Системность действий и формирования плотности связей показывает фокус влияния со стороны сообществ на пользователя.

После начала Специальной военной операции недружественные используют сетки телеграм-каналов для распространения запрещенной информации и вовлечения в противоправный контент пользователей из России. Использование социальных графов позволяет выявлять сетки каналов с деструктивными материалами. Органы государственной власти Российской Федерации при практическом противодействии цифровой угрозы запрещенной информации должны определять деструктивные сетки каналов, удалять и блокировать информацию от них. Также необходимо продвигать вместе с противодействием запрещенной информации конструктивный дискурс, что будет направлен на вовлечение пользователей в кондиционный контент. Самый важный трек работы со стороны государства должен быть направлен на переориентацию потребителей информации из данных сообществ, что распространяют систематически противоправный контент.

Литература

- Антонова 2023 – Антонова Е.Ю. Преступления террористической направленности в эпоху цифровизации: формы деятельности и меры по противодействию // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 251–269.
- Быстрова, Бидова, Заптиева 2025 – Быстрова Ю.В., Бидова Б.Б., Заптиева И.З. Стратегии борьбы с интернет-экстремизмом: глобальные и национальные подходы // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 225–228.
- Воробьев 2025 – Воробьев С.А. Актуальные вопросы противодействия деструктивному контенту // Экономика. Право. Общество. 2025. Т. 10. № 2 (42). С. 116–120.
- Грачев 2023 – Грачев М.Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 41–54.
- Домбровская, Парма, Азаров 2021 – Домбровская А.Ю., Парма Р.В., Азаров А.А. Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в Рунете // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 158–174.
- Дружинин 2025 – Дружинин А.М. Деструктивные элементы онлайн-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2025. № 85. С. 177–188.
- Кикнадзе 2022 – Кикнадзе В.Г. Государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма с использованием информационных технологий // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2022. № 76. С. 25–30.
- Кириленко, Хлутков, Алексеев 2023 – Кириленко В.П., Хлутков А.Д., Алексеев Г.В. Методология борьбы с экстремизмом в киберпространстве: опыт Шанхайской организации сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 4. С. 29–42.
- Магдилова, Яхьяев 2023 – Магдилова Л.В., Яхьяев М.Г. Проблемы противодействия распространению экстремистских материалов в сети Интернет // Государственная служба и кадры. 2023. № 5. С. 86–90.
- Никишин 2022 – Никишин В.Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex Russica. 2022. № 11. С. 131–148.
- Пачина, Касенов 2024 – Пачина Н.В., Касенов А.Д. Стратегические направления, факторы и условия противодействия распространению информационного экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 35–48.
- Рыжова и др. 2025 – Рыжова Н.И., Государев И.Б., Громова О.Н., Магазейщиков Е.А. Анализ доступности опасного и деструктивного контента в основных источ-

- никах информации в Интернете для школьников // Перспективы науки и образования. 2025. № 1. С. 401–422.
- Синяевская, Панкова 2022 – Синяевская С.П., Панкова Е.Н. Особенности анализа экстремистского дискурса на современном этапе // КриминалистЪ. 2022. № 2 (39). С. 110–115.
- Соколов 2024 – Соколов А.Ю. Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 22–31.
- Тесленко 2023 – Тесленко А.Н. «Информационные пузыри» молодежного сознания // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 2 (54). С. 54–62.
- Хачидогов 2022 – Хачидогов Р.А. Проблемы обнаружения и блокировки в социальных сетях деструктивного медиаконтента // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2. № 11. С. 161–164.
- Цимбал 2022 – Цимбал В.Н. Анализ деструктивной информации в социальных сетях и мессенджерах // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 269–274.
- Чеповский 2023 – Чеповский А.А. Об особенностях построения и анализа графов взаимодействующих объектов в сети Telegram-каналов // Вопросы кибербезопасности. 2023. № 1. С. 75–81.
- Шумов, Веденеева 2023 – Шумов П.В., Веденеева П.И. Проблемы распространения «фейков»: идентификация информации, правовой аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 8. С. 195–202.

References

- Antonova, E.Yu. (2023), “terrorist crimes in the era of digitalization: forms of activity and measures for counteraction”, *Journal of Digital Technologies and Law*, vol. 1, no. 1, pp. 251–269.
- Bystrova, Yu.V., Bidova, B.B. and Zaptiev, I.Z (2025), “Strategies for combating Internet extremism: global and national approaches”, *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, no. 1, pp. 225–228.
- Chepovskiy, A.A. (2023), “On the construction and analysis features of graphs of interacting objects in the Telegram-channels network”, *Cybersecurity Issues*, no. 1, pp. 75–81.
- Grachev, M.N. (2023), “Echo chambers, epistemic bubbles and filter bubbles as actors of the Network communication space”, *Rossiiskaya shkola svyazei i obshchestvennost' yu*, no. 29, pp. 41–54.
- Dombrovskaya, A.Yu., Parma, R.V. and Azarov, A.A. (2021), “Social and media infrastructure of civic participation of Russians: analysis of graphs of intersection of the audience of socio-political communities in Runet”, *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 12, no. 2, pp. 158–174.

- Druzhinin, A.M. (2025), "Destructive elements of online communication", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 85, pp. 177–188.
- Khachidogov, R.A. (2022), "Problems of detecting and blocking destructive media content in social Networks", *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, vol. 2, no. 11, pp. 161–164.
- Kiknadze, V.G. (2022), "The state policy of the Russian Federation on countering the spread extremist and terrorist ideology through information technologies", *Tomsk State University Journal of History*, no. 76, pp. 25–30.
- Kirilenko, V.P., Khlutkov, A.D. and Alekseev, G.V. (2023) "Methodology of combating extremism in cyberspace: the experience of the Shanghai Cooperation Organization", *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, vol. 17, no. 4, pp. 29–42.
- Magdilova, L.V. and Yakhyaev, M.G. (2023), "Problems of countering the dissemination of extremist materials on the Internet", *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, no. 5, pp. 86–90.
- Nikishin, V.D. (2022), "Harmful information in Internet media: The "Overton Window" and the destructive Network current interrelationships", *Lex Russica*, no. 11, pp. 131–148.
- Pachina, N.V. and Kasenov, A.D. (2024), "Strategic directions, factors and conditions for countering the spread of information extremism", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 35–48.
- Ryzhova, N.I., Gosudarev, I.B. Gromova, O.N. and Magazeishchikov, E.A. (2025), "Analyzing of the availability of dangerous and destructive content in the main sources of information on the Internet for adolescents", *Perspectives of Science and Education*, no. 1, pp. 401–422.
- Shumov, P.V. and Vedeneeva, P.I. (2023), "Problems of spreading 'fakes': identification of information, legal aspect", *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 8, pp. 195–202.
- Sinyawskaya, S.P., Pankova, E.N. (2022), "Peculiarities of the analysis of extremist discourse at the present stage", *Kriminalist*, vol. 39, no. 2, pp. 110–115.
- Sokolov, A.Yu. (2024), "Legal counteraction to modern challenges and threats to information security", *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 1, pp. 22–31.
- Teslenko, A.N. (2023), " 'Filter bubbles' of youth consciousness", *Severnji region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, vol. 54, no. 2, pp. 54–62.
- Tsimbal, V.N. (2022), "Analysis of destructive information in social Networks and messengers", *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 4, pp. 269–274.
- Vorobiev, S.A. (2025), "Current issues of countering destructive content", *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*, vol. 10, no. 2 (42), pp. 116–120.

Информация об авторе

Владислав Б. Наумов, Главный радиочастотный центр, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Дербеневская наб, д. 7, стр. 5; naumov386@gmail.com

Information about the author

Vladislav B. Naumov, General Radio Frequency Centre, Moscow, Russia; 7-5, Derbenevskaya Emb., Moscow, Russia, 117997; naumov386@gmail.com

Коммеморативные практики НИЦ «Курчатовский институт»

Алиса А. Беклямишева

*Национальный исследовательский центр
«Курчатовский институт», Москва, Россия,
alisa0296@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена практикам формирования коллективной памяти научных сообществ на примере Института атомной энергии имени И.В. Курчатова (ИАЭ, в настоящее время – НИЦ «Курчатовский институт»). На основе материалов многотиражной газеты «Советский физик» за 1967–1991 гг. и воспоминаний сотрудников института автором анализируются процесс формирования исторического нарратива о роли Лаборатории № 2 АН СССР в реализации советского атомного проекта и выработка традиций празднования соответствующих памятных дат. Отдельно рассматривается современная историко-просветительская работа, выстроенная в НИЦ «Курчатовский институт». Полученные выводы указывают на то, что научные сообщества, наряду с другими, являются носителями коллективной памяти, которая, в случае институционализации, приобретает черты корпоративной. Отправной точкой складывания исторического нарратива ИАЭ стал уход из жизни И.В. Курчатова. Уже на рубеже 1960–1970-х гг. в Институте атомной энергии был выработан целый ряд коммеморативных ритуалов, приуроченных к определенным датам (дни рождения И.В. Курчатова и А.П. Александрова, день основания Лаборатории № 2, день пуска первого ядерного реактора Ф-1), которые нашли отражение на страницах многотиражной газеты ИАЭ им. И.В. Курчатова «Советский физик». Традиции празднования этих дат сохранились и в постсоветский период, однако их содержание переосмыслялось и дополнялось. На сегодняшний день коллективная память НИЦ «Курчатовский институт» выполняет три функции – укрепление идентичности коллектива, трансляцию определенного набора ценностей от одного поколения сотрудников к другому и обеспечение внешнего позиционирования организации.

Ключевые слова: советский атомный проект, историческая память, коллективная память, коммеморация, идентичность, традиция, НИЦ «Курчатовский институт», научное сообщество

Для цитирования: Беклямишева А.А. Коммеморативные практики НИЦ «Курчатовский институт» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 3. С. 223–240. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-223-240

Commemorative practices of the National Research Centre “Kurchatov Institute”

Alisa A. Beklyamisheva

*National Research Center “Kurchatov Institute”,
Moscow, Russia, alisa0296@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to the practices of forming the collective memory of scientific communities on the example of the I.V. Kurchatov Institute of Atomic Energy (currently the National Research Centre “Kurchatov Institute”). Based on the materials of the mass-circulation newspaper “Soviet Physicist” for 1967–1991 and the memoirs of the Institute’s employees, the author analyzes the process of forming the historical narrative about the role of Laboratory no. 2 of the USSR Academy of Sciences in the implementation of the Soviet atomic project and the development of traditions for celebrating the corresponding commemorative dates. The article also discusses the modern historical and educational work carried out at the Kurchatov Institute. The findings indicate that scientific communities, along with others, are carriers of collective memory, which, when institutionalized, has a corporate character.

The passing of I.V. Kurchatov marked the beginning of the historical narrative formation of the Institute of Atomic Energy. Already at the turn of the 1960s and 1970s, the Institute of Atomic Energy developed a number of commemorative rituals associated with specific dates (birthdays of I.V. Kurchatov and A.P. Alexandrov, the day of founding Laboratory no. 2, and the start of the first nuclear reactor, F-1), which were reflected in the pages of the newspaper “Soviet Physicist.” The tradition of celebrating these dates continued in the post-Soviet period, but the content was reinterpreted and expanded. Today, the collective memory of the Kurchatov Institute performs three functions: strengthening the collective identity, transmitting a certain set of values from one generation of employees to another, and ensuring the organization’s external positioning.

Keywords: Soviet Atomic Project, historical memory, collective memory, commemoration, identity, tradition, Kurchatov institute, scientific community

For citation: Beklyamisheva, A.A. (2026), “Commemorative practices of the National Research Centre ‘Kurchatov Institute’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 223–240, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-3-223-240

Различные формы коллективной памяти научных организаций давно стали предметом внимания историков и культурологов. Немало работ посвящены формированию нарративов о создании ведущих научных центров, сложившимся традициям почитания их основателей и прагматической роли этого наследия сегодня [Запороженко, Шелегина 2018; Запороженко 2021; Пискунов 2024]. Большинство авторов, которые обращаются к этой проблематике, сходятся во мнении, что коллективная память научного сообщества не является синонимом истории конкретной научной школы или передаваемых в рамках этой научной школы знаний. Она представляет собой, скорее, самоподдерживающийся культурный механизм, состоящий «из образов событий, значимых для становления научного сообщества, представленных в форме культурных и нормативно-этических стереотипов, символов и мифов, системы памятных дат, церемоний, письменных и монументальных памятников» [Баранец, Веревкин, Марасова 2015, с. 90]. С функциональной точки зрения коллективная память научной организации призвана, прежде всего, задавать смысловые рамки представлениям о ее развитии [Яковлева 2020a].

Несмотря на активную разработку темы коллективной памяти научных организаций в последние годы, ряд ее аспектов по-прежнему остаётся изученным недостаточно. Так например, если практики сохранения коллективной памяти об американском атомном проекте уже стали предметом отдельных статей [Taylor 1997], то история формирования корпоративной памяти коллектива Лаборатории № 2 АН СССР, созданного в 1943 г. под руководством академика И.В. Курчатова для реализации советского атомного проекта (впоследствии – Институт атомной энергии, ныне – НИЦ «Курчатовский институт»), еще не получила системного описания.

Неординарное положение коллектива Института атомной энергии (ИАЭ), с одной стороны, ограниченного строгим режимом секретности, а с другой – обладающего значительно большим объемом свободы и целым рядом привилегий, сформировали в нем особую корпоративную культуру. Со временем все большее значение в рамках этой культуры приобретал коммеморативный аспект – память об И.В. Курчатове, его сподвижниках и их выдающихся достижениях, передававшаяся от одного поколения сотрудников к другому.

В настоящей статье предпринята попытка реконструировать исторические основания идентичности коллектива «курчатовцев», выявить обстоятельства формирования коллективной памяти сотрудников Курчатовского института и проследить, посредством каких механизмов он воспроизводился.

Исследование основывается на трех группах источников.

Во-первых, опубликованные воспоминания сотрудников Института атомной энергии имени И.В. Курчатова (ИАЭ).

Во-вторых, материалы архива НИЦ «Курчатовский институт» и ЦГА г. Москвы. В архиве НИЦ «Курчатовский институт» сохранилась подшивка многотиражной газеты «Советский физик», с 1967 г. выпускавшейся специально для сотрудников ИАЭ (автором были проанализированы выпуски газеты за период с 1967 по 1991 г.). Данную газету можно рассматривать одновременно и как инструмент целенаправленного сохранения памяти (в ней регулярно размещались исторические очерки и статьи), и как источник, освещающий эту работу (новостные сообщения о праздновании памятных и юбилейных дат).

В-третьих, в ряде случаев мы опирались на современные новостные материалы, включая публикации на официальном сайте НИЦ «Курчатовский институт», что позволило проследить, какие коммеморативные практики получили развитие в Институте в последние десятилетия.

В качестве исследовательского метода был выбран нарративный анализ, который ранее неоднократно использовался при изучении коллективной памяти научных сообществ [Яковлева 2020b].

* * *

Среди общих черт коллективной памяти научных сообществ традиционно выделяется свойственный ей «культ основателей». В нарративе НИЦ «Курчатовский институт» бесспорным символическим лидерством обладают фигуры академиков И.В. Курчатова и А.П. Александрова [Пискунов 2024, с. 154]. Руководствуясь этим, начнем рассмотрение исторического нарратива «Курчатовского института» с центральной фигуры – основателя и руководителя Лаборатории № 2 академика И.В. Курчатова. Можно сказать, что именно его уход из жизни 7 февраля 1960 г., разделивший историю ИАЭ на «до» и «после», положил начало целенаправленным усилиям по коммеморации атомного проекта.

По инициативе преемника И.В. Курчатова на посту директора ИАЭ академика А.П. Александрова уже 9 февраля 1960 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об увековечении памяти академика И.В. Курчатова», согласно которому институту (а также Белоярской АЭС) было присвоено его имя. В самом Институте атомной энергии образ руководителя способствовал складыванию самосознания коллектива. Об этом свидетельствуют и намерение назвать ведомственную газету института – «Курчатовец», не получившее, впрочем, поддержки со стороны партийных

органов¹, и использование термина «курчатовцы» как самоназвания коллектива ученых-ядерщиков в редакционных статьях многотиражки (например, в номере, посвященном 75-летию со дня рождения И.В. Курчатова, подчеркивается: «Привычное “курчатовцы” звучит сегодня за тысячи километров от института. Наши тезки водят корабли, добывают золото, работают на АЭС»)².

Рабочий год в ИАЭ традиционно начинался «с имени И.В. Курчатова», т. е. с мероприятий в честь дня его рождения – 12 января. Памятная дата, как правило, отмечалась расширенным заседанием Ученого совета, которое рассматривалось как «традиция курчатовцев, рожденная как дань уважения и любви к замечательному ученому и талантливому руководителю, основателю института»³. Одно из таких заседаний новый директор ИАЭ академик А.П. Александров открыл словами, которые хорошо иллюстрируют значимость И.В. Курчатова в историческом нарративе ИАЭ: «Наше счастье, что во главе проблемы атомной науки и техники в нашей стране был поставлен Игорь Васильевич, сумевший в кратчайшие сроки создать ядерный щит, обезопасив нашу страну от угрозы уничтожения американскими бомбами»⁴. Традицией стало проведение для сотрудников в день памяти И.В. Курчатова экскурсий по Мемориальному дому ученого, который расположен на территории НИЦ «Курчатовский институт». В этом доме он жил с 1946 по 1960 г., затем по инициативе дирекции ИАЭ дом стал мемориальным и открылся в день рождения И.В. Курчатова – 12 января 1970 г. Также ежегодно организовывается общий выезд коллектива к Кремлевской стене, где захоронен ученый.

Мероприятия, посвященные дню рождения академика И.В. Курчатова, широко освещались в газете «Советский физик», причем в юбилейные годы номер посвящался теме полностью. В многотиражке ИАЭ публиковались статьи о жизни ученого, печатались воспоминания коллег. Так, например, академик А.П. Александров

¹ Черноплеков Н.А. К портрету Анатолия Петровича Александрова // А.П. Александров: документы и воспоминания / РНЦ «Курчатовский институт». М., 2003. С. 258.

² Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1978. 11 янв. № 2. С. 2.

³ Шеренга лучших // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1974. 4 февр. № 3. С. 1.

⁴ Амаев А.Д. Анатолий Петрович Александров и материаловедение // А.П. Александров: документы и воспоминания. С. 132.

писал: «Несмотря на то, что со смерти Игоря Васильевича прошло 13 лет, подавляющая часть научных и технических направлений ИАЭ – направления, которые заложены при Игоре Васильевиче или с его участием и помощью»⁵. С ним солидаризировался академик И.К. Кикоин: «Игорь Васильевич занимался самыми актуальными, самыми животрепещущими, самыми многообещающими вопросами науки. На этом и сейчас зиждутся успехи ИАЭ и успехи атомной науки в нашей стране»⁶.

В 1971 г. на площади перед ИАЭ был открыт памятник академику И.В. Курчатову (скульптор И. Рукавишников). Этому событию предшествовала тщательная подготовка, на совещаниях в институте обсуждались план церемонии, благоустройство территории и ожидаемое число участников мероприятия – около 5 тыс. человек⁷. К открытию памятника были приведены в порядок площадь, прилегающие к ней дворы и фасады домов. Для гостей приготовили пригласительные билеты, на время проведения мероприятия перекрывалось движение на площади у ИАЭ и перестраивались маршруты движения городских автобусов.

На торжественном митинге, который состоялся 20 сентября 1971 г., выступили секретарь МГК КПСС В.Н. Ягодкин, президент Академии наук СССР академик М.В. Келдыш, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике академик В.А. Кириллин и директор института академик А.П. Александров. Во время церемонии открытия площадь и даже балконы ближайших домов были заполнены людьми⁸. Памятник на площади перед институтом стал первым мемориалом в честь И.В. Курчатова. С момента его открытия каждый год в день рождения ученого к монументу возлагаются цветы.

Еще одним «необычным памятником Игорю Васильевичу Курчатову» стал конкурс его имени, учрежденный в ИАЭ. «Память

⁵ Александров А.П. Необычайная ответственность // Советский физик. Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1973. 24 янв. № 2. С. 1.

⁶ Кикоин И.К. Он прожил счастливую жизнь // Советский физик. Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1973. 24 янв. № 2. С. 4.

⁷ Протокол совещания партийного, профсоюзного, комсомольского и хозяйственного актива от 10 сентября 1971 г. // Партком Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. Ворошиловский район гор. Москвы. ЦГА Москвы. Ф. П-1313. Оп. 1. Д. 386. Л. 159.

⁸ Открытие памятника И.В. Курчатову // Атомная энергия. Т. 31, вып. 5. 1971. С. 542.

о нем не только в названии улиц и площадей, она – часть нашей работы, дела института», – писали в газете «Советский физик» в 1974 г.⁹ В рамках конкурса поощряются лучшие научные работы, подготовленные в Институте, а награждения традиционно проводятся в начале года, на мероприятиях, приуроченных к дню рождения И.В. Курчатова.

Аналогично в Академии наук с 1962 г. за достижения в области ядерной физики и ядерной энергетики вручается Золотая медаль имени И.В. Курчатова.

В 1980-е гг. в Большой аудитории Политехнического музея регулярно проводились Московские Курчатовские чтения, а в Ленинграде – Ленинградские Курчатовские чтения.

Помимо официальных церемоний в память об ученом проводились и различные неформальные мероприятия. Например, в газете ИАЭ освещался неоднократно проходивший лично-командный мотокросс памяти И.В. Курчатова, в борьбе за кубок которого встречались лучшие спортсмены предприятий Москвы, Московской и Калужской областей, представители трудовых резервов, ЦСКА и вузов столицы¹⁰.

Добавим, что со временем память об академике И.В. Курчатове вышла далеко за пределы возглавляемого им института. Уже в 1968 г. в газете «Советский физик», перефразируя известные строки В. Маяковского, отмечали, что И.В. Курчатову удалось «воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела»¹¹. В честь ученого были названы научно-исследовательское судно «Академик Курчатов», сухогрузное судно «Физик Курчатов», школы (в Узбекской ССР (г. Ташкент) и Киргизской ССР (г. Фрунзе)), улицы в городах СССР, подводный хребет в Индийском океане, Белоярская ГЭС, прииск в Магаданской области и кратер на обратной стороне Луны. Для признания научных заслуг были учреждены медаль и премия имени Курчатова, в честь ученого был назван 104-й химический элемент (сохранявший это название до 1997 г.). Образ И.В. Курчатова нашел отражение в работах

⁹ Шеренга лучших // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1974. 4 февр. № 3. С. 1.

¹⁰ Памяти Курчатова // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1968. Март. № 5. С. 8.

¹¹ Имени Курчатова // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1968. Март. № 5. С. 5.

художников, литературе, кинематографе, монументальном искусстве¹².

И сегодня руководство НИЦ «Курчатовский институт» продолжает системную работу по сохранению памяти о И.В. Курчатове. К юбилейным датам готовятся масштабные просветительские проекты, выставки и документальные фильмы. В 2018 г., по инициативе Президента НИЦ «Курчатовский институт» М.В. Ковальчука, имя своего выдающегося выпускника получила Симферопольская гимназия № 1, а на месте проведения торжественных школьных линеек был установлен бюст И.В. Курчатова. В 2019 г. его имя получил аэропорт в г. Челябинске. Под эгидой НИЦ «Курчатовский институт» реализуется проект «Курчатовские классы», который сосредоточен на работе с современными школьниками, заинтересованными в науке. Большая работа развернута в рамках проекта «Коды Курчатова», который объединяет разноформатные просветительские инициативы, направленные на популяризацию знаний о советском атомном проекте, его наследии и современных достижениях отечественных ученых.

Второй значимой датой, ежегодно отмечаемой в Институте, стал день рождения академика А.П. Александрова – 13 февраля. Институтом атомной энергии он руководил практически 30 лет. Редакция «Советского физика» активно освещала юбилеи руководителя¹³. В воспоминаниях члена-корреспондента РАН, директора Института сверхпроводимости и физики твердого тела Н.А. Черноплекова приводится эпизод с заседания ученого совета, приуроченного к 90-летию академика А.П. Александрова, когда его появление сопровождали бурные продолжительные овации: «Нечасто люди удостоиваются подобного выражения чувств. В вольнолюбивом Курчатовском институте это не могло быть проявлением чиновничества или чего-то в этом духе, такого духа в Курчатовском институте не водилось»¹⁴.

¹² Кузнецов В.Н., Антипин Н.А. Образ И.В. Курчатова в произведениях искусства // Веси: Специальный выпуск. 2023. № 7. С. 65–72.

¹³ Хлопкин Н. 13 февраля – 65 лет со дня рождения А.П. Александрова // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1968. Февр. № 3. С. 2; Келдыш М.В., Кириллин В.А. Анатолию Петровичу Александрову – 70 лет // Там же. М., 1973. 13 февр. № 6. С. 2; Наш директор А.П.: Рукопись, найденная в приемной // Там же. С. 3.

¹⁴ Черноплеков Н.А. К портрету Анатолия Петровича Александрова // А.П. Александров: документы и воспоминания / РНИЦ «Курчатовский институт». С. 237.

Как подчеркивал министр среднего машиностроения СССР Л.Д. Рябев, «авторитет А.П. Александрова был огромен и в государственных структурах страны, и в научном сообществе, а самое главное – среди работников атомного комплекса»¹⁵. После смерти ученого его имя было присвоено столичной улице неподалеку от Института и Дому ученых НИЦ «Курчатовский институт», а также улице в г. Сосновый бор (Ленинградской области) и находящемуся там научно-исследовательскому технологическому институту. Кроме того, в память об академике А.П. Александрове установлены мемориальные доски, бюст в г. Сосновый бор и памятник в Музее военно-морской славы России в Кронштадте. Также в институте сформировалась традиция проводить в день его рождения митинг. Таким образом, из актора формирования исторического нарратива, А.П. Александров стал его частью. Образ второго директора прочно закрепился в корпоративной памяти института наравне с образом И.В. Курчатова, как равновеликий, что неоднократно подчеркивалось президентом НИЦ «Курчатовский институт» М.В. Ковальчуком¹⁶. В 2011 г. на фасаде Главного здания Курчатовского института по его инициативе были открыты мемориальные доски академикам И.В. Курчатову и А.П. Александрову.

В корпоративной памяти института сформировался также круг имен выдающихся сотрудников, в первую очередь руководителей ключевых научных направлений. Это нашло отражение в публикациях газеты «Советский физик», где размещались поздравления к юбилеям сотрудников, информация об их научных достижениях. Нередко эти статьи дополнялись дружескими шаржами и эпиграммами, воспоминаниями, другими творческими поздравлениями, имели неформальный характер, что также объясняется внутренним характером многотиражной газеты, которая распространялась только внутри коллектива.

В наши дни в специальном разделе сайта НИЦ «Курчатовский институт» «Биографии выдающихся ученых Курчатовского института» размещена информация о И.В. Курчатове, А.П. Александрове, Л.А. Арцимовиче, Е.П. Велихове, Е.К. Завойском, И.К. Кикоине, М.А. Леонтовиче, М.Д. Миллионщикове, Ю.Б. Ха-

¹⁵ Александров П.А. Академик Анатолий Петрович Александров: Прямая речь. М., 2002. С. 6.

¹⁶ Документальный фильм «Анатолий Александров. Человек всех наук» // Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» (официальный сайт). URL: <https://nrcki.ru/product/telekanal-rossiya-24/-47418.shtml> (дата обращения: 01.03.2026).

ритоне¹⁷. Также издается одноименная серия книг «Выдающиеся ученые Курчатовского института».

Интересно отметить, что, как писал историк науки В.П. Визгин, среди действующих лиц советского атомного проекта более известны те, кто был трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда, т. е. И.В. Курчатов, Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, А.Д. Сахаров и К.И. Щёлкин [Визгин 2019, с. 153]. Но в упомянутом разделе сайта последние трое отсутствуют. Это объясняется различием между корпоративной памятью организации и памятью о советском атомном проекте в целом. Трудовая биография этих ученых в большей степени связана с КБ-11 в Сарове, которое изначально было создано как филиал Лаборатории № 2¹⁸, а с 1950 г. стало самостоятельной организацией (ныне – РФЯЦ «Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики»), поэтому, если говорить о корпоративной памяти, их фигуры не так выделяются в официальном историческом нарративе ИАЭ.

* * *

Важную роль в исторической памяти НИЦ «Курчатовский институт», помимо фигур основателей и ключевых участников атомного проекта, играют рубежные этапы его реализации. Прежде всего выделим среди них само создание Лаборатории № 2, которая была организована 12 апреля 1943 г. распоряжением АН СССР № 121 в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны СССР № ГОКО-2872сс от 11 февраля 1943 г.¹⁹

Значимость этой даты упоминал участник атомного проекта академик А.А. Бриш, который писал, что пока в стране отмечается День космонавтики, «в Курчатовском институте вспоминают, что в этот день в 1943 г. вице-президент АН СССР академик А.А. Байков

¹⁷ Биографии выдающихся ученых Курчатовского института // Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» (официальный сайт). URL: <https://nrcki.ru/catalog/o-centre/uchastniki/kurchatovskij-institut/biografii-vydayushchihsya-uchenyh/> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁸ Постановление СМ СССР № 805-327сс от 9 апреля 1946 г. «Вопросы Лаборатории № 2» // Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2. Кн. 6. М., 2006. С. 101.

¹⁹ Распоряжение ГКО № ГОКО-2872сс от 11 февраля 1943 г. «О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану» // Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 1. Ч. 1. М., 1998. С. 306.

и секретарь Президиума АН СССР академик Н.Г. Бруевич подписали Распоряжение № 121»²⁰.

При этом отметим, что празднование 12 апреля как дня рождения Института атомной энергии не нашло отражения на страницах его газеты. В апрельских выпусках многотиражки практически нет упоминаний празднования, тогда как в случае с днем рождения И.В. Курчатова нередко тематическим становился весь номер, а сама дата обязательно освещалась на первых страницах газеты. Вместе с тем в апрельских номерах газеты обязательно освещался День советской науки, который отмечался ежегодно в третье воскресенье месяца. В современной России он трансформировался в День Российской науки (с 1999 г.), а дата его празднования была перенесена на 8 февраля. НИЦ «Курчатовский институт» ежегодно проводит мероприятия, приуроченные к этому профессиональному празднику.

Единственным примером, когда апрельский выпуск газеты «Советский физик» опубликовал материал, напоминающий о создании Лаборатории № 2, является статья «К 45-летию Института атомной энергии»²¹. Она вышла в 1988 г. и описывала истории разведки и добычи урана, а собственно дата организации Лаборатории № 2 – 12 апреля – даже не упоминалась. В этом же номере был опубликован анонс выставки о истории Курчатовского института, выполненной по поручению Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР, однако памятная дата в нем также не фигурировала.

Тем не менее дата создания Лаборатории № 2 прочно закреплена в историческом нарративе института. Акцент на 12 апреля 1943 г. (а также на выход распоряжения ГКО № 2352сс от 28 сентября 1942 г. «Об организации работ по урану»²² и постановления ГКО № 2542сс от 27 ноября 1942 г. «О добыче урана»²³) интерпре-

²⁰ Бриш А.А. На пути к первому советскому атомному испытанию // Аркадий Адамович Бриш: статьи, документы, воспоминания. М., 2007. С. 113.

²¹ Иванов В. Из истории советского урана: К 45-летию института атомной энергии имени И.В. Курчатова // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1988. 7 апр. № 13. С. 2.

²² Распоряжение ГКО № 2352сс от 28 сентября 1942 г. «Об организации работ по урану» // Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 1. Ч. 1. М., 1998. С. 269–270.

²³ Постановление ГКО № 2542сс от 27 ноября 1942 г. «О добыче урана» // Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 1. Ч. 1. М., 1998. С. 275.

тируется как важный шаг в защиту исторической правды о начале реализации советского атомного проекта, которое в публичном поле нередко относят только к 1945 г. и увязывают с созданием Специального комитета при ГОКО²⁴.

Еще одной важной вехой в истории атомного проекта стало успешное проведение решающего эксперимента – пуска первого в Евразии ядерного реактора Ф-1 (25 декабря 1946 г.). От Ф-1 ведут свою «генеалогию» все атомные реакторы в стране [Гагаринский, Яцишина 2017]. В целях увековечивания этой важной даты в ИАЭ сложилась традиция проводить митинг каждый год 25 декабря у здания «монтажных мастерских», как в целях секретности называли когда-то здание реактора. К юбилейным датам в газете «Советский физик» публиковались воспоминания участников его строительства. Особенно ярко отмечалось 30-летие пуска в 1976 г. Передовица газеты «Советский физик» начиналась словами, подчеркивающими важность этого события для реализации атомного проекта: «Слава этих дней не смолкнет, ибо добрые дела не забываются... <...> Она будет жить для тех, кто родился после 1946 года, будет жить после нас, потому что это – щит, который не только закрыл страну, он закрыл все человечество»²⁵. Важно отметить, что именно празднование 30-летия реактора «вышло» за пределы «памяти» организации: «Тридцать лет тому назад о столь радостном событии знали считанные единицы. Ныне весть о пуске первого советского атомного реактора на континенте Евразии облетела всю страну, явившись истинно всенародным праздником»²⁶. На Центральном телевидении вышла передача о достижениях ИАЭ и юбилее реактора, велась просветительская лекционная работа в детских организациях²⁷. В самом ИАЭ был проведен традиционный митинг и экскурсия по зданию «монтажки», а после – торжественные мероприятия в Доме культуры.

²⁴ Постановление ГОКО № 9887сс/оп от 20 августа 1945 г. «О Специальном комитете при ГОКО» // Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2. Кн. 1. М., 1999. С. 11–14.

²⁵ Меркин В. С днем рождения, «монтажка»! // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1976. 29 дек. № 40. С. 1.

²⁶ 30 лет в одном дне // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. 1977. 3 февр. № 3. С. 4.

²⁷ Синютин Г.В. Встречая юбилей // Советский физик: Газета парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции ордена Ленина Института атомной энергии им. И.В. Курчатова. М., 1976. 17 дек. № 39. С. 1.

В 1991 г. в газете «Советский физик» была опубликована статья, где впервые перечислялись имена всех участников строительства реактора. Важным символическим актом было «возвращение» этих имен в исторический нарратив, еще раз подчеркнувшим значимость сохранения памяти о строительстве и пуске первого в Евразии реактора для коллектива.

По инициативе президента НИЦ «Курчатовский институт» М.В. Ковальчука в здании реактора Ф-1 в 2016 г. была развернута историческая экспозиция [Ковальчук, Федосеева, Яцишина 2025]. Музеефикация первого в стране и на континенте реактора – уникального для истории науки объекта – еще один пример последовательной работы по сохранению памяти о советском атомном проекте и популяризации его истории.

* * *

Целенаправленная работа по продвижению истории атомного проекта и роли курчатовцев в его реализации началась в последние десятилетия. Реализованы целый ряд исследовательских и просветительских проектов. С 1992 г. работал Общомосковский семинар по истории советского атомного проекта [Визгин 2022], организованный совместными усилиями представителей Курчатовского института и Института истории естествознания и техники Российской академии наук. В 1995–1998 гг. публиковались сборники «История атомного проекта», которые были направлены на то, «чтобы показать реальную историю развития работ по атомному проекту в нашей стране, место и роль Курчатовского института в этом проекте, его ученых и специалистов»²⁸.

В Главном здании Курчатовского института в 2008 г. была открыта экспозиция, посвященная его истории. Юбилейные выставки проходили на ведущих музейных площадках столицы – в Государственном историческом музее («Мегаполис науки. К 70-летию Курчатовского института», 2013 г.), Государственном центральном музее современной истории России («Эффект Курчатова-Александрова», 2023 г.), широко освещались в СМИ.

В этих проектах находят свое отражение вехи, которые не отмечены практикой ежегодной коммеморации, но при этом включены в исторический нарратив.

Речь идет о пуске первого промышленного реактора «А» на Урале в 1948 г., успешном испытании первого советского ядерного заряда на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 г., на-

²⁸ Соколовский Л.Л. От редакции // Курчатовский институт: История атомного проекта: сб. статей. М., 1995–1998. Вып. 1. С. 2.

чале работы первой в мире атомной электростанции в Обнинске в 1954 г., выступлении И.В. Курчатова в Харуэлле (Великобритания) в 1956 г. с призывом к международному сотрудничеству в области термоядерных исследований и мирного использования атомной энергии. Важным элементом исторического нарратива является вклад ИАЭ в создание в 1950-е гг. атомного флота страны: академик А.П. Александров был научным руководителем проектов первой советской атомной подводной лодки «Ленинский комсомол» и первого в мире атомного ледокола «Ленин». К другим значимым для нарратива вехам относятся разработка и строительство первых в мире ТОКАМАКов – установок для удержания плазмы, строительство курчатовского специализированного источника синхротронного излучения (завершено в 1999 г.), организация в 2009 г. уникального Курчатовского комплекса нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных (НБИКС) наук и природоподобных технологий. Сохранение памяти об этих достижениях подчеркивает лидерство НИЦ «Курчатовский институт» в различных научных областях, обеспечивающих стратегические преимущества страны. В свете этого неслучайным видится девиз, объединивший его юбилейные мероприятия: «Для страны и мира».

* * *

Самоидентификация с выдающимся прошлым позволяет членам группы ощущать себя «частью чего-то большего» [Волькович, Калинкина 2015, с. 149] – этот тезис справедлив и для научных сообществ. Стоит отметить, что, опираясь на коллективные воспоминания, представители любого научного сообщества не только воспроизводят свою идентичность, но и конструируют внешний образ [Пискунов, Бугаев, Маклаков 2022].

Любой исторический нарратив строится на основе определенных ценностных императивов – так, аксиологическое основание исторической идентичности «курчатовцев» формируют ценности патриотического служения. Подобное позиционирование обусловлено вкладом коллектива «курчатовцев» в реализацию атомного проекта, который был не только одним из главных научных прорывов Советского Союза, но и обеспечил национальную безопасность и технологическое лидерство страны по многим направлениям. Отражением данных ценностей стали часто встречающиеся в различных материалах Института «классические» цитаты академиков И.В. Курчатова («Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке великой Страны Советов. Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ, наше правительство только

благу человечества отдадут достижения этой науки»²⁹) и А.П. Александрова («Я привык к ответственности за дело, мне порученное, привык доводить до конца, привык считаться прежде всего с государственными интересами»³⁰). Историк В.П. Визгин именовал это «ядерным этосом», который сложился на стыке научного и военного этосов и опирается на мотив гражданско-патриотического характера [Визгин 2005].

Причастность к передовым оборонным исследованиям, безусловно, подчеркивала статус ИАЭ и потому последовательно акцентировалась в историческом нарративе. Вместе с тем, важными объединяющими факторами для коллектива Института атомной энергии одновременно являлась идея приверженности делу мира. И.В. Курчатов, выступая на заседании Верховного Совета СССР, говорил: «Наш народ <...> будет верным борцом за то, чтобы все достижения науки и техники были направлены на благо человека»³¹. Его имя «неразрывно связано с историей превращения СССР в могущественную атомную державу, занимающую передовые позиции в области исследования атомного ядра и использования энергии атома в мирных целях»³².

Кроме того, уже в постсоветский период стала подчеркиваться и свойственная Институту свобода от внешнего идеологического влияния – например, через историю о «спасении» И.В. Курчатовым отечественной генетики в период «лысенковщины» [Головин 1995, с. 34], когда, по словам Е.П. Славского, «генетиков вырастили втайне от Хрущева»³³.

Заключение

Как показало проведенное исследование, научные сообщества, наряду с другими, являются носителями коллективной памяти, ко-

²⁹ Александров А.П. Пример Курчатова // Александров А.П. Собрание научных трудов: В 5 т. Т. 5. М., 2019. С. 338.

³⁰ Черноплеков Н.А. К портрету Анатолия Петровича Александрова // А.П. Александров: документы и воспоминания. С. 256.

³¹ Курчатов И.В. Речь на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. 31 марта 1958 г. // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. М., 2004. С. 512.

³² Курчатов Б.В. Игорь Васильевич Курчатов: Биографический очерк // Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах. С. 16.

³³ Славский Е.П. Из рассказов старого атомщика // Творцы атомного века. М., 2013. С. 52.

торая, в случае институционализации научных коллективов, приобретает черты корпоративной. На примере Института атомной энергии видно, что отправной точкой институционализации памяти стал уход из жизни И.В. Курчатова, образ которого катализировал процесс формирования развернутого нарратива об истории ИАЭ и атомного проекта в целом. Уже к концу 1960 – началу 1970-х гг. в Институте атомной энергии были выработаны целый ряд коммеморативных ритуалов, приуроченных к определенным датам (дни рождения И.В. Курчатова и А.П. Александрова, день основания Лаборатории № 2, день пуска первого ядерного реактора Ф-1), которые нашли отражения на страницах многотиражной газеты ИАЭ им. И.В. Курчатова «Советский физик». Традиции празднования этих дат со временем стали канонически воспроизводимы, однако их содержание переосмыслялось и дополнялось – как на рубеже 1990-х гг., так и позднее, в 2010-е гг., когда НИЦ «Курчатовский институт» начал проводить более масштабную историко-просветительскую работу.

Будучи глубоко проработанным и укорененным в различных коммеморативных практиках, вплоть до музеефикации ряда объектов на территории НИЦ «Курчатовский институт», сложившийся исторический нарратив выполняет три основных функции – укрепление идентичности коллектива, трансляцию определенного набора ценностей от одного поколения сотрудников к другому и, наконец, обеспечение внешнего позиционирования организации.

Литература

- Баранец, Веревкин, Марасова 2015 – *Баранец Н.Г., Веревкин А.Б., Марасова С.Е.* Историческая память научного сообщества // *Власть*. 2015. № 7. С. 89–96.
- Визгин 2005 – *Визгин В.П.* Этос ученого-ядерщика: истоки и формирование (1940–1950-е гг., на материале истории советского атомного проекта) // *Философия науки и техники*. 2005. № 1. С. 261–279.
- Визгин 2019 – *Визгин В.П.* Уроки истории советского атомного проекта // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. № 2. С. 145–163. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.2.9
- Визгин 2022 – *Визгин В.П.* Об Общественном семинаре по истории советского атомного проекта // *Социология науки и технологий*. 2022. № 3. С. 159–177. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-159-177
- Волькович, Калинкина 2015 – *Волькович А.Ю., Калинкина Д.К.* Военно-медицинский музей как инструмент легитимизации индивидуальной и корпоративной исторической памяти // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2015. Т. 212. С. 147–151.

- Гагаринский, Яцишина 2017 – *Гагаринский А.Ю., Яцишина Е.Б.* Курчатовские реакторы. М.: НИЦ «Курчатовский институт», 2017. С. 129–132. (Исследования и разработки Курчатовского института в интересах национальной безопасности)
- Головин 1995 – *Головин И.Н.* От Лаборатории № 2 до Курчатовского института // Курчатовский институт. История атомного проекта: сб. статей. Вып. 1. М., 1995. С. 3–35.
- Запороженченко, Шелегина 2018 – *Запороженченко Г.М., Шелегина О.Н.* Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок» как новая форма публичной памяти // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4. С. 57–61. DOI: 10.15372/HSS20180410
- Запороженченко 2021 – *Запороженченко Г.М.* Публичная память о лидерах сибирской науки (вторая половина XX – начало XXI в.) // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 9–24. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-2-1
- Ковальчук, Федосеева, Яцишина 2025 – *Ковальчук М.В., Федосеева И.В., Яцишина Е.Б.* Курчатовский институт для науки Великой Победы // Успехи физических наук. 2025. Т. 195. С. 1253–1267. DOI: 10.3367/UFNr.2025.05.039980
- Пискунов 2024 – *Пискунов М.О.* Коммеморативные пространства сибирских научных городов и историческая память (об) ученых // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 151–160. DOI: 10.17223/19988613/91/18
- Пискунов, Бугаев, Маклаков 2022 – *Пискунов М.О., Бугаев Р.С., Маклаков М.И.* Бриколаж музейных нарративов новосибирского академгородка: как работают акторы коллективной памяти среднего уровня // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2022. № 79. С. 74–83.
- Яковлева 2020a – *Яковлева А.Ф.* Коллективная память научного сообщества: механизмы формирования // История: электронный научно-образовательный журнал. 2020. Т. 11. Вып. 9. URL: <https://history.jes.su/S207987840011432-4-1> (дата обращения: 01.03.2026). DOI: 10.18254/S207987840011432-4
- Яковлева 2020b – *Яковлева А.Ф.* Коллективная и коммуникативная память научного сообщества: особенности формирования и исследования // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 23–27. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-23-27>
- Taylor 1997 – *Taylor B.C.* Revis(it)ing nuclear history: Narrative conflict at the Bradbury Science Museum // Studies in Cultures, Organizations and Societies Culture and Organization. 1997. Vol. 3. P. 119–145. DOI: 10.1080/10245289708523490

References

- Baranets, N.G., Verevkin, A.B. and Marasova, S.E. (2016), “Historical memory of scientific community”, *Vlast'*, vol. 23, no. 7, pp. 89–96.

- Gagarinsky, A.Yu. and Yatsishina, E.B. (2017), *Kurchatovskie reaktory* [Kurchatov reactors], NITs “Kurchatovskii institut”, Moscow, Russia. (*Issledovaniya i razrabotki Kurchatovskogo instituta v interesakh natsional'noi bezopasnosti*)
- Golovin, I.N. (1995) “From Laboratory No. 2 to the Kurchatov Institute”, in *Kurchatovskii institut. Istoriya atomnogo proekta: sbornik statei* [Kurchatov Institute. History of the atomic project: Collected articles], iss. 1, Moscow, Russia, pp. 3–35.
- Kovalchuk, M.V., Fedoseeva, I.V. and Yatsishina, E.B. (2025), “Kurchatov Institute for science of the Great Victory”, *Physics-Uspekhi*, vol. 195, pp. 1253–1267, DOI: 10.3367/UFNr.2025.05.039980
- Piskunov, M.O. (2024) “Commemorative spaces of Siberian science cities and historical memory of scientists”, *Tomsk State University Journal of History*, no. 91, pp. 151–160, DOI: 10.17223/19988613/91/18
- Piskunov, M.O., Bugaev, R.S. and Maklakov, M.I. (2022), “Bricolage of Novosibirsk Akademgorodok Museum Narratives: How collective memory actors work at the middle level”, *Tomsk State University Journal of History*, no. 79, pp. 74–83, DOI: 10.17223/19988613/79/9
- Taylor, B. (1997), “Revis(it)ing nuclear history: Narrative conflict at the Bradbury Science Museum”, *Studies in Cultures, Organizations and Societies Culture and Organization*, vol. 3, pp. 119–145, DOI: 10.1080/10245289708523490
- Vizgin, V.P. (2019), “Some lessons from history of the Soviet atomic project”, *Science Management: Theory and Practice*, no. 2, pp. 145–163, DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.9
- Vizgin, V.P. (2022), “About the All-Moscow Seminar on the History of the Soviet Atomic Project”, *Sociology of Science and Technology*, no. 3, pp. 159–177, DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-159-177
- Vizgin, V.P. (2005), “The ethos of a nuclear scientist: Origins and formation (1940–1950s, based on the history of the Soviet atomic project)”, *Philosophy of Science and Technology*, no. 1, pp. 261–279.
- Volkovich, A.Yu. and Kalinkina, D.K. (2015), “The Military Medical Museum as a tool for legitimizing individual and corporate historical memory”, *Trudy Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 212, pp. 147–151.
- Yakovleva, A.F. (2020), “Collective memory of the scientific community: Mechanisms of formation”, *Istoriya: elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, vol. 11, iss. 9, DOI: 10.18254/S207987840011432-4
- Yakovleva, A.F. (2020), “Collective and communicative memory of the scientific community: Features of formation and research”, *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 23–27, DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-23-27
- Zaporozhchenko, G.M. (2021), “Public memory of the leaders of science in Siberia (second half of the 20th – beginning of the 21st century)”, *Istoricheskii kur'er*, vol. 16, no. 2, pp. 9–24, DOI: 10.31518/2618-9100-2021-2-1
- Zaporozhchenko, G.M. and Shelegina, O.N. (2018), “Place of interest ‘Novosibirsk Akademgorodok’ as a new form of public memory”, *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 25, no. 4, pp. 57–61, DOI: 10.15372/HSS20180410

Информация об авторе

Алиса А. Беклямишева, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва, Россия; 123182, Россия, Москва, пл. Академика Курчатова, д. 1; alisa0296@yandex.ru

Information about the author

Alisa A. Beklyamisheva, National Research Center “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia; 1, Akademik Kurchatov Sq., Moscow, Russia, 123182; alisa0296@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 3
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 16.07.2026

Выход в свет 23.07.2026

Формат 60×90 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 13,4. Усл. печ. л. 15,1

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2389

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru